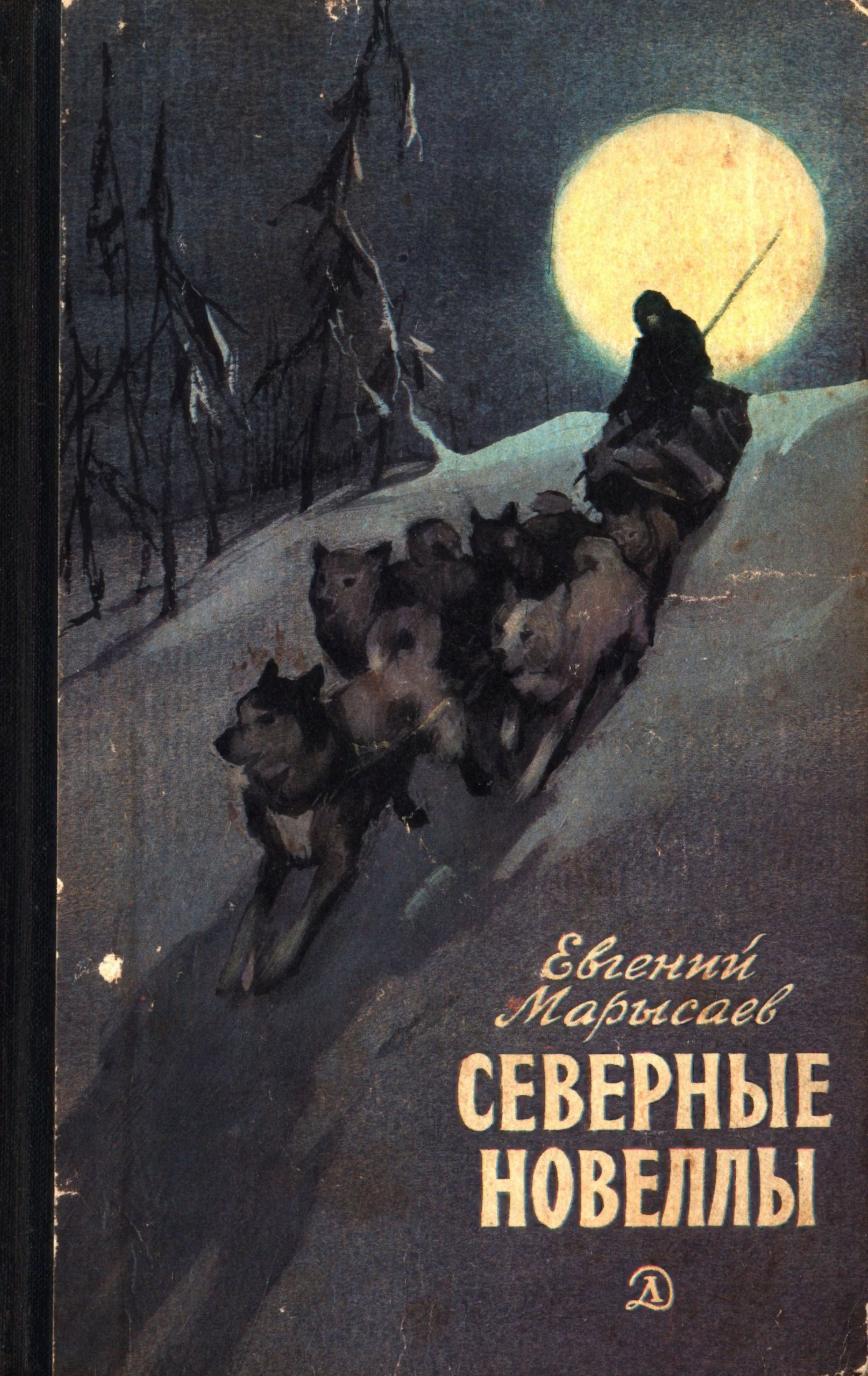

Евгений Марысаев
СЕВЕРНЫЕ НОВЕЛЛЫ
Д

10

2100

1

150

21

150

30

3,150

150

21

15

30

3,150

Евгений Марысаев

СЕВЕРНЫЕ НОВЕЛЛЫ

Рисунки И. Ушакова

МОСКВА
„Детская литература“
1984

Р2
М30

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

М $\frac{4803010102-402}{М101(03)84}$ 336—84

ОТ АВТОРА

Я не сделаю никакого открытия, если скажу, что Крайний Север, Арктика, Камчатка, Якутия, Колыма и Дальний Восток — неповторимые уголки нашей Родины. Есть в них могучая сила притяжения, и недаром человек, однажды побывавший в тех краях, заболевает болезнью Севера: его неудержимо влекут айсберги и торосы Арктики, зигзагообразные, словно молния, хребты Камчатки, дальневосточная тайга, похожая на непроходимые джунгли, синеокие озера Якутии.

Такие богатства таятся в их недрах, что нищенскими, жалкими покажутся в сравнении с ними состояния миллиардеров и даже самого Кащея Бессмертного; там, под землею, скрыты все полезные ископаемые, существующие в природе, вся таблица Менделеева.

Но не о мертвом богатстве природы, алмазах, золоте или серебре, пойдет речь в этой книге — о богатстве живом и потому бесценном: о животных. Обычных, необычных и редкостных, кому государством выдана охранная грамота, кто занесен в Красную книгу — в этот мудрый и одновременно позорный для человечества документ. О лосе и волке, тигре, снежном баране и калане, дельфине и морже, северном вороне и белом гусе, полярной сове и японском журавле, рыси, собаке, лошади, медведе буром, белом...

Надо заранее оговориться: не следует отождествлять героя этой книги, маршрутного и бурового рабочего, побывавшего во многих экспедициях на Крайнем Севере, с автором. Словом, «Я» — это лишь литературный прием. Свидетелем одних событий, которые легли в основу той или иной новеллы, был действительно я, о других был только наслышан, но все события в разное время произошли на самом деле, не выдуманы мною.

И конечно, «Северные новеллы» рассказывают о человеке. Точнее, об отношении человека к живому, бесценному богатству природы.

С болью в сердце приходится говорить, что это отношение далеко не всегда достойно человека. Можно было бы пойти по легкому пути: живописать, например, проказы медвежонка или воришки евражки, арктического суслика, который крал на стоянке геологов продукты. И мне забавно, и читателям приятно, ведь все мы любим цирк. Но не могу. Не могу, потому что вот сейчас, когда я пишу эти строки, где-то на любимом мною Севере, поймав браконьерскую пулю, бьется в предсмертных судорогах снежный баран и неандертальцы

в образе современных людей, вооруженные современной техникой и скорострельными карабинами, хладнокровно расстреливают с вертолета в панике бегущего от них белого медведя. Одним захотелось отведать мяса экзотического животного, другие преследуют уж совсем гнусную цель — продать шкуру белого медведя, она стоит хороших денег. И часто эти преступления остаются безнаказанными: трудно контролировать колоссальную по площади территорию, именуемую Крайним Севером...

Лет десять назад, работая с геологами на Камчатке, в глухом поселке я слышал от старика охотника (там все жители — охотники) такую фразу: «Нынче вот какое время настало: не человека от зверя — зверя от человека спасать надо...» Жестокие слова? Но ведь правда иногда бывает жестокой.

Люди приносят зло зверям, птицам и сознательно, расчетливо, и по легкомыслию, и по непростительному, преступному незнанию. Рад бы не говорить об этом, да не могу: погрешу против истины. Вот почему многие новеллы этой книги с грустным или трагическим финалом.

Существует четкая взаимосвязь, как звенья одной крепкой цепи: звери и птицы — весомая, главная часть природы, без них она мертва, бесплотна; природа — богатство, кладовая людей; человек, наносящий зло зверям и птицам, приносит вред всем людям Земли. Я буду рад, если юный читатель, прочитав «Северные новеллы», до конца осознает эту простую, но очень важную истину.

А если читатель полюбит моих героев, зверей и птиц, как люблю их я, захочет делать им добро — я буду счастлив.

Для этого вовсе не обязательно ехать за тридевять земель. Некоторых из них можно наблюдать даже в таком огромном и шумном городе, как Москва.

Животные и люди должны жить в мире и согласии: ведь гомо сапиенс — человек разумный рождается для добра, а не для зла.

БЕШЕНЫЙ

Дверь с треском распахнулась. Сначала в барак ворвались шипящие клубы морозного пара, потом из них, как из пены, выросла знакомая фигура бурового мастера в овчинном полушубке, огромной волчьей шапке и собачьих унтах. Из правого рукава полушубка был выдран изрядный клок.

— Я пристрелю эту тварь!..— загремел он и сорвал с гвоздя, вбитого в бревенчатый венец, карабин.

Три-четыре человека бросились на бурового мастера, удерживая его от исполнения смертного приговора.

— Ведь нарочно сделал крюк, обошел его! Так нет — догнал и...— успокаиваясь и вешая за ремень оружие, сказал он.— Злее голодного волка!

Буровой мастер был человеком на редкость спокойным и выдержанным, казалось, ничто не могло вывести его из равновесия.

Я присвистнул, лежа на нарах. Завтра наступала моя очередь отвозить на собачьей упряжке керн — наш «продукт», добытую колонковым бурением породу, цилиндрические кругляшки гранита, уложенные в ящики.

До поселка, где находилась база экспедиции, было двое суток езды, или одна луна пути, как говорят камчатские аборигены — эвены и коряки,— и провести это время в обществе Бешеного мне ничуть не улыбалось.

Я натянул унты, накинул полушубок и вышел на мороз.

Одиннадцать распряженных ездовых псов лежали возле длинной грузовой нарты. Я хотел было зайти за угол барака, но вдруг раздалось длинное, басовитое, воинственное рычание, и от своры отделился Бешеный. С поднятым трубой хвостом и ощеренной пастью он бросился ко мне. Я успел захлопнуть изнутри дверь.

Вот так-то. Иной раз этот дьявол в собачьей шкуре, если особенно не в духе, не даст сбегать до ветру. Пожмешься, пожмешься и под хохот буровиков вновь лезешь на нары.

Но сейчас никто не засмеялся.

— Что-то нужно решать,— сказал буровой мастер.— Неровен час, кого-нибудь до смерти загрызет.

Начальник геопартии, сидевший за грубым самодельным столом, заваленным бумагами, повернул ко мне голову. Тоном приказа он сказал:

— В поселке подыщешь другого вожака. Сам не найдешь — от моего имени попроси начальника экспедиции. Он поможет. На покупку кое-что подбросит бухгалтерия, еще скинемся по трешке с брата. Так что особенно не торгуйся. Вопросы есть?

— А куда девать Бешеного?

— В расход. Бешеный — исчадие ада, его в живых нельзя оставлять. Да в поселке не стреляй: оштрафуют. В тайгу замани.

В партии он появился в конце сентября, когда на Северной Камчатке уже прочно лег снег, разбойничала пурга и стояли легкие первые морозы. Минуло две недели, как мы ездили на нарте. Смену, три человека, собаки развозили на буровые и обратно. Три буровые были разбросаны за четыре, семь и одиннадцать километров от барака; каждая работала в три смены. Весной, летом и осенью мы ходили на буровые пешком, дорога выматывала нас больше работы. Камчатское такси —

собачья упряжка — домчит за считанные минуты; проехаться с ветерком на нарте — одно удовольствие; псы здорово выручали нас.

Однажды ночью меня разбудила грызня собак. Такое случалось довольно часто. Властолюбивые псы дрались за право подняться на высшую ступеньку иерархической лестницы — именоваться вожаком. Упряжка образовалась недавно из собак, приобретенных нами в разных поселках, и псы еще окончательно не решили, кто же будет их хозяином и повелителем. Пока с грехом пополам это почетное звание удерживала широкогрудая северная лайка по кличке Корф (так назывался поселок на Северной Камчатке, где буровики купили собаку). О том, как тяжко было ему главенствовать в упряжке, красноречиво свидетельствовали многочисленные шрамы и свежие раны, исполосовавшие тело северной лайки.

Обычно драка продолжалась минут пять—семь, не больше. Этого времени Корфу было достаточно, чтобы отбить атаки и осадить «претендентов на престол». Но сейчас грызня не прекращалась.

Чтобы ветер не выдувал тепло из барака, узкие оконца были заставлены снаружи прямоугольниками льда, вырубленными из реки, сквозь них ничего не было видно, только сочился свет. Пришлось одеться и выйти на мороз. На всякий случай я прихватил карабин, бич и электрический фонарь.

Было светло от луны и звезд. В зыбком ртутном свете собаки сплелись в тугой клубок. Живой клубок катался по снегу, из него время от времени выскакивал то один, то другой пес, но тотчас бросался в самую гущу. Разнимать дерущихся ездовых псов — занятие почти бесполезное, да и небезопасное, это вам не квартирные ухоженные и воспитанные шавочки, неистовую злобу и ненависть в горячке они могут перенести на человека. Правда, выстрелом в воздух можно отвлечь или напугать собак, но я пожалел уставших на смене парней. Стоя на почтительном расстоянии, я ждал, когда псы выдохнутся и драка прекратится сама собой. И она действительно скоро прекратилась.

— Корф! К ноге! — приказал я. Хотелось убедиться в том, что вожак не получил серьезных ран.

Пес, однако, не выполнил моего приказа. Он сидел на задних лапах, окруженный своими сородичами, и глухо, длинно рычал. Мне вдруг показалось, что это не Корф,— очевидно, тому причиной был неверный лунный свет, деформирующий окружающие предметы. Я включил фонарь. Слепящий упругий луч уперся в вожака. Тот поднялся на все лапы, и я рывком сдернул с плеча карабин: в первое мгновение мне показалось, что это волк. Белые ноги, белое брюхо, рыжевато-серая спина, косые прорези глаз и тело гибкое, литое, поджарое... Правда, смутил крупный рост зверя, волки помельче, ну да от неожиданности я не придал тому значения.

Высокая карабинная мушка запрыгала в прорези прицела. Через секунду участь непрошеного гостя была бы решена, если бы зверь в этот момент не залаял. Он прыгал вокруг меня — хвост трубой — и лаял громко, взахлеб, басовито. Похоже, решил напасть. Хлесткий удар бича не успокоил, а, напротив, еще больше раззадорил пса. Пришлось выстрелить в воздух. И только тогда он отскочил, но бесноваться не перестал.

Разбуженные выстрелом, из барака вышли буровики. Я объяснил им, в чем дело. Парни почесали затылки.

— Откуда он взялся?..

— Из какого-нибудь ближайшего поселка прибежал. Или от своей упряжки отбился. Не ужился в ней.

— Кобель-то прямо бешеный... Глянь, никак не успокоится, того и гляди нападет.

— Ребята! Сюда!..— позвал кто-то из буровиков.

Он стоял в стороне, там, где пять минут назад дрались собаки. Мы поспешили к нему.

На снегу, далеко вытянув лапы, неестественно выгнувшись, в замерзшей лужице крови лежал Корф. Вожак был мертв: глотка располосована, как ножом, от скулы до скулы.

— Дела...

— Может, пристрелить? И остальных ведь порвет!

— Нет, не порвет,— сказал начальник геопартии, глядя на нежданного ночного гостя.— Теперь он точно не порвет.

Я оглянулся. Моему взору предстала картина, предельно ясная для того, кто имел или имеет дело с собаками.

Наши псы вытянулись гуськом и поочередно подходили к убийце Корфа. Тот стоял хозяином, победителем и рычал, но не злобно, а так, для порядка. Собаки, каждая по-своему, выражали зависимость, подчиненность недавнему сопернику и врагу. Вот подошел Буран. Куда девалась былая агрессивность! Бесследно исчезло достоинство кобеля. Он изгибался змеей, шея скользила по снегу. Снизу вверх заглядывая на победителя, он робко лизнул его в нижнюю челюсть. Пришелец взял морду Бурана в свою пасть, как бы предупреждая: «Вздумаешь впредь ерепениться — загрызу. Понял?» Семенящими, наискосок, лакейскими шажками Буран удалился, успев лизнуть ляжку грозного пса. Его тотчас сменила рослая блудливая сучка Манька.

С поджатым хвостом, прижатыми к голове ушами, Манька кокетливо подняла сначала одну, затем другую переднюю лапу, осмелившись, коснулась лапой спины новоявленного вожака, а потом завалилась на спину. Громадный пес обнюхал живот сучки. Своим видом он как бы сказал ей: «Ладно, мол, будет время — поиграем, а сейчас не до тебя, проваливай, есть дела поважнее. Следующий!» Следующим был Персик (названный смешной фамилией технорука экспедиции, который привез эту собаку на буровую). Приближаясь, Персик размахивал из стороны в сторону пушистым хвостом — точь-в-точь щенок, нашедший спрятавшегося хозяина. Он легонько прижался своим туловищем к туловищу победителя и нежно начал облизывать его морду.

Позорное для наших собак шествие завершилось. Мы направились к бараку. Завтра решим, что делать с этим дьяволом. Утро вечера мудренее. Я шел последним и опасливо косил глазом на пса, сжимая рукоять бича. И не зря. Когда мы были возле барака, он летящими прыжками бросился на нас. Удар бича пришелся по морде, на мгновение пресек, сбил агрессивность зверя. Воспользовавшись коротким замешательством собаки, мы один за другим, как напуганная стайка полевок в нору, юркнули в распахнутую дверь барака.

— И вправду Бешеный! — сказал начальник геопартии.— Подходящей имечка ему и не найти...

Утром, собравшись на смену, вышли из барака. Решили вожаком запрячь Бурана. Вместо погибшего Корфа.

В Бешеного, кажется, и вправду вселился бес. Едва скрипнула дверь, он бросился на людей. Даже выйти, подлец, не дает! Напугали выстрелом в воздух. Пес отбежал в сторону, там продолжал метаться и злобно лаять.

Я невольно залюбовался им. Крупный рост и буйволиная сила вовсе не затушевывали грациозной легкости зверя; напротив, изящество сквозило в каждом выпаде, любом движении Бешеного. Он был красив красотою дикого мустанга, которого люди решили загнать и пленить; в янтарных глазах так и сверкала непокорная волчья ярость. Только теперь, при свете дня, я заметил белую звезду на лбу собаки и аккуратные белые бровки — явный признак лайки. Второй родитель Бешеного, судя по окрасу, нраву и размерам, был восточноевропейской овчаркой.

Мы начали надевать на собак упряжь. Бешеный вдруг успокоился. Он замер в чуткой стойке легавой, неотрывно глядя на нас, и повизгивал от нетерпения. Когда очередь дошла до Бурана и я распутал, вытянул самую длинную постромку, предназначенную для вожака, произошло неожиданное. Бешеный со всех ног бросился к нарте, хватил клыками Бурана — бедняга, воя, отпрыгнул с прытью, которой позавидовал бы любой зайчишка,— и твердо, по-хозяйски встал задом ко мне: запрягай! Я растерялся и, стоя в снегу одним коленом, таращил на громадного пса глаза; вид у меня, верно, был презабавный.

— Все ясно,— сказал начальник геопартии.— Бешеный ходил вожаком.— И он безбоязненно надел на собаку упряжь.

Над собачьими головами просвистел и щелкнул бич. Псы рванули нарту. Бешеный сразу же задал высокий темп и бежал так, словно тропа была знакома ему до мельчайших подробностей. Он ориентировался мгновенно и точно рассчитывал, с какой стороны разумнее обойти повстречавшийся на пути валун, чтобы не разбить о камень нарту, с этой же целью в узком

проходе между деревьями замедлял бег и оглядывался: удачно ли прошла нарта?

Впереди показался копер буровой вышки. Нам не пришлось тормозить нарту остолом. Вожак мягко осадил возле тепляка, сам догадался, что здесь конечная остановка.

Пока мы принимали смену, я краем глаза наблюдал за Бешеным. Собаку словно подменили. Это была сама покорность, само послушание! Живо разняв подравшихся Маньку и Бурана, он неотрывно глядел на тепляк. Когда вышла смена — три человека, которым предстояло ехать на отдых в барак и которых наш новый вожак видел впервые,— он даже не облаял людей. Щелкнул бич, и собаки понесли нарту обратной дорогой, подняв снежный вихрь.

Казалось бы, с Бешеным произошла чудесная метаморфоза — он стал послушным, покорным псом, и вызвана она была понятными причинами. Пес обрел хозяина — человека и добился высшей среди ездовых собак «должности» — стал вожаком. Но это только нам казалось.

Через восемь часов на буровую приехала вторая смена. И вот что парни рассказали... Когда возле барака с собак сняли упряжь, в Бешеного тотчас вселился дьявол. Он бросился на рабочего и хватил его клыками за ногу. От укуса парня спасли толстые собачьи унты. Вожак бесновался восемь часов кряду, буквально не давал ребятам выйти из барака. Но вот настало время ехать на буровую второй смене. И едва люди, бичом и выстрелом отогнавшие собаку, подошли к нарте, вновь произошла неожиданная метаморфоза: подскочил Бешеный и позволил надеть на себя упряжь.

И такое непонятное поведение вожака продолжалось пятый месяц, по сей день. В упряжке был как шелковый, на свободе — сам сатана! Причем смена нрава происходила мгновенно, без какого-либо перехода. И еще одну странную особенность подметили за Бешеным. Он не терпел, ну прямо выходил из себя, если мы ласкали других собак. Стоило мне только подойти к псу и потрепать по загривку — вожак со всех ног наскакивал на нас, сначала злобно кусал, отгонял пса, а затем принимался за человека.

Мы терялись в догадках, пока не пришли к едино-

душному выводу: Бешеный с патологическими отклонениями: природа-матушка по ошибке наделила его порцией агрессивности и злобы, рассчитанной на десятерых.

В геологических партиях царит сухой закон — и оружие под рукой, и дикая тайга рядом, мало ли что взбредет в голову подвыпившему человеку,— но под Новый год начальник достал наш НЗ — медицинский спирт, которым пользовались для растирания от простуды и обморожения. Пришлось граммов по сто на брата — выпивка чисто символическая для крепких, закаленных на нелегкой работе, продубленных морозом мужчин.

И вот в самый разгар веселья, если позволительно назвать весельем развлечение одичавших без женского догляда бородатых мужиков, дурашливо дерущих глотку под трехрядку, кто-то из буровиков приоткрыл дверь. Делали мы это довольно часто, чтобы проветрить горницу от табачного дыма и жара, исходившего от раскаленной докрасна «буржуйки». Через минуту-другую, когда спертый сизый воздух становился свежим и прозрачным, дверь закрывали.

В барак ворвался Бешеный. Мы замерли от неожиданности. До этой минуты вожак разбойничал на улице и никогда не входил в человеческое жилище. Он с ненавистью, именно с ненавистью, втянул расширенными ноздрями воздух и без предупредительного лая и рычания хватил клыками одного, другого... Начальник геопартии запустил в четвероногого гангстера чайником с крутым кипятком, причем ошпарил себе руку. Бешеный ухитрился увильнуть и от чайника, и от летевших брызг и проскользнул в приоткрытую дверь.

Кровоточащие раны смазали йодом, перевязали. Решили миром: утром пристрелить вожака. Горбатого могила исправит; Бешеного излечит только пуля — она давненько его ищет.

Проснувшись, немного остыли. Начальник геопартии предложил применить к Бешеному крайнее средство: переломить сатанинский нрав пса побоями. Однажды на Чукотке я был свидетелем подобной экзекуции. Бичом лечили злобную ездовую собаку, которая насмерть загрызла две дюжины своих соплемен-

ниц и покусала погонщика. И что же? Вылечили. Точнее, переломили. Она четко поняла, что кусать людей и загрызать насмерть себе подобных возбраняется. Нет, вовсе это не жестокость. Жестокость — когда отвозят на живодерню старого и больного пса, годами служившего верой и правдой своим хозяевам. А здесь вовсе не жестокость. Необходимость.

Роль экзекутора выполнял начальник геопартии. Будто бы собираясь запрягать собак, он подошел к нарте. Бешеный, само послушание, подбежал к человеку. Вместо упряжи тот пристегнул вожаку ошейник с длинным поводком, привязал конец к стволу ближайшей лиственницы.

Наш начальник был здоровенным мужиком. Бич в его руке с посвистом вспарывал воздух, удары сыпались один за другим. Зрелище было тягостное...

Помнится, получив двенадцать — пятнадцать ударов, тот агрессивный пес с Чукотки вдруг лег на землю, жалобно поскуливая и часто-часто виляя хвостом, на брюхе пополз к человеку. Этой позой, этими жестами собака выразила полное подчинение. Рано или поздно так поступит всякий пес, злобный нрав которого люди решили переломить побоями.

Но Бешеный и не думал подчиняться. Он метался на привязи, стоя на задних лапах, весь подавшись вперед, лязгал клыками.

Начальник геопартии отбросил бич, сдвинул на затылок ушанку.

— Бесполезно, ребята,— сказал он.— Это не собака. Это выродок.

Мы запрягли наших трудяг, пора было на смену. Место вожака занял Буран.

Собаки, словно сговорившись, отказались работать! Они легли на снег, и ни удары бича, ни пинки не могли их сдвинуть с места. Все смотрели на Бешеного, своего законного вожака, силой и кровью завоевавшего это звание. А тот, натянув поводок, смотрел на них.

Начальник геопартии распряг Бурана. Затем обошел Бешеного с тыла, не решаясь снять с него ошейник, острым охотничьим ножом обрезал поводок. Несколько длинных прыжков — и вожак встал во главе упряжки. Его запрягал наш начальник. И пес при этом стоял как ни в чем не бывало.

...В середине января мимо нашей хижины проезжал санно-тракторный поезд — буровики другой экспедиции. Они зашли к нам согреться чайком. Разговорились. Выяснилось, что они едут за триста километров, к границе с Чукоткой,— там им предстоит пробурить две скважины. Собачья упряжка им без надобности: жилье будет находиться рядом с буровой, а керн они отвезут на тракторе, когда поедут обратно.

Прислушиваясь к лаю собак за бревенчатой стеною барака, начальник приезжих с горечью сказал:

— Везли пса. Под гусеницу трактора угодил, погиб, бедняга. Уж и не знаем, как в тайге без собаки...

— В чем дело, дружище! Выбирай любую,— перебил наш начальник. Бери, бери,— настойчиво повторил он, когда тот начал отказываться.— У нас их навалом. Обойдемся.

— Огромное спасибо! Выручили, ребята, прямо выручили...

Когда гости, отдохнув, вышли на мороз, у меня мелькнула подленькая мыслишка: сбагрить Бешеного! Но этот мерзавец, как нарочно, начал бросаться на приезжих. Я с трудом отогнал его ударами бича.

— Конечно, вон тот,— начальник приезжих кивнул на Бешеного,— самый-самый... Но у нас совести не хватит просить...

— На Кавказе среди горцев знаешь какой обычай, старина? — поспешно, но издалека начал я.— Если гость что-то похвалит, хозяин дарит это гостю. Так что бери. Дарим, хотя и от сердца отрываем. Правда...— Я помялся.— Характерец у этого подарочка... ну, не очень, скажем, покладистый.

— Интересно, а где такой обычай: подкладывать гостям свинью?— строго спросил меня наш начальник.

И он рассказал о Бешеном все, понося его самыми последними словами. Но странно, это вовсе не смутило начальника приезжих, скорее, наоборот.

— Не обижайтесь, друзья, но вы просто не сумели найти нужного ключика к псу. А я найду, уверен. С детства дело с собаками имею, кучу книг по кинологии прочел. По науке с ним обращаться буду,— заверил нас начальник приезжих.

Словом, гости увезли Бешеного. Вожака дружно ловили миром, но он не давался. Наконец пленили креп-

кой капроновой сетью, связали лапы, челюсти стянули кожаным ремешком. Взбрыкивающего, сдавленно скулящего Бешеного занесли в дощатую времянку — домик с печкой-«буржуйкой», установленный на тракторных санях. Гости хотели заплатить за собаку, но мы наотрез отказались, а я добавил, что мы готовы сами заплатить им любые деньги, чтобы навсегда избавиться от этого человеконенавистника.

Когда санно-тракторный поезд исчез за поворотом реки, один из буровиков просветленным лицом посмотрел на восток, перекрестился и отбил земной поклон.

— Слава тебе, господи! — с чувством сказал он.— Услышал, услышал, родимый, мои молитвы...

Радость наша, однако, была преждевременной. Буквально через полчаса мы готовы были бежать за санно-тракторным поездом, чтобы вернуть нашего вожака.

Дело в том, что запряженные собаки грызлись между собою и отказывались тянуть нарту. Возможно, не потому, что упряжку теперь не возглавлял Бешеный,— псы видели, как его поймали, связали и увезли, и, стало быть, сделали для себя надлежащие выводы,— а оттого, что не признавали вожаком Бурана. Тот ничем не проявил, не утвердил себя перед сворой. За что, собственно, ему такая привилегия? Опасаясь за жизнь Бурана, мы запрягли вожаком Персика. Бесполезно. Та же реакция. Персик, по мнению собак, да и людей тоже, был не лучше остальных. Когда во главе упряжки поставили Маньку, псы чуть было не разорвали ее. Здесь их, конечно, можно было понять!

Мы вконец измучились с нашими упрямцами, и не столько они нас возили, сколько мы их тащили с нартой. Когда самый сильный и бойкий пес утвердит себя в роли вожака, все встанет на свое место. Но когда именно наступит этот момент? Через день? Через три дня? Через неделю?..

Неизвестно, сколько бы мы еще маялись с псами, если бы три дня спустя не примчался Бешеный. Он был страшно худ, живот втянут, как у гончей; правое ухо, словно подрезанное у корня, безжизненно упало на лоб, а по бокам зияли две длинные и глубокие раны. Видно, плутая по тайге, вожак наткнулся на медвежью берлогу, потревожил «хозяина», не в силах переменить свой скверный нрав, вступил с ним в драку. И собаки стали

работать с прежним рвением: ими командовал законный вожак.

Забегая вперед, скажу, что ранней весной обратной дорогой мимо нашего жилища проезжали буровики, которым мы так неудачно подарили Бешеного. Они поведали историю бегства вожака. Стало ясно, что его подрал не медведь.

Побег Бешеный совершил еще в дороге. Двое суток — день и ночь — он бился в дощатой времянке, хрипел, скулил. Люди подумали, что зверь голоден, и с опаской сняли ремешок, стягивающий челюсти; при этом он изловчился и до крови располосовал клыками человеческую руку. Пищу гордый, непокорный пес не принял.

Затем он резко, без перехода, успокоился. Лежа со связанными лапами, собака тоскливо глядела в оконце с жиденькими рамами. Там, за окном, сверкал день, мелькали частые деревья, синело яркое небо. Там была свобода, которую Бешеный так желал и любил...

И умный пес понял, что злобой людей, лежащих на нарах и сидящих за самодельным столом, не пронять, не одолеть. Надо притвориться сломленным, покорным. И он притворился таким. Съел целую миску гречневой каши с мясом. Попил концентрированного молока. Даже разрешил потрепать себя по загривку. Воображаю, чего это ему стоило! И люди, успокоенные, обрадованные крутой переменой в поведении собаки, потеряли бдительность. Они развязали пса. А он именно этого и добивался.

Два прыжка понадобилось вожаку, чтобы оказаться на свободе. Один — и он вспрыгнул на стол. Другой — и Бешеный крутолобой головой, мускулистыми плечами вышиб жиденькую раму оконца, на ходу выпрыгнул из санно-тракторного поезда на обочину дороги. Острые края разбившегося стекла, как медвежьи когти, врезались в тело собаки, продрали бока, чуть было не отсекли правое ухо. Вожак побежал обратной дорогой. За ним на снегу тянулся кровавый пунктир.

Люди не преследовали собаку. Побоялись. И правильно сделали. От Бешеного лучше держаться подальше.

Начальник глянул на меня и кивнул на вожака.

— Рука не дрогнет?

— Надо — значит, надо. Не дрогнет.

— Бей под левую лопатку... Нового вожака сразу не покупай. Сначала попробуй в упряжке. Пусть собаки его признают, подчинятся ему.

— Конечно.

— Ну, пошел! До встречи.

— Счастливо оставаться, ребята!..

Последнюю фразу я выкрикнул вместе с ударом бича. Груженная ящиками с керном нарта, скрипнув полозьями, тронулась с места. Вскоре наша хижина исчезла за поворотом реки; впереди виднелась едва приметная тропа, припорошенная снегом.

Ездить на тяжело груженной нарте в дальний путь— это вовсе не удовольствие. Трудная, порою изнурительная работа. То и дело приходится перетягивать дубленые ремни, стягивающие груз, на спуске тормозить остолом и ногой, при подъеме толкать нарту, помогать псам-трудягам. Несмотря на мороз, от тебя идет пар, как от разгоряченного скакуна, рубаха не просыхает. Да еще следи, как бы не разбить о ствол дерева нарту или не загреметь под откос самому.

На каждую собаку приходилось груза килограммов по сорок. Это предел. Можно было бы запрячь их цугом — попарно вдоль одной веревки, им было бы полегче тянуть такую тяжесть. Но цуговая упряжка лишает собак необходимой на извилистой тропе маневренности. Поэтому псы были запряжены веером. Любой самый крутой поворот при таком способе подвластен погонщику.

И конечно, незаменимый помощник каюра — умный, опытный вожак, которому его сородичи подчиняются не огрызаясь. Недаром на Крайнем Севере хороший вожак ценится дороже всяких денег. Именно таким был Бешеный. Мои команды он схватывал на лету, понимал с полуслова. Кроме того, вожак зорко следил, чтобы каждый пес честно работал, не филонил. Вот ослабла постромка Персика, волочится по снегу: пес устроил себе самовольно передышку. Я не успеваю подстегнуть его бичом. Бешеный тут как тут с коротким рычанием погружает клыки в шею ленивца. Наказанный пес, будьте уверены, теперь начнет трудиться на износ. Даже Маньку он не милует, хотя ее лень можно понять. Она на сносях. Между прочим, виновник интересного

положения сучки он, Бешеный. Но ему на это наплевать. В упряжке для него все равны и должны работать на совесть. Изредка сучку рвет. Вырвет на ходу — и мчится как ни в чем не бывало. Хорошая собака, не зря прежний хозяин ее продавать не хотел.

Время от времени на нарту вспрыгивает Буран и пробирается ко мне по ящикам. Я знаю зачем. Всем неплох пес, но не умеет, дурачок, выгрызать застывший между когтями лед. Лед почему-то нарастает на лапах Бурана чаще, чем у других собак. Не останавливая нарту, я ножичком быстро вычищаю замерзшую влагу; Буран в знак благодарности смачно лижет мою физиономию и спешит на помощь своим соплеменникам. Все забываем попросить эвенов в поселке сшить из камуса псу мокасинчики, они необходимы ему в дальней дороге.

Бешеный видит, как Буран вспрыгивает на нарту, и не возвращает собаку на место. Понимает: не от безделья, иначе пес охромеет и не побежит. Умен вожак. По-волчьи. По-волчьи злобен и по-волчьи умен.

Помнится, в начале зимы, когда еще не стала река, я наблюдал, как наши псы ловили рыбу, конечно, под руководством Бешеного, сами бы они сроду до такой хитрости не додумались. Рыбы в здешних краях полно, видно, как ходит она и стаей и поодиночке. Но не так-то просто ее поймать. Дурашливый пес что́ делает? Заметил в прозрачных струях мелькнувшую темную спину — бултых в воду! На версту все живое распугает. Так собаки рыбачили до прихода Бешеного. Вожак научил их верному способу. Он «приказал» им переплыть на тот берег, а сам остался на противоположном, зайдя по колено на песчаную отмель. Бешеный негромко взлаивал. Это служило приказом: в воду! И псы дружно бросались в реку. Рыба, конечно, устремлялась прочь, на отмель, где стоял в напряженной позе Бешеный. Он ловко хватал рыбину одновременно передними лапами и клыками и прыгал с добычей к берегу. Потом все повторялось сначала...

Сумею ли я отправить на тот свет такого пса? Сейчас, в дороге, наблюдая за Бешеным, я крепко в том засомневался...

Между тем яркой белой розой расцвел, заполыхал коротенький северный денек. Солнечный ободок, выглянувший из-за скалы, высветил одну сторону долины, из-

ломанный, зигзагообразный гребень хребта, валуны и елки на склонах. Морозец за пятьдесят, холодными когтями дерет ноздри, закрывающая все лицо черная шерстяная маска с прорезями для глаз, носа и рта затвердела колом, примерзла к бороде.

На исходе дня — было это в три часа, когда солнце исчезло за склоном хребта и на снег невесомо легли синие и алые полосы заката,— я сделал получасовую остановку. Собакам надо немного отдышаться. Да и мне тоже. Им я бросил по вяленой рыбине, а сам достал завернутый в спальный мешок термос и извлек из внутреннего кармана полушубка бутерброды в чистой тряпице. Они, слава богу, не промерзли. Крепчайшей заварки горячий чай я смаковал маленькими глотками, как ликер. Кофе северяне не жалуют. На таком морозе он бодрит не более четверти часа, а затем расслабляет, подобно водке. Крепкий же чай надолго снимает любую усталость.

Отдышались — и снова в путь. Без сумерек наступила ночь. Огромная желто-красная луница с тремя разноцветными ободами неплохо освещала тропу. Казалось, лунный диск висит совсем рядом, за вон той скалой, и, взобравшись на вершину, до него можно добросить камнем — и он зазвенит. Резче, визгливее заскрипели полозья, слышнее стал шорох снега под собачьими лапами, пар, вырывавшийся изо рта, шипел — застывал на лету. Мороз сатанел.

К полуночи от усталости все плыло перед глазами: обочины, луна, яркие крупные звезды. На крутом повороте я чуть было не свалился с нарты и понял, что на сегодня, пожалуй, хватит. Шабаш. Не дай бог расшибить голову или сломать ногу. Один в тайге сгинешь.

Надо бы перекусить, но сил хватило только на то, чтобы поставить палатку с двойным байковым утеплителем и перенести туда спальный мешок. Собаки проглотили по куску замерзшей гречневой каши с мясом — своего рода самодельный аляскинский мясной концентрат, которым кормят псов в дальней дороге.

Следовало бы, как положено, раздеться до трусов и майки, одежду равномерно запихать в спальник, но я поленился, только скинул полушубок и унты. Авось не замерзну, по бокам есть две живые печки: Буран и Манька. В дороге они всегда спят со мною в палатке.

Не помню, сколько я дремал. Разбудил меня злобно-заливистый лай собак.

Доля минуты — и я, одетый, щелкнув карабинным затвором, выскочил из палатки. Но мои опасения были напрасными. К моей стоянке на собачьей упряжке подъезжал человек.

К моему великому изумлению, вожак, подскочив к погонщику, вильнул хвостом и отбежал. Мало того. Когда мои собаки набросились на чужаков — в упряжке ночного гостя было пять псов — с явным намерением завязать жестокую драку, Бешеный живо отогнал своих подчиненных, а чужаков поочередно и очень дружелюбно обнюхал.

С нарты спрыгнул маленький и круглый от множества меховых одежд каюр и подошел ко мне. Яркая луна осветила круглое, скуластое, очень темное лицо, жиденькую серебряную бородку клинышком и усы. Это был эвен.

— Трастуй!

— Амто-о! — поприветствовал я старика на родном ему языке, как и положено, растягивая окончание с этаким французским прононсом.

Мы как бы поменялись национальностями. Часто достаточно одного такого приветствия, чтобы навсегда расположить к себе этих по-детски доверчивых, милых и кристально чистых людей.

— На промысел, отец?

— На окоту, отнако, на окоту.

— Чего ночью по тайге плутать.— Отдыхай до утра у меня, Долган. Сейчас чайку сообразим.

Он не удивился, когда я назвал его фамилию и, вероятно, не ошибся: добрая половина эвенского населения Камчатки носит эту очень распространенную фамилию — Долган.

Я наломал в тайге сушняка, и вскоре яркое, чистое пламя разорвало лунные сумерки. Мы устроились на толстом стволе сухостоя. Старик угостил меня вкуснейшей строганиной. Потом пили чай; гость закурил коротенькую самодельную трубочку, я — сигарету.

Охотник рассказал, что живет в небольшом смешанном эвено-русском поселке за две сотни километров отсюда. Ему семьдесят восемь лет, давно на пенсии, но

промысла не бросает: две дюжины внуков учатся в Хабаровске и Ленинграде, им надо помогать.

В разговоре я не забывал время от времени поглядывать на Бешеного; бич лежал у моих ног. Очень странно и непонятно вел себя вожак. Он сидел неподалеку и неотрывно глядел на моего гостя прямо-таки влюбленными глазами. Хвост ходил из стороны в сторону. А это первый признак самого доброго расположения пса к человеку.

Очевидно, подумал я, все объясняется тем, что северные собаки больше любят национальное население, нежели русских. Ни эвен, ни коряк, ни чукча никогда не запустит в пса камнем. Для них собака — член семьи; для русского, увы, или тягловая сила или помощница в охоте.

Да, все это было так и, безусловно, имело немаловажное значение. Но главная причина удивительной перемены Бешеного крылась в другом.

Острым охотничьим ножом, сделанным из разогнутого подшипника (это лучшая для ножа сталь), старик постругал мороженое оленье мясо и кусочки протянул Бешеному. Тот сразу подскочил и проглотил подачку. Затем в знак багодарности лизнул человека в темную руку и лег рядом с ним. Я крепко потер переносицу: уж не мерещится ли мне все это?..

— Тавно у вас эта сопака? — спросил эвен.

— С начала зимы.

— Та, та, с насяла симы...— повторил он мои слова, как бы что-то припоминая.

— Пес тебе знаком, отец! — наконец с опозданием догадался я.

— Снаю сопаку, снаю. Хоросий сопака. Умный сопака. Вот хосяин ее хутой селовек. Шипко хутой.

И старик поведал мне историю Бешеного...

Кличка у него была, конечно, иная. Держал его вместе с другими четырьмя собаками сосед Долгана, русский мужик, злой и нелюдимый человек, промышлявший на жизнь охотой. Лет двадцать назад с проезжим геологом от него сбежала жена с маленькой дочкой. С тех пор он жил бобылем, замкнулся в себе, шибко пил. Пьяный бичом в кровь избивал своих псов; это у него вошло в привычку и было своеобразным, диким развлечением. Соседи увещевали, стыдили его, но тщетно.

А псы, особенно Бешеный, были хороши и как добытчики и в упряжке. Бешеный неизменно бежал вожаком.

В поисках ласки, теплого отношения собаки прибивались то к одному, то к другому двору, но хозяин силой возвращал свою собственность и избивал их за бегство. Не один раз Бешеный перепрыгивал невысокий плетенек, отделявший двор Долгана, искал у эвена спасения, недолго жил с его собаками. Псы хозяина Бешеного отличались злобным нравом. И немудрено.

Однажды пьяный хозяин особенно жестоко наказал пса за бегство. И собака не выдержала побоев. Нет, она не скулила, лежа на земле, не подползала на брюхе к своему палачу с попыткой униженно лизнуть его руку. В ней проснулся бес. Она взорвалась. Силы Бешеному не занимать. Он прыгнул на хозяина, сшиб с ног и вцепился ему клыками в глотку. Плохо бы пришлось человеку, если бы соседи не отбили его от вожака. С рваной раной хозяина увезли в больницу. А вожак в тот же час исчез из родного поселка и больше никогда в нем не появлялся...

Мы засиделись. Пора было спать: завтра мне предстоял день нелегкого пути. Я предложил Долгану переночевать со мною в палатке. Он согласился явно из вежливости: эти морозоустойчивые люди, не в пример изнеженным европейцам, в любой мороз предпочитают в пути спать на открытом воздухе. Расстелил собачий спальный мешок, забрался туда сам, присыпал сверху снегом — вот тебе и готовое ложе. Я как-то попробовал переночевать таким способом. Чудом не замерз.

Бурана и Маньку, к большому их неудовольствию, пришлось изгнать из тесной палатки, все вместе мы в ней не помещались.

Старик сразу же, как уставший ребенок, засопел, а я долго ворочался с боку на бок, никак не мог забыться.

Эх, ребята, ребята!.. А еще считаем себя неплохими, знающими собачатниками: мол, не первый год с этими зверями дело имеем. Не поняли, не раскусили пса. Шарахались от него, как от чудовища, а разговаривали с вожаком только при помощи бича. И никто, ни один человек не задался простым вопросом: а почему он такой агрессивный и злобный? Никому даже в голову

не пришло хоть разок приласкать Бешеного. Ведь он именно ласки ждал от человека...

С мучительным чувством стыда, запоздалой вины, словно перед человеком, вспомнил я, как бичом переламывали злобный нрав пса.

Теперь-то мне понятно, почему Бешеный терпеть не мог, когда кто-нибудь ласкал собак. Завидовал он, люто завидовал: почему ласкают кого-то, а не его?

Сейчас-то мне ясно, отчего вожак под Новый год ворвался в барак и покусал людей. Запах спиртного он по привычке связал с предстоящими побоями и, защищаясь, предпринял контратаку. Запах этот он запомнил на всю жизнь и ненавидел его всей своей собачьей душой.

Утром, наскоро, чтобы не терять времени, позавтракали строганиной, запили чаем из термоса, и я простился с Долганом.

Бешеный крутился возле собак эвена и впервые за время моего знакомства с ним, будучи не в упряжке, не проявлял ни малейшей агрессивности к людям. Причиной такого поведения, безусловно, было присутствие доброго человека, которого он хорошо знал.

Когда старик запрягал своих собак, Бешеный послушно вставал к человеку задом в надежде, что и его запрягут. Он явно хотел бежать в этой упряжке. Долган то и дело отталкивал его.

Но вот эвен взмахнул бичом, и собаки рванули легкую нарту. Бешеный побежал следом. Старик легонько стегнул его бичом. Не подействовало. Тогда он поднял карабин и выстрелил вверх. Вожак отстал и понуро затрусил обратно.

Я стоял возле палатки, наблюдал за Бешеным. Вот он подскочил ко мне и злобно залаял. С отъездом Долгана вернулась прежняя веселенькая жизнь. Но теперь я не отогнал его ударом бича. Пусть отсохнет моя рука, если я еще хоть раз накажу Бешеного ударом. Я отбросил бич. Будь что будет! Черт с тобой, кусай!..

Вожак проследил за падением бича, затем с крайним изумлением посмотрел на меня. С начала зимы он видел такое впервые. Обычно человек брал бич для того, чтобы пустить его в ход.

Я присел на корточки.

— Ты уж прости меня, дружище, а? Сразу не разоб-

рался в тебе.— Я протянул навстречу псу руку.— Давай пожмем друг другу лапы и все забудем. Идет?..

Бешеный слушал, склонив набок голову. Затем он помотал головою и фыркнул, словно не доверяя ни зрению, ни слуху своему. Потом отскочил в сторону и затрусил к своим сородичам и при этом часто оглядывался. «Знаю я твое подлое племя,— как бы говорил его взгляд.— Голос-то может быть ласковый, успокаивающий, но все равно какую-нибудь пакость сделаешь. Меня не проведешь. Битый!»

Он не укусил!..

Запрягая вожака, я погладил его между ушами. Он глухо зарычал, но не пустил в ход клыки.

В пути во время коротких стоянок я трапезничал, сидя рядом с Бешеным, и пробовал кормить собаку с руки. Пищу вожак не принимал, ожидал подвоха, потому что раньше нам и в голову не приходило кормить этого дьявола с руки.

В поселке я задержался на несколько дней в ожидании буровых коронок, которые вот-вот должны самолетом привезти из Петропавловска и которые надо переправить в партию.

Не стану рассказывать, как я завоевывал доверие Бешеного. Скажу только, что это был нелегкий ежечасный труд и дважды я был укушен псом за руку, когда показался ему подозрительно назойливым.

Я лихо осадил нарту возле барака. Парни вышли на мороз, заслышав лай собак.

— В чем дело? Почему Бешеный в упряжке? Где новый вожак? — строго спросил меня начальник геопартии.

— Сразу столько вопросов...— Я поднялся с нарты, подошел к Бешеному и снял с него упряжь.— Чем он-то вам не угодил? Не понимаю. Ласковый, послушный...

— Тебя русским языком спрашивают: почему эта тварюга опять в упряжке?

— Слышь, Бесенок? Не верят, да еще так нехорошо выражаются.— Я отошел от упряжки шагов на пятнадцать, обернулся и позвал вожака: — Бесенок! Ко мне!

Бешеный стремглав исполнил команду. Подпрыгнув, уперся передними лапами в мою грудь, как бы спрашивая: «Что звал, хозяин?»

— Кстати, ребята, Бешеный — больно грозная да и обидная для такой собаки кличка. Не придумать ли...

Я осекся, посмотрев на буровиков, и захохотал. Это было зрелище! Немая сцена, как в «Ревизоре»!

...Ну а как парни завоевывали доверие Бешеного — это уже другой рассказ.

НАГЛЫЙ ТИП

Он появился в поселке в декабрьскую стужу, когда дрейфующие льды Ледовитого океана, по весне взломанные штормами, отпрянувшие от суши на полверсты, сомкнулись вокруг острова, намертво спаялись с прибрежными валунами. На небе вспыхивали разноцветные невесомые полотнища северного сияния, отбрасывая на снег радужные полосы.

Полярники оставили работу, те, кто был в избах, накинув полушубки, выбежали из тепла, даже эскимосы в длинных, расшитых золотой нитью кухлянках и торбасах вышли посмотреть на белого медведя — нанука, хотя с детских лет не удивлялись ему и он был им что кошка или собака городскому человеку. Кое-кто для страховки прихватил карабин.

Владыка Арктики шел, да нет, не шел — шествовал на своих тумбообразных ногах, совершенно не обращая внимания на людей, равномерно покачивая из стороны в сторону крепкой литой головой на мускулистой шее. Это был на диво крупный самец, прямо-таки великан — весом далеко за полтонны, длиной верных три метра, а высотой в холке по грудь рослому человеку. Единственная улица поселка была день и ночь освещена яркими электрическими лампами, потому что день на затерянном в Ледовитом океане острове зимою почти не отличается от ночи, и я заметил золотистые подпалины на боках роскошной, с густой подпушью шкуре зверя, будто ее лизнули языки огня (отъелся тюленьим жиром, вот и пожелтел), покрытые жесткой и густой растительностью и потому не скользившие на льду круглые подошвы лап, небольшие невозмутимые светло-коричневые глаза, влажно-черный и крупный, как у свиньи-рекордистки, пятак носа.

Две-три лайки бросились было на гиганта; медведь вытянул, потом пригнул длинную крепкую шею, прошипел по-змеиному и басовито рявкнул. Собаки поджали хвосты, поскуливая от возбуждения и страха, попятились. Медведь прошествовал в трех метрах от меня. Я поймал себя на том, что хочу побежать, скрыться за толстой стеною дома, не испытывать судьбу. Но бегать от нанука не следует. В этом звере живет неукротимый дух преследователя, добытчика; все быстро движущееся он стремится нагнать и разорвать в клочья.

И никто из взрослых не побежал. Лишь самый маленький житель острова, трехлетний сынок наших Айболитов, Эльвиры и Михаила Сперанских, всеобщий любимец, вскрикнул и круглым от множества меховых одежд колобком покатился к крыльцу родного дома. Медведь на мгновение замер, повернул голову, глядя на маленького человечка.

Щелкнул затвор карабина.

— Не стрелять! — тревожно крикнул начальник биологической экспедиции, известный ученый, фактически хозяин острова.— Не тронет!

Начальник экспедиции затем и находился на острове, чтобы наблюдать за жизнью, охранять покой арктических животных, особенно белых медведей, давно занесенных в Красную книгу.

И действительно, зверь не кинулся за побежавшим мальчуганом; он понял, что перед ним малец, несмышленыш, на которого нельзя нападать. И тронулся дальше.

Возле длинного барака, механических мастерских, на пути повстречалась поставленная на попа трехсоткилограммовая железная бочка с зимней соляркой, стужей припаянная к земле. Час назад трое сильных мужчин пытались повалить ее, чтобы наполнить ведро соляркой. Они пинали ее ногами и дружно толкали плечами. Все попытки оказались тщетными. Решили звать на помощь бульдозериста с машиной, да не успели — в поселке появился белый медведь.

Гигант остановился у бочки. Я знал, что он должен был остановиться. Белый медведь любопытен чрезвычайно; любой предмет он непременно обнюхает, попробует на зуб, потрогает лапой, повалит. И не ошибся. Зверь обнюхал бочку. Ему, очевидно, не понравился

тяжелый, неприятный запах солярки. Удар левой лапой (белые медведи левши, хотя неплохо бьют и правой) был страшен: бочка, словно живая, подпрыгнула и отлетела в сторону.

Домики семейных, бараки-общежития, люди, машины были для медведя не более как забавные одушевленные и неодушевленные предметы; его мало интересовал поселок и все то, что находилось в нем. Вовсе не из-за праздного любопытства появился он возле жилья. Сюда его привлек вкусный запах, исходивший от свалки. А свалка была богатая, многолетняя. Заледенелые объедки, помои, картофельная кожура, куски заплесневевшего хлеба, кости, рыбьи головы и хвосты — все это горкой с добрый пятистенок возвышалось за околицей.

Зверь набивал брюхо долго и жадно. Громко хрустела в темно-синей пасти замерзшая пища. Он не брезговал ничем. Если попадался кусок автомобильной камеры или перепачканная машинным маслом тряпка, и они исчезали во чреве исполина; желудок, что жернова, перемалывал, перетирал решительно все, разве что не металл. Без сомнения, он был очень голоден, иначе бы не заявился к людям, обошел поселок стороною. Ох, как нелегко добыть нануку пищу в декабрьскую стужу! Не каждый дотянет до кормилицы-весны, когда на льду вдоволь нежных и вкусных, совершенно беспомощных нерпят, когда мамаши-нерпихи, беспокоясь о своем чаде, теряют всякую осторожность.

Не однажды в поселок приходили белые медведи. Две-три недели они находились возле свалки, пожирали отбросы, насытившись, тут же отсыпались. И непременно исчезали. Подолгу жить на одном месте они не могли, охоту к перемене мест, бродяжий дух звери наследуют с материнским молоком из поколения в поколение, недаром их называют вечными странниками арктической пустыни. Да и пища здесь неважнецкая. Смогут ли сравниться заледенелые объедки с горячей нерпичьей кровью, нежным тюленьим жиром?

В тот год на острове было много приезжих: журналисты, строительные рабочие, буровики комплексной геологической партии, не имеющие никакого отношения к биологической экспедиции; я работал с буровиками. В первый же день появления белого медведя начальник

биологической экспедиции собрал нас, «посторонних» людей и строго-настрого приказал ни в коем случае не подкармливать зверя. Нанук привыкнет к подачкам, обнаглеет, и тогда забот не оберешься; чего доброго, забудет вкус свежей крови, начнет жить подаянием, из дикого могучего зверя превратится в жалкого попрошайку.

Сначала строгий приказ нарушил бойкий, настырный фотокорреспондент республиканской газеты. Разве можно упустить такой потрясающий кадр! Скрытно от биологов подкрался к медведю, прежде чем щелкнуть фотоаппаратом, бросил ему изрядный кусок мяса. Не заметили. Сошло с рук. Следом с двухкилограммовым шматом сала явились строители. Они скормили зверю сало и сфотографировались рядом с диким белым медведем, чтобы поразить родных и знакомых на материке.

И мы, буровики, тоже были не лыком шиты: «Кому-то можно, а нам нельзя? Непорядок! Мы что, рыжие?» И проделали то же самое.

Начальник экспедиции хватился, когда к медведю началось чуть ли не паломничество. Он пригрозил отправить на материк всех нарушителей. Как хозяин острова, он мог это сделать. Но поздно хватился ученый. Медведя уже не интересовала свалка. Он смекнул: у двуногих существ есть запасы пищи куда более калорийные и вкусные, чем объедки. И пришел в поселок, распугав собак. Остановился возле домика на отшибе с высокой антенной на крыше, рявкнул. Открыла жена радиста.

— А, пришел! — сказала она, ничуть не удивившись. За четверть века жизни на острове жена радиста видела и не такое. И крикнула в горницу мужу: — Нанук явился! Покормить, что ли?

— Чтоб начальник, как в прошлом году, тебе, дурехе, выговор влепил? — раздалось из глубины дома. — Гони его в три шеи!

Радист даже не вышел в сенцы посмотреть на зверя. Послушная жена его запустила в медведя куском угля и захлопнула дверь. Медведь тяжело отпрыгнул от крыльца, прошипел, вытянув длинную толстую шею, и побрел к соседнему бараку. Там жили строители. Они оказались куда покладистей. Вынесли зверю сырого мяса, копченой колбасы, хлеба, вывалили из кастрюли на снег вареную картошку, гречневую кашу. Медведь только успевал чавкать по-свинячьи.

Набить желудок, вмещающий до семидесяти килограммов пищи, не так-то просто, и нанук, объев строителей, пришел к соседнему бараку, где жили буровики. Отрывисто рявкнул, вызывая хозяев. Начальник биологической экспедиции застал нас на месте преступления, захватил с поличным, когда бригада буровиков в полном составе стояла на крыльце и кормила зверя. Он сказал, что сию же минуту отправляется в контору писать на нас докладную в управление. Затем вытащил из кобуры свой персональный ТТ и выстрелил в воздух. Резкий звук напугал медведя: бросив лакать из ведра остывший рассольник, он побежал к свалке. Забравшись на горку отбросов, сел по-человечьи и стал наблюдать за поселком, поводя носом, изучая исходившие оттуда запахи.

На следующий день зверь вновь пришел в поселок. Переходил от дома к дому, рявкал, клянчил пищу. Но никто ему не вынес подаяния. Раз начальник говорит, нельзя,— значит, нельзя. Ему лучше знать. Мишку выгнали из поселка обычным способом — выстрелом.

Из магазина шла жена радиста с двумя полными авоськами. Накануне вертолет Ми-6А завез с материка дефицитные, вкусные продукты, и женщина нагрузилась ими основательно: в сетках покоились батоны вареной и сырокопченой колбасы, отличный постный кусок окорока, балык, мороженые цыплята, банки с яичным порошком, сгущенкой, растворимым кофе. На ходу она придумывала, что бы такое необыкновенное приготовить мужу, который под старость стал ворчлив, несносен, но очень любил поесть и сразу добрел, оттаивал сердцем, если блюдо ему нравилось.

«Цыплята табака под маринованным чесноком»,— решила жена радиста.

Немного пуржило, хвостатые змеи овивали дома с узорчато замерзшими светящимися оконцами, кружили в вышине, электрические лампы едва просвечивали сквозь снежную завесу. Рабочий день давно окончился, на улице ни души, разве что из конуры, откинув лбом олений полог, покажет голову хозяйская собака и тявкнет для порядка раз-другой.

Кутаясь в кухлянку, скрипя оленьими торбасами (одежда и обувь — подарок соседки-эскимоски к пятидесятилетию), жена радиста была уже на полпути к дому,

когда из кружева снежных змей перед нею вырос белый медведь.

— Тьфу, черт, прости, господи! Напугал, аж в грудях захолонуло!..— в сердцах сказала она.— Явился, не запылился! Иди, иди, куда шел...

Зверь пригнул шею, потянул морду к авоське, в которой лежал окорок.

— Ишь, чего захотел! Тебе это на раз глотнуть, а нам на неделю запас. И не думай, и не мысли!

Она обошла нанука, ускорила шаг. Но великан забежал вперед и опять преградил ей дорогу.

— Ладно, уговорил,— подобрела вдруг жена радиста.— На, лопай.— Достала небольшой, с ладонь, довесок окорока, бросила на снег.

Зверь слизнул лакомый кусок и вновь выжидающе уставился на авоську.

— Вот наглый тип! Не дам!..

Медведь рявкнул. Женщина попятилась. Следом, как привязанный, пошел зверь. Она споткнулась и села в сугроб, раскинула руки с авоськами. Нанук схватил лапой сетку, в которой лежал окорок, сдернул ее с руки вместе с рукавицей. Продукты упали на снег. На глазах у растерявшейся женщины он съел окорок, потом вареную и сырокопченую колбасу, балык. Затем обнюхал банку сгущенки. Взял ее лапой, раздавил. Густое молоко брызнуло на снег. Причмокивая от удовольствия, зверь слизал сладкую тягучую массу.

Спасая вторую авоську с продуктами, изрядно перепуганная жена радиста отползла на четвереньках, вскочила и побежала, совсем забыв, что от белых медведей бегать не следует: можно поплатиться жизнью. Великан нагнал человека возле дома. Живший в нем агрессивный дух преследователя, дух добытчика, очевидно, спал, задобренный вкусной, сытной пищей; сейчас зверя интересовало не бегущее двуногое существо, а вторая сетка с продуктами. Он лапой сдернул ее вместе с меховой рукавицей, подхватил зубами и скорым шагом направился к свалке. Забравшись на обледенелый холм объедков, наглый тип сожрал все, не оставил даже банок с растворимым кофе и яичным порошком, их он разгрыз зубами. Кофе и яичный порошок с порывом ветра набились ему в ноздри, и нанук расчихался так громко, что слышно было на другом конце поселка.

Разбойный грабеж средь бела дня у островитян особой тревоги не вызвал. Истинным виновником чрезвычайного происшествия были, как сказал начальник экспедиции, люди, прикормившие зверя. Посмеялись да забыли; обошлось — и слава богу. Жена радиста во всех подробностях рассказала о ЧП, и к зверю прочно приклеилась кличка — Наглый Тип.

Думали, что Наглый Тип уйдет, что в нем, наконец, проснется задремавший бродяга, вечный странник. Теперь уже ни строители, ни буровики, ни журналисты не подкармливали зверя. Долго ль до греха...

Но Наглый Тип и не думал уходить. Как бы оправдывая свою кличку, через неделю после первого он совершил второе разбойное нападение, но теперь уже не на жену радиста, а на жену бульдозериста, которая с покупками возвращалась из магазина. Подстерег, подлец, возле хозяйского дома. Ударом лапы выбил из рук сумку, не спеша стал пожирать хлеб, крупу, мясо. Женщина в испуге вбежала в дом. Через минуту на крыльце с ломом в руках появился бульдозерист, рослый, здоровенный мужчина. В сердцах хватил ломом по звериному хребту. Рисковал, конечно. С белым медведем такие шутки шутить нельзя. Но Наглый Тип, взревев от боли, бросился наутек.

Путь на нашу буровую лежал мимо свалки. Каждый день туда-обратно мы проходили мимо живущего на куче отбросов медведя. Наглый Тип обычно не удостаивал нас взглядом. Но однажды зверь, завидев буровиков, пришел в сильное волнение. Рявкнул, развернулся и побежал прочь. Что его так напугало? Догадались: один из нас нес на плече лом. Человека с ломом нанук теперь боялся панически.

Об этом узнали островитяне. И мужчины придумали такую штуку: сопровождать с ломом своих жен, идущих из магазина с покупками. И вскоре привычной для поселка стала диковинная, совершенно непонятная для постороннего человека картина: впереди идет жена, несет сумки с продуктами, а позади серьезно, без ухмылки озираясь по сторонам, с тяжелым ломом в руках, приготовленным для удара, вышагивает родной супруг.

Недели полторы Наглый Тип вел себя сносно. Поедал объедки, тут же, на свалке, спал. Но ошибался тот, кто полагал, что медведь уже не совершит действий, которые

юристы квалифицируют как уголовно-наказуемые преступления. Находиться рядом с вкусной пищей и не отведать? Как бы не так! Тем более что зверь понятия не имел ни о государственной и личной собственности, ни об уголовном кодексе, и «мораль» его была проста и жестока: право сильнейшего. А самый сильный на земле зверь — он, белый медведь.

Не напрасно гренландские эскимосы считают нанука умнее человека, недаром переняли у него хитрую изобретательность в охоте на тюленей и в точности скопировали свои зимние хижины — иглу — с медвежьей берлоги...

Однажды утром продавщица магазина, как обычно, направилась на работу. Вошла она не с «парадного», а с «черного» входа, через продуктовый склад, расположенный впритык к магазину. Точнее, хотела войти, но не решилась: грубо сорванная с петель покореженная дверь валялась внутри склада и там кто-то ворочался и вроде бы чавкал. Позвала на помощь. Прибежали островитяне, недоумевая, кто ж решился на грабеж: здесь каждый на виду, скрыться негде, разве что на Северном полюсе. Боязливо заглянули в склад, включили электричество... Мать честная! Мешки с мукой разорваны, повсюду разбросаны сплющенные и выдавленные банки со сгущенным молоком, а возле оленьей туши, подвешенной на крюке, пристроился сам грабитель, дерет когтями мясо, куски лапой, по-человечьи, в рот засовывает. Зашли за склад, пальнули в воздух. Наглый Тип выскочил и побежал к свалке, однако не забыл сдернуть с крюка ополовиненную тушу. Ворованную добычу он держал в зубах.

В тот же день начальник биологической экспедиции приговорил грабителя к ссылке на противоположный конец острова, за сто с лишним верст. Там находилась обширная бухта, облюбованная моржами для своих летних пастбищ. По осени тысячные стада морских исполинов, отдохнув на суше, уходят в океан, а на берегу остаются сотни умерших от старости, ненароком придушенных и раздавленных животных; голодной арктической зимою белые медведи, самцы и холостые самки, приходят в бухту и живут здесь, откапывая из снега и пожирая моржовые трупы — пищи с лихвой хватает до весны. Падаль нануки поедают с таким же аппетитом,

как и свежее мясо. Начальник экспедиции рассчитывал, что Наглый Тип, оказавшись среди своих собратьев, при обильной пище, забудет поселок и свалку. В бухте жили ученые-биологи, кандидаты наук, муж и жена, наблюдавшие за поведением белых медведей. Им дали радиограмму: «Ждите гостей!»

Пленить зверя оказалось несложным делом. Биологи не однажды метили белых медведей, и все было выверено и отработано до тонкостей.

К свалке пришли втроем: начальник, его заместитель и рабочий экспедиции. Двое для страховки встали неподалеку с короткими армейскими карабинами на изготовку. Наглый Тип приканчивал оленью тушу и даже не поднял голову, чтобы посмотреть на людей. С небольшого расстояния начальник выстрелил в зверя из ружья. Нет, не жаканом и не волчьей картечью, а специальным летающим шприцем. Шприц впился в мохнатый бок, но медведь не обратил на него внимания, не почувствовал боли. Шприц сработал. «Сонный» препарат проник в организм животного. Через некоторое время медведь зашатался, как пьяный, и повалился на утоптанную его ногами площадку. Говоря языком зоологов, обездвиживающий эффект был достигнут.

Подъехал мощный вездеход «Новосибирец». Лапы нанука связали цепью с толстыми звеньями, челюсти стянули крепкими ремнями из кожи моржа: своими клыками он играючи перекусывает железный прут толщиною в палец. Самые сильные — человек десять — с трудом затащили Наглого Типа в кузов вездехода.

Через сутки начальник экспедиции связался по рации с учеными-биологами, наблюдавшими за поведением белых медведей на другой оконечности острова, и получил подтверждение: вездеход с пленным нануком прибыл на территорию бухты, зверь выпущен на волю. Да вот какая загадочная штука приключилась... Все белые медведи, жившие в бухте, словно сговорившись, собрались в стадо, до полусмерти избили новичка и прогнали его в глубь острова. Трудно сказать, почему это случилось. Жизнь вечного странника ледяного безмолвия изучена мало. Возможно, пропитанный запахом дыма, жилья, человеческих рук, Наглый Тип издавал, по мнению белых медведей, «дурной запах», точнее, резко выделялся запахом среди своих сородичей. Ведь чу-

тье у нанука превосходное, особенно резкий запах он уловит за пятнадцать морских миль. Подмечено, что белые медведи с большой враждебностью относятся к собратьям, которые недавно «побирались» у человеческого жилья...

Новый год буровики встречали своей, отдельной компанией. Елка была чисто символическая — нарисованная на большом листе ватмана, прикрепленном к стене, потому что ели в Арктике не растут, а все остальные деревья, хотя и называются деревьями — полярными березами, полярными ивами,— не дотягиваются до человеческого колена и очень похожи на траву.

На острове царил сухой закон, но к празднику с материка островитянам завезли сухое вино. Выпивка была тоже чисто символическая, так как от долгого пребывания на морозе вино потеряло свои свойства.

Из-за тесноты барака в обычные дни мы трапезничали на тумбочках, стоящих у коек. Но к празднику раздобыли два конторских стола, сдвинули их вместе, за неимением скатерти накрыли свежей простыней. Новогодний стол упирался торцом в низкое оконце.

В самый разгар веселья кто-то громко постучал в дверь. Я накинул полушубок, вышел в холодные сенцы, отодвинул засов, распахнул обитую оленьими шкурами обледенелую дверь.

В морозных клубах, освещенный яркой электрической лампой, стоял Наглый Тип. Я сразу узнал его по огромному росту, рыжим подпалинам на боках. А мы-то уж и не вспоминали о нем! С тех пор как его отвезли в бухту, минуло три недели...

— Иди, иди на свалку. Здесь тебе ничего не светит,— сказал я, вспомнив строгий наказ начальника экспедиции не подкармливать зверя, и захлопнул, задвинул на засов входную дверь.

Едва успел переступить порог горницы, как снаружи послышалось короткое рявканье. Затем раздался оглушительный удар. Две дверные доски, прорвав меховую обшивку, с треском рухнули в сенцах на пол. Я глянул в дыру пролома. Наглый Тип сидел возле крыльца и вытаскивал зубами вонзившуюся в подошву левой лапы щепку-занозу.

Буровики переполошились. Кто-то схватил стоявший

в сенцах лом, просунул его в дверной проем и вдобавок прорычал по-звериному. Наглый Тип тотчас отпрыгнул на всех лапах от крыльца, развернулся и побежал. Мы повыскакивали на мороз. Зверь улепетывал вдоль улицы, распугивая собак, промелькнул последний раз на фоне яркого пятна, отброшенного на снег лампой, и растворился в темноте. Кое-как заделали дверь, возбужденные вернулись за праздничный стол.

— И вправду наглый тип!

— Начальнику экспедиции утром объявим. Не дело — в такой праздник от стола отрывать...

— До утра небось в поселке не появится.

— Не решится, точно. Напугался — будь здоров!

Ах, как мы заблуждались! Не прошло и получаса...

Двойная рама оконца с треском, звоном разбитого стекла вдруг влетела внутрь горницы, упала на праздничный стол, заваленный снедью, заставленный бутылками. Те, кто сидел ближе к окну, инстинктивно закрыли руками лица от летевших осколков.

В горницу просунулась литая голова Наглого Типа. Мгновение — голова исчезла, но тотчас появилась громадная когтистая лапа, схватила лежавшие в большой миске умело приготовленные, с аппетитной корочкой цыплята табака, штук шесть сразу, и поспешно исчезла. За оконным провалом послышалось жадное чавканье. Кто-то сорвал с гвоздя карабин и выстрелил в потолок...

Сразу после праздника на остров прилетел вызванный для необычной операции ИЛ-14. Жившего на свалке вконец обнаглевшего Наглого Типа обездвижили, с великим трудом затащили в багажное отделение. Через несколько часов ИЛ-14 приземлился на дрейфующей льдине, за тысячи километров от острова, в районе Северного полюса. Там-то и выпустили медведя на все четыре стороны.

Уезжая на материк, я попросил знакомых сообщить мне, если Наглый Тип вдруг опять объявится в поселке. С тех пор минуло полгода, но письма я так и не получил. Но надежды не теряю. Ведь как-то отыскивают голуби свои голубятни за тысячи верст? Белый медведь ориентируется в родной Арктике с такой же поразительной точностью. А прошагать вечному страннику ледяного безмолвия каких-то две-три тысячи километров нетрудно.

КИСА

Ми-4 перебрасывал отряд поисковиков на новую точку работ. Это была последняя «выкидушка», и здесь нам предстояло жить и работать около двух месяцев, до конца полевого сезона.

Внизу тянулась Северная Камчатка, край удивительный, ни на что не похожий, кусок иной планеты, упавшей на Землю. Сотни тысяч лет назад в этих местах бушевали геологические потрясения, катастрофы. Взрывались вулканы. Трескалась, как яичная скорлупа, земля. Из кратеров вулканов, трещин извергалась магма, огненно-жидкая масса, туча пепла. Постепенно могучие подземные силы передвинулись на юг полуострова. Нет-нет и дадут они о себе знать и в наши дни. А на севере земля успокоилась надолго, быть может, навсегда. И с тех далеких времен остались памятники — немые свидетели былого разбоя: строго конической формы сопки со срезанными вершинами — погасшие вулканы, окаменевшая ноздреватая магма на склонах и у подножий.

Хребты, долины, сопки, хребты, долины, сопки... В долинах — речка или ручей; кристальной прозрачности вода в белых бурунах неслась с гор с бешеной скоростью. Что́ это за водичка, я недавно испытал на собственной шкуре. В маршруте довелось переходить неглубокую, по колено, речку. Правая бахилина возле лодыжки была разорвана, резинового клея в отряде не оказалось, забыли в центральном лагере. Снял бахилину, стянул портянку и зашагал на другую сторону. На середине реки нога ниже колена онемела, как от наркоза. Кое-как выбрался на берег. И колотил по ноге кулаками и щипал — безполезно, не чувствую боли. Даже струхнул. Лишь минут через десять ожили застывшие капилляры, и началось яростное жжение.

В долинах теснилась плотная тайга. Лиственницы, ели, согнутые в три погибели каменные березы, карликовые ивы. На склонах эти деревья не росли. Их облепил стланик-кедрач, невысокое, в полтора-два человеческих роста, дерево, ствол и мохнатые лапы которого, спасаясь от жестоких камчатских ветров, стлались по земле. Выше и стланик не рос. До самых вершин —

беспорядочное нагромождение больших и малых камней. Камни, камни, камни... Они покрыты дегтярно-черной и твердой коркой, которая трещит под сапогом, как ореховая скорлупа. Эта «корка» — живой организм, разновидность камчатского мха. На черном фоне камней белели узенькие дорожки — выбитые копытцами тропы снежных баранов.

Перевалив очередной горный хребет, Ми-4 вышел в долину и полетел над быстрой рекою, рывками снижаясь. Через несколько минут машина должна была приземлиться.

Глядевший в иллюминатор Борис, начальник отряда, рослый бородатый мужчина, работавший на Крайнем Севере двадцатый полевой сезон, со студенческих лет, вдруг резко поднялся, пробрался по груде рюкзаков к пилотской кабине и прокричал:

— Командир! Развернись на сто восемьдесят! В реке какая-то зверюшка тонет!..

— Уж не мышка ли полевка? — раздалось в ответ из кабины.

Борис не понял иронии:

— Нет. Кое-что покрупнее.

Надо знать нашего начальника отряда, чтобы понять по меньшей мере странную его просьбу — ради какой-то попавшей в беду зверюшки изменить линию полета машины. В зверей и птиц он буквально влюблен и знает о них больше иного зоолога и орнитолога. Он может часами с просветленным лицом слушать пиликанье синицы или наблюдать, как лущит орехи белка. Его московская квартира смахивала на зверинец. В ней обитали: арктический суслик евражка, летяга, обыкновенная белка, похожий на обугленную головешку северный ворон, четко говоривший каждому гостю: «Прривет!», горностай и даже рысенок с волчонком. Правда, рысенка с волчонком пришлось подарить зоопарку, потому что подросшая лесная хищница однажды через приоткрытое окно проникла во двор и перерезала всех вышедших на прогулку хозяйских кошек и собак, а таежный гангстер, скучая о тайге, выводил по ночам такие арии, что на Бориса написали жалобу в жэк.

Командир экипажа выполнил просьбу начальника отряда. Не видя его за стеною кабины, я представлял

саркастическую улыбку на лице вертолетчика: ладно, мол, сделаю одолжение, раз ты «с таким приветом». Машина развернулась и легла на обратную линию полета. Мы прильнули к иллюминаторам.

Вскоре среди белых бурунов и повсюду торчавших из воды острых камней я увидел круглую голову с длинными острыми ушами и часть серебристо-рыжего туловища с резкими черными пятнами на шкуре. Это была рысь. Быстрое течение тащило зверя по стремнине, не прибивая ни к тому ни к другому берегу. Изредка он выбрасывал лапы, цеплялся когтями за проплывавшие мимо камни, но удерживался на одном месте считанные секунды, не в силах сопротивляться бешеному напору воды. Попавшая в страшную ловушку рысь то и дело раскрывала ярко-красную пасть — кричала, но грохот вертолетного двигателя, режущий свист винта заглушали панический крик.

Борис встал на железную перекладину лестницы, просунул голову в пилотскую кабину. Горячо жестикулируя, он уговаривал командира экипажа посадить машину, чтобы попытаться спасти зверя.

Уговорил. Ми-4, намного обогнав плененную рекою рысь, пошел на посадку.

Машина опустилась на каменистую косу. Еще не перестал вращаться винт, а начальник отряда, пригибаясь под лопастями, с топором в руке выпрыгнул из багажного отделения и побежал к плотной таежной стене. Один за другим мы ступили на землю, подошли к воде. Стояли, до боли в глазах вглядывались в горящую солнечными бликами реку, высматривали зверя.

Борис между тем вырубил длинную жердь, пристегнув верх бахил к поясному ремню, пошел в реку. Шел он осторожно, боясь поскользнуться на осклизлых донных камнях и упасть. Жердь перекинул через плечи, как коромысло. В одном месте течение сбило начальника отряда с ног, но, окунувшись с головой, он сумел подняться и вновь стал продвигаться к стремнине. Наконец в мокрой, отяжелевшей одежде Борис достиг середины. Прислонился боком к лобастому валуну, торчавшему из реки, приготовил жердь. Там, где он стоял, было довольно глубоко, вода скрывала его по пояс. Я живо представил, каково ему сейчас в ледяных струях...

Напряженно смотрели на реку. Ждали. Первым рысь увидел молоденький бортмеханик.

— Вот она! — прокричал он.— Левее порожка мелькнула... Опять!

Вглядываясь в солнечные блики, я наконец увидел четвероногого пленника, точнее, лишь круглую остроухую голову зверя. Она то показывалась над бурунами, то ненадолго исчезала под водой. И только теперь до слуха донесся крик. Он был слабый, осипший и едва покрывал шипение бурунов, беспрерывное бормотание светлых струй. Так однажды под окном моей московской квартиры кричала тяжело раненная кошка, попавшая под колеса автомобиля...

Борис выставил жердь. Он держал ее над поверхностью воды, как держат копье. Рысь ближе, ближе... Поймет ли зверь, зачем протянута жердь? А поняв, доверится ли своему извечному врагу — человеку?

Мы замерли. И вот хищник вровень с человеком. Жердь в руках Бориса пружинисто дернулась. Рысь ухватилась за конец передними лапами и зубами. Стоя на одном месте, начальник отряда медленно развернулся, протащил зверя по воде. Затем так же медленно, приподняв жердь, направился к берегу. Рысь висела на ней, как гимнастка. На мели она, круто выгнув спину, сорвалась в воду, тяжело запрыгала на берег, а когда выбралась на сухое, растянулась на мелких камнях косы. Силы оставили ее.

Мы нерешительно приблизились к зверю. Он тотчас перевернулся на спину, поднял лапы с выпущенными когтями, оскалил пасть с длинными иглоподобными зубами. В такой позе раненая рысь защищается от врагов. Так ей сподручней ударом лапы распороть живот, выпустить кишки кабану, росомахе, медведю и даже человеку. И только теперь я заметил с правого бока страшную, от шеи до хвоста, глубокую рану, очевидно оставленную острым подводным камнем. Но крови было мало, ее вымыло водой. Зверь был самкой.

Борис зашагал к вертолету, достал из груды рюкзаков свой рюкзак, переоделся в сухое. Потом развернул маршрутку — одноместную палатку, безбоязненно подошел к рыси и накинул на нее крепкую материю. Маршрутка, как живая, задергалась, забилась на земле. С каждым прыжком всяким движением зверь скру-

чивал себя все больше и больше. Борис взял в охапку плененную рысь и понес ее к вертолету.

Вскоре прибыли на место, выгрузились. Вечно спешащие вертолетчики сейчас не торопились улетать: они хотели еще разок взглянуть на рысь. Борис вытряхнул из брезента таежную хищницу. Она была совсем плоха. Немного отползла от людей, растянулась на мху. Дышала часто, с мокрыми хрипами.

— Кровью изошла,— сказал командир экипажа.— Не жилец ваша киса.

— Киса? Чем не имя? — отозвался Борис.— Так и назовем ее — Кисой. А жить мы будем, уверен. Мы живучие, не то что люди.

— Как она в реку угодила?

— Элементарно. Переходила по порогу на противоположную сторону, а камни-то скользкие. Или вплавь пустилась, а на стремнине понесло. Сил не рассчитала.

Простились с вертолетчиками. Машина взлетела.

На прочных жердяных каркасах разбили жилую палатку и палатку-склад. Устраивались основательно, жить в этой «выкидушке» предстояло не день и не два.

Покончив с устройством лагеря, Борис вспорол банку говяжьей тушенки, в миске поднес пищу зверю. Киса понюхала говядину и брезгливо фыркнула. Ни падаль, ни консервы рыси не едят. Они питаются только свежим мясом.

Непуганой дичи в этих краях предостаточно. Не успел я со своей «ижевкой» отойти от стоянки, как наткнулся на стаю куропаток. Я убил на взлете парочку птиц и вернулся.

Завидев в моих руках лакомую добычу, Киса пришла в сильное волнение. Она шумно нюхала воздух, скалила пасть. Черные кисточки на ушах вздрагивали, седые бакенбарды распушились. Я бросил куропаток зверю. Он разорвал передними лапами белоснежную грудь одной из птиц, с жадностью припал ртом к ране и начал высасывать кровь. Сущий вампир! То же самое проделал с другой куропаткой. И только после этого стал пожирать птичье мясо.

— Умирающий зверь не ест с таким аппетитом,— успокоенно сказал Борис.

Ночью я то и дело просыпался, откидывал полог

палатки: ушла ли рысь? И каждый раз в густо-дегтярной, влажной от близости Берингова моря тьме видел яростно горящие фосфорическим светом глаза.

Утром мы покормили рысь парочкой кедровок, птиц с черным оперением, которых здесь — что воробьев в деревне, и ушли в маршрут. Вернулись поздно, в сумерках. Киса лежала на прежнем месте. Она усердно работала языком, зализывала рану. Я бросил ей убитого в маршруте селезня.

Этой ночью Киса исчезла. Как мы полагали, навсегда.

Через несколько дней мы с Борисом шагали очередным маршрутом (я был у начальника отряда маршрутным рабочим). Геолог молотком с длинной ручкой откалывал образцы пород, записывал в толстую записную книжку характеристику местности, а я снимал показания радиометра, висевшего на груди, складывал образцы в свой рюкзак.

Спустились с хребта в долинку, густо заросшую тайгою. То и дело встречались свежие «визитные карточки» медведя и лося, отпечатки следов этих зверей. Медвежьи «лапти» были такими огромными, что становилось не по себе. Когда углубились в тайгу, мною овладело, казалось бы, беспричинное беспокойство. Все чудилось, что из дебрей за нами кто-то неотступно следит. Говорят, якобы пристальный звериный взгляд излучает некие колебания, которые, как радар, легко улавливает человек своим мозгом. Очень может быть.

Борис, верно, чувствовал себя точно так же: беспрестанно крутил головою, часто останавливался, напряженно прислушивался. И когда где-то наверху раздался громкий звук сломанной ветки, мы, как по команде, резко вскинули в том направлении ружья.

С лиственницы на звериную тропу спрыгнула крупная рысь.

— Не стреляй! Киса!..— прокричал Борис.

Да, это была наша Киса. Ни одна рысь, если она не поражена бешенством, не поведет себя так, непременно уйдет от людей.

Киса стояла, слегка выгнув дугой спину, и смотрела то на меня, то на Бориса.

— Присядь,— попросил меня начальник отряда и присел сам.

Я понял, зачем он это сделал. Большой рост живого существа обычно пугает зверя.

— Киса, Киса, иди ко мне...— ласково, как домашней кошке, сказал рыси Борис.

Зверь прыгнул в чащобу, сделал небольшой крюк и очутился позади нас. Я заметил, что страшная рана на правом боку, казавшаяся нам смертельной, затянулась твердой коричневой коркой.

Мы двинулись маршрутом. Киса пошла за нами как привязанная. Останавливались для работы — замирала и рысь. Склонив голову набок, она с любопытством наблюдала, как люди откалывали от камней куски и складывали их в зеленый мешок за спиной. Но вот она скрылась. Мы стояли и ждали. Рысь не появлялась.

— Киса! К ноге! — в шутку крикнул Борис.

И случилось невероятное: дикий, не знавший жалости хищник пулей выскочил из тайги и с собачьей покорностью улегся неподалеку от людей. Вскоре, когда зверь опять исчез в дебрях, этот же эксперимент проделал я. Черта с два. Рысь не появлялась. Но едва команду подал Борис, Киса выбежала из тайги. Конечно, она не понимала команды и, стало быть, не могла ее выполнить. Но Киса отлично запомнила голос Бориса. Голос того, кто однажды спас ей жизнь. И тотчас откликалась на него.

Она проводила нас до лагеря. До темноты мельтешила возле палаток, а с наступлением ночи исчезла. Рыси — ночные хищники.

Утром, едва мы вышли в маршрут, Киса вновь появилась и увязалась за нами. Именно за Борисом и мной, а не за другой маршрутной парой. Начальник отряда не звал ее. Значит, зверь запомнил запах и облик Бориса, своего спасителя.

В полдень, когда я развел костерок, чтобы вскипятить чай, Киса попятилась задом, глухо зарычала и убежала в чащобу. Запах дыма, очевидно, напомнил ей тревожный запах таежных пожарищ, которого панически боятся все звери.

Человек быстро привыкает к самым необычным и диковинным штукам и через малое время утрачивает способность удивляться необычности, диковинности. Помню, как я был потрясен видом дикого белого медведя на острове Врангеля, который околачивался на

окраине поселка возле свалки или подходил к избам и стучал лапой в дверь, просил пищу. И что же? Через неделю белый медведь производил на меня такое же впечатление, какое корова производит на сельского жителя. Точно так же мы привыкли к постоянному соседству Кисы. Она стала почти ручной — правда, только для Бориса. Он кормил ее с руки и фамильярно трепал по холке. Зверь ластился к начальнику отряда, как кошка. По утрам до позднего вечера маршрутные пары расходились в разные стороны. Киса следовала за Борисом и мною по пятам. Изредка она ненадолго исчезала, а когда вновь появлялась, ее морда была в кровавом пуху; Киса сыто облизывалась и урчала. Мы то и дело натыкались на остатки пиршества хищницы: кучки перьев, головы и лапки куропаток, каменных глухарей, кедровок. Но лишь однажды мне довелось видеть, как рысь охотилась. Это было занятное зрелище! В полдень, уставшие и разморенные жарою, мы решили с полчаса прикорнуть в тени под лиственницей. Борису удалось заснуть, а я ворочался с боку на бок: мешала проклятая мошка, бич Крайнего Севера. Не спасали ни накомарник, ни диметилфталат: ближе к осени эти твари особенно зловредны. Киса лежала в ногах Бориса. Вдруг раздалось шуршание пересохшего мха. Глянув на рысь, я увидел, что она поднялась, вытянулась в струнку и неотрывно смотрит в одном направлении. Я тоже посмотрел туда, но ничего подозрительного не увидел. Пришлось достать из рюкзака бинокль. Мощные окуляры приблизили деревья, скалы, обширную, бугристую от кочек поляну, тянувшуюся за редколесьем. И только тогда я заметил белые точки на мху — стайку куропаток. Они кормились созревшими ягодами голубики. Обоняние у рысей так себе, неважное, но остротою зрения они могут сравниться разве что с орлом. Как бы стелясь по земле, наша Киса быстро побежала к живой добыче. Я поймал ее в окуляры бинокля и с интересом следил за охотой. Чем ближе она подкрадывалась к желанной цели, тем осторожнее становились ее движения. Иногда рысь ложилась за моховую кочку и подолгу лежала за ней, наблюдала за птицами. Те не чуяли беды, кормились на поляне. Но чу! Самая крупная куропатка вдруг издала резкий гортанный звук. Стая снялась. Птицы

пролетели метров двести и сели на той же поляне. Вообще-то камчатские куропатки, с точки зрения людей, очень глупые существа. Человека они не боятся, подпускают почти вплотную; местные жители не тратят на них заряды — бьют камнями и палками. У птиц не выработался условный рефлекс боязни человека, потому что население Северной Камчатки ничтожное. Но четвероногих хищников они научились опасаться.

Рысь была обнаружена птицами и решила изменить тактику охоты. Теперь она не пряталась. Таиться было бесполезно. Киса поднялась в полный рост. Всем своим видом, поведением плутовка хотела показать, что куропатки ее вовсе не интересуют. То примется раскапывать норку мышки-полевки, то ляжет на спину, дрыгая в воздухе лапами,— отмахивалась от мошки. Я разгадал хитрейший маневр рыси. Она ходила кругами вокруг стаи и с каждым кругом как бы невзначай, без всякой задней мысли приближалась к птицам. Наконец Киса растянулась на мху. Суживать круги еще больше не следует, куропатки и без того начали крутить головами, проявлять беспокойство. Лежала она задом к птицам. Якобы дремала. Куропатки успокоились, стали кормиться. Пять, десять минут «спит» Киса. И вдруг резко разжатой пружиной зверь бросается на стаю! В последнем прыжке, уже на лету, хватает зазевавшуюся куропатку. Летят перья. Отчаянный предсмертный крик птицы. Трудная добыча в лапах зверя. И начинается пиршество...

В середине августа в отряд с проверкой прилетел начальник экспедиции. Он привез нам собаку. Еще в прошлой «выкидушке», до появления Кисы, в медвежьих лапах погиб отрядный пес, лаечка. Тогда же Борис по рации попросил привезти из поселка, в котором базировалась экспедиция, собаку, благо там в изобилии водились бродячие псы. Вертолет с начальником экспедиции прилетел рано утром. Из радиотелеграммы мы знали, что нам везут собаку. Думали — лайку. Были приняты все меры предосторожности. Из длинного многожильного провода Борис сделал Кисе ошейник и поводок. Конец поводка привязал за ствол лиственницы. Рыси явно не понравился плен. Она металась на привязи, рычала, пыталась перегрызть провод. Когда Ми-4 приземлился, начальник отряда под-

нялся в багажное отделение и сделал собаке точно такой же ошейник и поводок. Казалось, все предусмотрели. Ведь неизвестно, как поведут себя извечные враги — собака и дикий зверь. Не учли лишь одного. Привезенный в отряд пес, помесь лохматой северной лайки и овчарки, был размером с телка и обладал невероятной силой. Едва Борис вывел его из багажного отделения, собака узрела зверя и так рванула поводок, что свалила с ног начальника отряда. Он упустил поводок. Дальше все произошло в считанные секунды. Пес со всех ног бросился на рысь. Киса отпрыгнула на ствол лиственницы, на всю длину поводка. Собака заплясала возле дерева. Киса, улучив момент, бросилась с высоты на врага. Тот от неожиданности упал навзничь. Мгновение — и бедняга растянулся на земле с вырванной зубами-иглами глоткой. Кто-то из геологов вгорячах схватил карабин, щелкнул затвором. Его остановили. Так ли уж виновата рысь в смерти долгожданного пса, без которого туговато людям в дикой тайге? Во-первых, рыси были бы обречены на голодную смерть, если б не убивали. Их создала мудрая мать-природа, а она без здравого смысла и пользы не творит. Во-вторых, первым напал пес, а дикий зверь лишь оборонялся, защищал свою жизнь. Утром начальник экспедиции улетел. Киса обнюхала пахнущее псиной жесткое мясо, брезгливо фыркнула и не притронулась к нему. Собаку предали земле. И чрезвычайное происшествие забылось.

Рысь по-прежнему ходила с нами в маршруты, ластилась к Борису и ненадолго исчезала в тайге, чтобы насытиться парным мясом.

Близился конец полевого сезона. Выпал снег. В полдень он таял в долинах, а на вершины скал и хребтов лег прочно. Наконец-то заметно поубавилось гнуса, хотя некоторые виды этих тварей не исчезают и с первыми морозами.

В середине сентября наша Киса вытворила такое, что кое-кто из геологов стал обходить рысь стороною, не расставаясь со своим карабином, и плохо спать по ночам. А я воочию убедился в храбрости этого зверя, граничащей с безумием, в необычайной ловкости, силе и кровожадности, не знающей предела.

Засветло вернувшись из маршрута, мы сидели в ресторане «Север» и пили крепчайшей заварки чай.

Так мы называли маленький пятачок возле палатки, где под брезентовым тентом на трех валунах был установлен большой плоский камень, служивший столом, и толстые лиственничные чурбаны вокруг него — вместо табуретов. Киса куда-то убежала. Слушали транзистор, разговаривали. Вдруг в тайге раздался приглушенный расстоянием треск сучьев. Потом воздух вспорол долгий крик. Затем послышался бешеный галоп.

Из дебрей на обширную каменистую косу реки выскочил молодой сохатый. Не следя за дорогой, он промчался мимо палаток, крутя рогатой головой. На его загривке утвердилась рысь. Она с рычанием рвала зубами и когтями передних лап живое мясо. Шея, мускулистая грудь и передние ноги лося были бурыми от крови.

Мы побежали следом. Крик резко оборвался.

Впереди показалась небольшая таежная полянка. На ней лежал сохатый, откинув рогатую голову. К развороченному загривку припала Киса. На рысь страшно было смотреть: морда и грудь в кровище, светло-зеленые глаза горят бешенством. Жрала она долго, с отдыхом. Наконец отошла в сторонку, села и стала умываться лапой.

Послали за топором, решили расчленить тушу, часть оставить себе, часть переправить в другие отряды экспедиции. Не пропадать же добру. Но едва геолог с топором в руке подошел к сохатому, Киса выгнула спину и угрожающе зарычала. Тогда топор взял Борис. Своего любимца, своего хозяина, рысь подпустила к добыче.

...Киса была в растерянности: в это утро люди не вышли, как обычно, в маршрут. Позавтракав, они начали заниматься странными делами. Вытаскивали из палаток рюкзаки, геологические приборы, затем разобрали жердяные каркасы, повалили брезентовые домики и свернули их в рулоны. Она не могла знать, что сегодня, первого октября, закончились полевые работы и что из штаба экспедиции получена радиограмма — Ми-4 летит на стоянку отряда, приказано не отлучаться от «выкидушки» ни под каким предлогом, срочно подготовить к погрузке личные вещи и экспедиционное имущество.

Вещи упакованы и сложены в одну большую кучу.

Мы сели на них, закурили. Без палаток и кухонного тента вид у стоянки был осиротелый.

Молчали. Сейчас я испытывал настоящее чувство вины перед нашей Кисой. Как перед человеком, который был предан мне и которого я хотел тайком, подло покинуть.

Борис избегал смотреть на рысь и сидел, хмуро сдвинув брови. Без сомнения, он чувствовал себя Иудой, предателем.

Киса вдруг вытянулась в струнку, устремила взгляд куда-то поверх тайги. Слух у рысей превосходный: мы услышали вертолетный гул лишь десять минут спустя.

Когда грохочущая «вертушка», перевалив хребет, нырнула в долину, зверь зарычал и со всех ног бросился в тайгу. Но вот Ми-4 приземлился на каменистой площадке, затих, и Киса немедленно прибежала к стоянке. Она неотрывно следила, как люди затаскивали в багажное отделение вещи, как один за другим исчезли во чреве машины.

Все, кроме Бориса. Начальник отряда присел на корточки, потрепал зверя по загривку. Затем резко поднялся и зашагал к вертолету.

Но не тут-то было! Киса в два прыжка догнала Бориса, когда тот уже поставил ногу на дюралевый порожек багажного отделения. Она вцепилась зубами в его бахилину, упершись задними ногами в землю, потянула на себя.

— Дайте-ка карабин,— попросил он.

Я отыскал в груде вещей оружие, щелкнул затвором, протянул его начальнику отряда. Гулкий, как из пушки, звук карабинного выстрела ненадолго напугал зверя. Он отбежал в сторону. Борис поспешно забрался в вертолет и захлопнул изнутри дверцу. Машина оторвалась от земли. Мы прильнули к иллюминаторам.

Киса металась по покинутой стоянке, высоко подпрыгивала, как бы пытаясь взлететь за вертолетом. Пасть была раскрыта, но ее крик тонул в грохоте двигателя. Потом она перестала метаться и длинными скорыми прыжками побежала в том направлении, куда полетела «вертушка».

Мы сидели, сложив на коленях руки, словно на похоронах. Все почему-то смотрели на Бориса.

— Что вы на меня уставились?! — неожиданно взорвался начальник отряда.— Что, я должен был взять Кису домой? Взрослая дикая рысь в квартире! Идиотизм! Вроде того льва, которого научили пользоваться унитазом...

Я посмотрел в иллюминатор. Внизу проплывали скалы, хребты, ущелья с реками и ручьями. Огромное пространство было залито солнцем. Взблескивали заснеженные вершины, словно на них вылили расплавленный металл. Лиственницы еще не осыпались и походили на сгустки золотистого дыма.

И подумалось вдруг: ни сытая пища, ни заботливый уход, ни человеческая ласка — ничто не сможет заменить дикому зверю тревожного шума сосновых вершин в непогоду, терпких запахов тайги, сладостного волнения битвы, торжества победы в трудном поединке. Рожденные на свободе должны оставаться свободными.

ТАНЦУЮЩИЙ ЖУРАВЛЬ

Порою явь, реальность поражает сильнее самой тонкой, изощренной фантазии. И собираюсь я живописать вовсе не волшебную страну с золотыми горами и жар-птицами. Зачем... На свете есть страна не выдуманная, а реальная — моя Родина; могу назвать и точное место действия — Дальний Восток, среднее течение Амура.

Туда мы, маленький поисковый отряд аэрогеологической экспедиции, прилетели не на ковре-самолете, а на грузовом вертолете Ми-4, терзающем грохотом барабанные перепонки и подпрыгивающем в воздухе, как телега на ухабистой дороге. В поселке, где находилась база экспедиции и откуда нас забрасывали в тайгу, я и услышал о японском журавле — танчо, как называет его местный люд. Якобы они, эти пернатые, шесть или семь пар, гнездятся на месте будущей стоянки нашего отряда. Оказавшийся проездом в поселке орнитолог подтвердил эти слова. Еще, добавил он, японские журавли живут в Приморье и на Уссурийской низменности; у нас их не более тридцати пар; зимуют они в

Японии и Корее. А во всем мире этих птиц двести восемьдесят штук.

Люди частенько принимают желаемое за действительность. В поселке мне подробно описывали внешность танчо, их танец, но едва ли кто видел японских журавлей ближе чем за километр. Шагая маршрутом, мы на третий день действительно наткнулись на редкостных птиц. Они взлетели на таком расстоянии, что казались белыми искорками на фоне синего неба. Очень пугливыми были японские журавли.

Я приметил место, где они кормились. Оно и вправду находилось наподалеку от стоянки отряда.

Чтобы вести наблюдение за пернатыми, надо было иметь свободное время, но его-то мне и не хватало: маршруты с утра до ночи. Только недели через три начальник отряда решил дать нам передышку на сутки (выходных в поисковых отрядах не существует).

Ребята отсыпались в палатке, а я с рассветом, наскоро перекусив, отправился к заветному месту.

Зеленая штормовка и зеленый берет неплохо маскировали меня; вдобавок я сплел широкий венок из орешника и водрузил его на голову, как это делают армейские разведчики.

Наконец впереди сквозь тайгу блеснул васильковый Амур и показалась обширная пойма, редко утыканная замшелыми от излишней влаги лиственницами. Пойма была почти сплошь скрыта белым туманом. Отсюда мы вспугнули японских журавлей.

Я долго стоял, весь обратившись в слух. Пели, заливаясь, птицы, со всех сторон в исступлении орали лягушки. Но чу! В эти привычные звуки вдруг вклинился иной крик. Этот чистый и гортанный крик могла издать только крупная, благородная птица. Он магнитом потянул к себе, и я запрыгал с кочки на кочку, стараясь потише хлюпать своими высокими болотными сапогами. Тяжелые туманы колыхнулись, холодно облили штормовку, лицо, руки частыми каплями. Я продвигался поймой, подобно охотнику на глухаря: когда птица кричала, я бежал, обрывались заветные звуки — замирал как вкопанный.

С удивительной быстротою летит время в подобной ситуации, точнее, совершенно теряется его ощущение. Солнечный хохолок, только-только выглянувший из-за

сопки, когда я подходил к пойме, превратился в твердый ярко-малиновый диск, победно поплывший над землею. Туманы поредели и осели, как сугробы под дождем. Они уже не скрывали меня, приходилось то и дело пригибаться и приседать. Судя по движению солнца, прошло не менее часа.

Наконец послышались легкие хлопки крыльев. Странно, они не передвигались, как у летящих птиц, а раздавались с одного места. И еще до слуха донеслось: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп! Словно маленькие напуганные лягушата один за другим прыгали с кочек в воду. Я лег и пополз по-пластунски и через минуту был весь вымазан липкой вонючей жижей. Что поделать, иначе спугнешь. Довольно плотный у земли туман неожиданно оборвался. Я глянул вперед и крепко зажмурился. Так инстинктивно поступает человек, если рядом вспыхивает магний или электросварка. Но я был ослеплен не вспышкой...

Птицы были яростной белизны, как иней в солнечных лучах, как расплавленный металл. А длинная шея, голые ноги и второстепенные маховые перья — чернее дегтя, чернее самой темной ночи. Гениальный художник — природа — прихотливо бросил в это классическое, строгое и холодное сочетание маленькую деталь, легкий мазок: аккуратную длинноклювую головку венчала красная шапочка.

Я насчитал их семь пар. Самки внешне ничем не отличались от самцов. Птицы занимались очень прозаичным делом, расхаживали по болоту, отыскивали, хватали клювами и заглатывали небольших лягушек, но в каждом движении танчо, в наклоне шеи, повороте головы было столько грации! Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп — передвигаясь, били они по водяным оконцам лапками. Вот, оказывается, кто рождал эти звуки.

Я лежал, затаив дыхание, унимая расходившееся сердце, потому что ближайший журавль расхаживал в десяти метрах от меня. Если бы не широкий венок из орешника, скрывающий голову, лицо, плечи и часть спины, я бы, безусловно, был обнаружен птицами.

В левую бахилу затекла вода, остро пахнущая болотная жижа холодила грудь и живот, но я не сделал ни единого движения, боясь вспугнуть осторожных птиц. И великое терпение мое было вознаграждено. То, что я

увидел, верно, не забуду до конца дней своих. Такое невозможно забыть. Мне часто вспоминается болотистая низинка возле василькового Амура, тяжелый запах мари, осевшие сугробы туманов и танцующие птицы, словно слетевшие с яркой японской акварели...

Парочка журавлей, что кормилась слева от меня, супруг и супруга, может, жених и невеста, неожиданно оставила в покое лягушек. Они повернулись друг к другу. Он или она, уж не знаю, видно, он, потому что обычно первым начинает танец самец, вытянул шею к груди подруги. Его головка с красной шапочкой начала плавно опускаться и вновь подниматься; шея извивалась черной змеей. Приглашение к танцу? Возможно. Но самка этого не поняла и удивленно косила на партнера глазом. Тогда самец, приседая на длинных ногах, заходил кругами, все быстрее и быстрее; выброшенные крылья взлетали и с хлопком опускались. Он танцевал, иначе не назовешь эти выверенные движения; каждое па было доведено до совершенства.

Неожиданно самец остановился напротив подруги, как бы спрашивая: «Ну, дошло, душа моя? Я приглашаю тебя на танец». И птицы вместе запрыгали вверх и захлопали крыльями. И длилось это довольно долго. В прыжке они одновременно резко распрямляли согнутую левую ногу, а на вершине сложной фигуры непременно выбрасывали крылья, на мгновение замирая в воздухе.

Краем глаза я увидел: все журавли оставили трапезу, с напряженным вниманием следили за танцующей парой, и при этом каждая птица заметно приседала и покачивалась. Так человек, наблюдая лихой пляс, невольно притопывает в такт ногой или поводит плечами.

Но вот птицы вновь остановились друг против друга. Я подумал, что танец окончен, и ошибся. Они начали иную фигуру. И самец и самка вытянули шеи к небу, а головки, напротив, опустили, направив клювы в землю. Красные шапочки смотрели друг на друга: чья краше? Потом, дрогнув крыльями, устремили клювы в небо и резко, гортанно прокричали. Повторили эту вторую фигуру вновь. И опять вернулись к первой: начали взлетать, хлопать крыльями, выбрасывая согнутую левую ногу, замирали в воздухе. Теперь они, опустившись оче-

редной раз на землю, зачем-то подхватывали клювами то веточку, то травинку и высоко подбрасывали их.

Между тем остальные пары — шлеп-шлеп, шлеп-шлеп! — как по команде, приблизились к танцорам, окружили их со всех сторон.

И вот уже другой самец потянул шею к груди подруги, и красная шапочка его задвигалась челноком; затем прошелся кругом, приседая и хлопая крыльями. И супруги начали танцевать точно так же, как и первая пара. Не успели они закончить фигуру, в танец вступили их соседи слева. Через минуту-другую танцевала вся стая! Хлопанье крыльев, гортанные крики. Сколько это длилось? Я забыл об уходящем времени...

Журавли подпрыгивали невысоко, метра на два. Но вот одна пара, быть может, та, что начала танец, взлетела намного выше танцующей стаи. Птицы медленно планировали, выбросив веер крыльев, и опустились в полсотне метров от своих соплеменников. И тотчас зашлепали по оконцам, сосредоточенно принялись разыскивать лягушек. Для них танец был окончен. Вскоре выше взлетела другая пара...

Я готов был пролежать так хоть целый день — едва ли придется когда-нибудь еще увидеть такое,— но подвела предательская топь. Она поглощала, затягивала меня. Пришлось пошевелиться, чтобы перелезть на соседние кочки. И в ту же секунду раздался долгий, громкий, пронзительный крик. Верно, это забил тревогу вожак. Журавли — и те, кто закончил танец, и те, кто продолжал танцевать,— шумно забили крыльями, взлетели. В яркой синеве неба они вытянулись клином и полетели к Амуру. Сейчас, в утренних солнечных лучах, птицы казались оранжевыми...

Передышек начальник отряда больше нам не давал, план есть план, его надо выполнять, и я больше не ходил к журавлям. Но однажды маршрут пролег мимо журавлиной поймы, и я предложил геологу подкрасться к птицам. Несмотря на усталость, он сразу согласился.

Мы долго стояли в ожидании знакомого гортанного крика, чтобы определить точное местонахождение птиц. Но услышали вдруг не обычный, а долгий и душераздирающий крик-вопль.

Не сговариваясь, мы побежали на отчаянный зов.

За перелеском показались журавли. Стаей они кружили над одним местом. Мы не таились и были сразу же обнаружены осторожными птицами, но странно: сейчас они не улетели прочь, только поднялись повыше. Меж ветвей на земле кувыркалось что-то бело-черное, живое...

Это был танчо. Когда мы подбежали к нему почти вплотную, он взлетел. Полет его был неровен, пернатый заваливался то на один, то на другой бок. И что-то свисало с его окровавленной груди, что именно, я понял лишь тогда, когда оно отделилось от птицы и упало на землю. Гибкий и маленький, не больше двухмесячного котенка, линялый горностай молнией метнулся прочь и мгновенно исчез за кочками.

На что способен этот безобидный на вид «котенок», мы знали не понаслышке. Каждую ночь маленький разбойник заявлялся на стоянку отряда и пожирал или тащил в нору все, что плохо лежало: убитых с вечера уток, остатки мясной трапезы в котле, жестяные банки с говяжьей тушенкой, которые наловчился прокусывать острейшими зубками. Разбой на стоянке мы ему прощали: не виноват же зверек, что природа наградила его отчаянной храбростью, воровскими повадками и аппетитом Гаргантюа. Но сейчас я пожалел, что не успел сорвать с плеча ружье и не прикончил маленького убийцу.

Танчо упал неподалеку в камыши, забился. Мы подошли к пернатому. Он лежал вверх ногами. Матовая пленка натекла на его глаза. Из грудки резвой струйкой била кровь. Силы оставили птицу.

Мой товарищ поспешно снял штормовку, а затем и рубаху. Он перетянул рубахой туловище журавля, закрыв материей рану.

— А то кровью изойдет,— пояснил геолог.

Затем осторожно, как новорожденного, поднял танчо на руки, и мы пошли к стоянке.

Танчо уложили на оленьей подстилке. Я наловил лягушек, миску с пищей поставил у изголовья птицы. Ни к еде, ни к воде журавль за ночь не притронулся. Он лежал, как мертвый, на спине, с подогнутыми ногами.

Утром я был немало напуган, выйдя из палатки. От полога с громкими хлопками крыльев отлетел журавль. Догадался: супруг или, напротив, супруга раненой птицы. Я знал, что танчо, как и белые гуси, объединяются парами на всю жизнь и верность их граничит с само-

пожертвованием. Похоже было, что он находился возле палатки всю ночь.

Пернатый опустился неподалеку, замер в чуткой стойке, неотрывно глядя на меня. Так он и простоял битый час, пока мы завтракали и собирались в маршрут.

Раненую птицу мы оставили в палатке, тщательно застегнули полог. Сейчас с ней в два счета расправился бы любой хищник.

На третий день журавля вынесли из палатки, поставили на мох. Он сразу увидел своего соплеменника, супругу или супруга, неотлучно дежурившего на стоянке эти дни. Рванулся из рук, побежал к нему. Длинные ноги подвернулись — упал, пропахав клювом землю, но тотчас поднялся.

Мы отошли от палатки, чтобы не пугать птиц. Теперь и тот, что ожидал на стоянке, неуверенными шажками направился к нашему танчо.

И вот они рядом. Стукнулись клювами, издав тупой костяной звук. Красные шапочки задергались челноками. Одновременно выбросили крылья, подпрыгнули, дернув в воздухе согнутыми левыми ногами. Так начиналась первая фигура журавлиного танца.

Но сейчас птицы не собирались танцевать. В прыжке они не опустились на землю, а поднялись, отчаянно хлопая крыльями, над тайгою. Затем одна пристроилась в хвост другой, пернатые сделали круг над стоянкой и поплыли по направлению к журавлиной пойме. И опять в утренних солнечных лучах птицы казались оранжевыми.

ЖАЛКО, ОДНАКО...

На этом арктическом острове, отброшенном в Ледовитый океан за сотни миль от материка, нам предстояло пробурить несколько скважин.

Едва был разгружен прокопченный трудяга Ми-4, не успели буровики разместиться в бараке, как я уже прихватил свой мощный английский бинокль и, миновав маленькую эскимосскую деревеньку, поспешил на побе-

режье. Еще с воздуха я заметил большое моржовое стадо. Хотелось рассмотреть морских исполинов поближе.

Бухта крутым рогом снежного барана врезалась в берег. Слева и справа теснились, вплотную подступая к воде, древние морщинистые скалы. За сотни тысяч лет жестокие ветры, непрерывно дующие с Северного полюса, причудливо обточили камень, изваяли гранитные скульптуры. Вон там голова турка в чалме, с горбатым носом и бородкой клинышком, а там во весь рост скорбно застывший старец в длинном одеянии, похожий на апостола... Ледяные туманы, высвеченные неуемным арктическим солнцем, иногда ненадолго закрывали скалы, и когда они появлялись над водою вновь, то казались призрачными, нереальными.

Был разгар неласкового арктического лета. Дрейфующие льды отошли от острова метров за триста, образовав вдоль побережья полоску чистой воды. Даже сейчас, в яркий солнечный день, вода оставалась одноцветной — свинцовой. Ледовитый океан не Средиземное море, не переливается яркими павлиньими красками. Зато льды, тысячемильное нагромождение торосов, купаясь в солнечных лучах, играли диковинными цветами. Их невозможно перенести на холст; таких нежных, легких, чисто-прозрачных красок не существует в палитре художника. Один торос был янтарный, другой сиреневый, третий алый... Казалось, иная, не земная сила сотворила эти краски, на самом деле все объяснялось просто — преломлением морской соли в солнечных лучах.

Льдины, большие и малые, круглой и яйцеобразной формы, были отделены одна от другой неширокими трещинами и разводьями. Почти на каждой лежали моржи, лишь один находился в полынье. Он отдыхал в вертикальном положении, из воды торчали лысая усатая голова с белыми бивнями и округлые плечи.

Звери успели хорошо загореть. Они ухитрялись загорать, менять цвет толстой — трехсантиметровой — кожи под скупым арктическим солнцем. Среди них были и рыжие, как апельсин, и светло-коричневые, и даже попоросячьи розовые.

Разглядеть четырех-пятиметровых великанов весом до полутора тонн было нетрудно и невооруженным глазом, и я хорошо различал приплюснутые спереди голо-

вы, упруго торчавшие из мясистой верхней губы вибриссы — усы, толстые, восьмидесятисантиметровой длины бивни, широкие передние ласты (задние ласты у лежавших моржей были подогнуты вперед и скрыты жировыми складками). Спавшие звери храпели так сладко и громко, что я их услышал еще за толстой бревенчатой стеною барака; те, кто бодрствовал, переговаривались — по-медвежьи ревели, по-коровьи мычали, по-свинячьи визжали и хрюкали. Даже с такого расстояния ветер донес до меня крепкий зловонный запах.

Мне показалось, что звери лежат хаотично; где выбрались на сушу, там и залегли. Обманчивое впечатление! Присмотревшись, я сразу выделил самок с детенышами. Молодые и старые мамы — айвоки и агнасалики, как называют их эскимосы,— находились с кассекаками — малышами — по отдельности, на своей льдине, у самой кромки, чтобы в случае опасности успеть нырнуть. Они лежали в самых разнообразных позах. Чаще кассекаки, взобравшись на широкие материнские спины, дремали. С серебристой шерсткой, отчаянно курносые, с выступающей челюстью, они здорово смахивали на бульдожек, особенно когда приподнимались на кривых передних ластах. Если самка кормила, то она заваливалась на бок, в истоме вытянув на льду шею, а детеныш пристраивался к сосцам и жадно чавкал. У айвоков и агнасаликов кожа была почти голая со множеством морщин и складок. Время от времени самки беспокойно крутили головами: нет ли опасности? Выкармливают, пестуют своих чад они долго, до двух лет. Целый год кассекак питается только материнским молоком, затем, когда покажутся клыки, еще год самка учит пестуна добывать пищу, пропахивать бивнями морское дно, выискивать рачков, моллюсков, звезд. Мать сильно привязана к своему малышу и не покинет, не оставит детеныша, даже раненная: прижав к груди передними ластами, непременно уйдет с ним в океан. И, будьте уверены, пойдет на явную гибель, но попробует отомстить тому, кто осмелится тронуть детеныша.

Тесно прижавшись друг к другу, тоже на своих, отдельных льдинах отдыхали старые самцы — антохпаки. Они устали от жизни за три десятилетия, не обращали никакого внимания на самок, и ничто их не занимало и не волновало. Долгие часы антохпаки дремали

в одной и той же позе. Бивни их были стерты почти наполовину, а на толстой, бугристой от шишковатых наростов коже красовались многочисленные шрамы и рубцы — следы буйной, давно ушедшей молодости, страшных поединков с сородичами. На широких спинах морских зверей сидели белые чайки, выклевывали из складок кожи паразитов.

В компаниях молодых, подросших самцов — ункаваков — то и дело возникали жестокие драки. Льдины, на которых они лежали, были в пятнах крови. Повод для драки мог быть самый ничтожный: например, слишком громкий рев, который не понравился соседу, ненароком придавленный соплеменник. На самок моржи — ноль внимания. Они нужны им только в брачный сезон. Отцовских чувств они не ведают.

Между тем одинокий морж, находившийся в полынье, заходил небольшими кругами. Судя по размерам головы и клыков, это была еще не старая самка. Почему она одна? Отчего в воде, а не на льдине? Я поискал глазами ее детеныша и не нашел.

Показав миру толстенный зад, она вдруг рывком, вертикально ушла в воду. Ныряльщики моржи отличные, уходят на глубину до девяноста метров. Кормилась, пропахивая бивнями дно, она довольно долго, минут десять. Дольше без воздуха ей не выдержать. И моржиха появилась на поверхности, издав громкий выдох и фырканье. Затем неспешно поплыла вдоль кромки льдов, на которых лежали самки с детенышами. Потом стало происходить что-то непонятное... Моржиха поочередно подплывала к льдинам, перевалив на треть свое толстое тело, с треском вонзала клыки в лед, подтягиваясь на них, взбиралась на кромку. Те Кто Ходит На Зубах — так в переводе с латинского звучит название моржа. Затем тяжело, неуклюже прыгала к самке с детенышем. Самка ее не занимала вовсе, а интересовал только детеныш. Она тянула к малышу клыкастую морду, пыталась погладить ластой. Но не успевала она дотронуться до него, как самка нападала на моржиху, мощными ударами бивней изгоняла со своей льдины. Незваная гостья тяжелым тюфяком сваливалась в воду и плыла к соседней льдине, к другой самке с детенышем. Там повторялось то же самое. Мне оставалось только строить догадки...

На каменистую косу была вытащена эскимосская байдара, обтянутая кожей моржа, с ребрами этого зверя вместо деревянного каркаса; в ней валялось весло с широкой лопастью. Я решил подплыть поближе к морским великанам, чтобы рассмотреть их в непосредственной близости. Человека они не боятся, подпускают почти вплотную. Правда, среди них мог находиться келюч — хищный морж, который нападает и на человека с целью убить его. Но келючи — большая редкость. Хищниками моржи становятся в исключительном случае и не по своей доброй воле. Что прикажете делать кассекаку, у которого убили мать? Клыки у него еще не показались. Чем же пропахивать дно, выискивая пищу? А есть-то надо. Вот и подстерегает он кольчатых нерп, птиц и, познав вкус теплой крови, выросшим, матерым зверем сможет напасть и на человека.

Я столкнул легкую байдару в воду, вспрыгнул в нее сам и чуть было не свалился в ледяную воду, потому что она неожиданно задергалась из стороны в сторону, кренясь то на один, то на другой борт. Не иначе как хитрый и злой эскимосский черт Тугнагако — Дух Севера — захотел искупать меня в холодном океане. Остается только удивляться, как это не умеющие плавать чукчи и эскимосы решаются выходить на этой чертовой посудине в океан. Но наконец балансированием рук, ног, корпуса мне удалось усмирить взбунтовавшуюся байдару; я устроился на корме и поплыл, поочередно опуская весло с левого и правого борта. Байдара скользила по воде легко, как с ледяной горки. Кромка плавучих льдов быстро приближалась. Я был уже на середине полыньи, когда громкий, дикий, воинственный рев заставил меня резко затормозить веслом. Так ревут моржи в сильном раздражении, перед нападением на врага. Я поискал глазами драчуна. Нет, все моржи спокойно, невозмутимо лежали на льдинах и не собирались вступать в поединок. Когда раздался повторный угрожающий рев, я увидел, что это ревет знакомая одинокая моржиха из воды. Она возбужденно ходила маленькими кругами и неотрывно глядела на меня, то и дело разевая свою страшную пасть. Зверю явно не нравилась близость человека на байдаре. Мне стало не по себе. Неужели келюч?.. Нет, едва ли. Хищные моржи нападают на жертву без китайских церемоний; внезапно появляются из

воды подле байдары, положив бивни на борт, переворачивают посудину, сбрасывают человека в океан...

Пока я думал, что мне делать, испытывая судьбу, плыть дальше или повернуть к берегу, позади раздался крик. Я оглянулся. На каменистой косе стоял маленький кривоногий человек в кухлянке и торбасах. Он размахивал левой рукою. В правой был карабин. До слуха донеслось:

— Туда ходить нет! Ходи сюда!..

И только тогда я развернул байдару и заработал веслом. Вскоре посудина прошуршала кожей по мелким камням. Я ступил на берег.

Это был старый эскимос с лунообразным, цвета печеного яблока лицом, вдоль и поперек пропаханным морщинами. Реденькие, мягкие, как пух, седые волоски поземкой струились на непокрытой голове, серебряная бородка и усы резко выделялись на темном лице. Но глаза из узких щелочек поблескивали цепко, молодо.

— Думал, однако, стрелять надо,— сказал он и скупо улыбнулся, показав желтые крепкие зубы.

— Здравствуй, отец... Что, келюч? — спросил я, кивнув на моржиху, которая все еще не успокаивалась, громко ревела возле льдов.

— Нет, не келюч, хеолох,— был ответ.— Однако, мог убить, как келюч.

Я угостил незнакомца сигаретой с фильтром. Эскимос оторвал фильтр, запрокинув голову, высыпал табак из тонкой бумажной оболочки в рот и с удовольствием стал пережевывать его. Мы присели на борт байдары.

Рассказ старика о моржихе, которая ревела сейчас в полынье, занял не более двух минут, но за скупыми словами я увидел полную трагичности картину. Северные люди терпеть не могут пустой болтовни и умеют передать многое в немногих словах.

По весне взломанные штормами льды вышли из бухты, отодвинулись от берега, образовав широкую полынью. Но там, где бухта кончалась, припай держался истонченный, в трещинах, лед не желал отступать, крепко цеплялся за каменистую косу. Еще один шторм — и припай до осени расстанется с берегом.

Старик, сидя в кожаной байдаре, ловил сетью сайку — полярную треску. Течение прибило байдару почти к самой кромке льдов. По соседству, рукой подать, у подножия высокого тороса лежала крупная моржиха с детенышем. Кассекак забавлялся: забирался на крутую и широкую материнскую спину, потом с радостным поросячьим визгом, расставив передние ласты, скатывался на лед. Близость человека вовсе не тревожила исполинского зверя, он не обращал на него никакого внимания. Как бы полностью доверяя ему, моржиха оставила своего малыша под торосом, тяжело запрыгала к воде и шумно свалилась в океан — кормиться. Она уходила под воду на несколько минут, затем лысая, усатая, клыкастая голова появлялась на поверхности; убедившись, что детеныш ее цел и невредим, вновь ныряла. Недавно родившийся пятидесятикилограммовый кассекак жалобно повизгивал, подзывая мать.

Трагическая, нелепейшая случайность — и малыш погиб. С вершины зубчатого тороса, у подножия которого лежал несмышленыш, отвалилась подточенная солнцем глыба льда. Она угодила точно в голову малыша, и смерть была мгновенной. Вынырнувшая в очередной раз моржиха сразу же заподозрила неладное. Вонзая клыки в лед, она выбралась на твердь, запрыгала к детенышу. Мать и оглаживала его ластами, и поворачивала с брюха на спину, со спины на брюхо, издавая сдавленные, очень похожие на рыдания рыки. Но все было напрасно. Ничто не могло воскресить так глупо погибшего детеныша. Она поняла это и закрутила головою, привстав на передних ластах: кто? Кто убил ее малыша? Поблизости находился человек. Значит, человек! В ограниченном количестве эскимосам разрешен отстрел моржей, ни один эскимос не мыслит свое существование без национального блюда — копальгина, заквашенного мяса этого зверя, и моржиха не раз видела, как люди убивали ее сородичей из длинных предметов, похожих на палки, как тянули привязанную за клыки тушу к берегу... И она с воинственным рыком свалилась в полынью, толстой клыкастой торпедой помчалась на байдару. Старик вышел в океан ловить рыбу и не захватил из дома карабин. Доплыть до берега, конечно, не успеешь: зверь быстро настигнет байдару, перевернет посудину, сбросит человека в океан. Оставив сеть, эски-

мос поспешно перебрался на корму и заработал веслом, подгоняя байдару к плавучим льдам. Успел выскочить на кромку в самый последний момент, когда моржиха была на расстоянии броска. Огибая полынью, перепрыгивая трещины, человек побежал по льдинам, а зверь плыл рядом, вытягивал шею, бил по воде клыками и грозно ревел.

Чем ближе к берегу, тем тоньше становился лед. Человек почувствовал это, потому что он начал прогибаться под ногами. Это понял и зверь. Он исчез под кромкой, чтобы через минуту головой, плечами и спиной пробить лед в том месте, где находился человек. Но промахнулся: лед взломался рядом со стариком. Эскимос шарахнулся в сторону и побежал зигзагами. Моржиха опять нырнула и вновь взломала лед возле бегущего человека. Еще одна неудачная попытка настигнуть, убить мнимого врага — и старик, наконец, выбежал на берег.

Эскимос закончил свой рассказ. Я посмотрел туда, где находилась одинокая моржиха. Она плыла вдоль кромки льдов и, вытянув шею, смотрела на отдыхавших сородичей со своими детенышами.

Наверху раздалось картавое карканье. Из рваных клочьев тумана вынырнул крупный, иссиня-черный, словно обугленный, ворон. Неспешно рассекая воздух огромными крыльями, метахлюк, как называют эскимосы эту птицу, полетел в сторону Северного полюса.

Старик проводил его глазами и сказал верную эскимосскую примету:

— Метахлюк за воду полетел. Кровь учуял: нанук нерпу задрал.

— Что ж вы думаете с ней делать? — спросил я и кивнул на кромку льда, где плавала моржиха.— Добывать? А то долго ль до греха...

— Нет, ее не тронем,— ответил старик.— Надо — другого зверя возьмем.

— Почему?

Теперь, зная историю моржихи, я мог бы и не задавать этот вопрос.

Старый эскимос недолго помолчал, потом коротко, но весомо ответил:

— Жалко, однако...

Ивану Семеновичу Козловскому

МАШУТКА

I

На вечерней связи со штабом экспедиции была получена радиограмма: утром в лагерь прибудет вертолет Ми-6А, приказано подготовить к отправке на базу личные вещи и экспедиционное имущество.

Ночью геологи спали неважно. Мысли о доме, о скорой встрече с женами, детьми и матерями разбередили душу. И немудрено: безвылазно полгода на краю света — в лесотундре Северной Камчатки.

Едва проклюнулся рассвет, отряд поисковиков-съемщиков начал сборы. Бородачи упаковали в ящики камни — образцы пород, геологические приборы радиометры, молотки с длинной ручкой, бросили в кучу рюкзаки с вещами, свернули большую шестиместную палатку с байковым утеплителем. Стоянка с жердяным каркасом-скелетом сразу приняла вид унылый, осиротелый.

И здесь раздался растерянно-испуганный голос начальника отряда:

— А где же Машутка?..

Все повернули головы туда, где обычно, привязанная за лиственницу, стояла экспедиционная кобыла Машутка. Сейчас лошади там не было, на стволе лиственницы болтался на ветру обрывок толстой, прогнившей от излишней сырости веревки.

Поспешили по следу. Под снегом стояла вода, нелютая сентябрьская стужа не успела проморозить землю, и след, убегающий от утоптанной занавоженной площадки, был четок, зиял дырами на сверкающей перине.

— Машутка! Машутка!..— беспокойно звали бородачи свою неизменную помощницу, безотказную трудягу лошадь, но в ответ не раздавалось ржания.

Люди бежали недолго. Вскоре лошадиный след пересек и смешался с другим следом, широким и длинным. Это были медвежьи «лапти».

— Ясно!..

— То-то я слышал ночью, как Машутка ржала и храпела...

— Тогда какого же черта не вышел посмотреть?!

И опять поспешили по следу, хотя понимали, что идти им, в сущности, незачем: в таежной чащобе медведь резвее лошади, нагнав жертву, будьте уверены, не помилует. Спешить, чтобы увидеть растерзанный труп? Машутке уже не помочь...

Но геологи шли молча и упорно, отгоняя похоронные мысли, пока не услышали далекий вертолетный гул. Остановились в растерянности, посмотрели на своего начальника.

— Надо лететь, братцы,— решил он.— Машутка мертва. Один шанс из тысячи, что она каким-то чудом спаслась. Но мы проверим и этот единственный шанс: уговорим вертолетчиков пролететь над следом.

Вернулись к стоянке. Вскоре приземлился огромный грохочущий Ми-6А, вывозивший за один рейс на базу все отряды партии, тридцать человек. Кроме людей и экспедиционного имущества, на борту вертолета были три стреноженные лошади, работавшие с разными отрядами. Не хватало одной Машутки.

Командир экипажа согласился с предложением начальника отряда. Для совхоза-миллионера, которому принадлежала Машутка, и для аэрогеологической экспедиции с миллионным оборотом, арендовавшей лошадь на полевой сезон, потеря, конечно, ничтожна, да жаль животину. Вертолетчик был родом из сибирской глубинки и сызмальства любил таежную и домашнюю живность.

Ми-6А полетел по следу. Талые дыры в снегу то цепью тянулись в долине, пересекали не замерзшие еще быстрые ручьи, то карабкались на взлобки. Верст через десять они уткнулись в плотную таежную стену и исчезли. Ми-6А перелетел обширный участок сплошной тайги. Дальше тянулось редколесье, но следов там не было. Или люди потеряли их, или там, в дебрях, медведь настиг Машутку.

Командир экипажа повел машину над кромкой сплошной тайги и редколесья. Он хотел облететь этот участок тайги. Может, Машутка выскочила из дебрей с другой стороны?.. Вскоре с опушки, вспуганные грохотом вертолетного двигателя, взлетели северные вороны цвета обугленной головешки. Их было штук восемь, и это обстоятельство сразу насторожило и командира экипажа, и начальника отряда, находившегося в пилотской

кабине. Северный ворон любит полное одиночество, а соединиться в стаю его заставляет одно: легкая добыча.

И вот вертолет над тем местом, откуда взлетели вороны. Снег утоптан до земли, тут и там валялись полуобъеденные части большой растерзанной туши, плохо обглоданные внушительных размеров кости, повсюду пятна цвета переспелой рябины. Медведя не было. Видно, убежал в дебри, напуганный грохотом двигателя.

Начальник отряда поспешно прошел в багажное отделение, чтобы через стеклянную, как аквариум, пилотскую кабину не смотреть на следы кровавого побоища. «Прости, Машутка. Не уберегли тебя...»

II

С высоты люди не могли хорошенько разглядеть части растерзанной туши. Они принадлежали вовсе не Машутке. Иная трагедия разыгралась на этой таежной опушке. Здесь стая волков настигла и зарезала лосиху. В самый разгар пиршества, когда голодные звери заглатывали куски теплого мяса, а нахальные северные вороны прыгали совсем рядом, долбили необглоданные кости, послышался нарастающий вертолетный гул. Волчья стая была пуганая. Звери знали, что этот глухой рокочущий звук несет им смертельную опасность. Их не однажды били с вертолета и с борта «Аннушки». Поэтому они скрылись в тайге. Но едва гул двигателя громовым раскатом пролетел над опушкой, волки опять набросились на добычу.

А Машутка была еще жива. С пенной мордой, влажно блестящая от обильного пота, окутанная клубами пара, она бежала из последних сил прочь от когтистой смерти. Жизнь ее висела на волоске.

По мелкокаменистой речной косе, покрытой неглубоким слоем снега, лошадь бежала быстрее медведя, но, когда копыта начинали проваливаться в марь, Потапыч настигал кобылицу: лапы у него широкие, мягкие, в топь не уходят. Казалось, еще секунда — и огромная мохнатая торпеда догонит свою жертву, мощным ударом лапы перебьет ей хребет. Но в последнее мгновенье Машутке удавалось оторваться от преследователя. Звери хрипели от немыслимого напряжения, чудовищной устало-

сти. Только чудо могло спасти Машутку: медведь был дома, в тайге, а дома, как известно, и стены помогают...

Но лошадь спасло не чудо. Ее спасла собственная сообразительность. Сама не желая того, она забежала в небольшое, но топкое, заросшее кочками озерцо, скрытое под снегом. Ноги пробили трясину, провалились выше коленных суставов в ледяную воду. Тогда Машутка легла на спину, с трудом выдернула из вязкой, вонючей жижи ноги. Поняла: иначе потонет. Повернула морду в сторону преследователя. Медведь выскочил к озерцу и увидел лежавшую живую добычу, лишенную возможности передвигаться. Громкий радостный рев огласил тайгу. С ходу он заскочил в трясину, разбрызгивая пузырящуюся жижу, стал пробираться к лошади.

И вот кобылица — пуды живого, вкусно пахнущего мяса — рядом. Громадная когтистая лапища потянулась к открытой шее. И здесь Машутка точным, выверенным ударом переднего копыта с полустертой подковой нанесла противнику страшный удар в череп. Ударила — и тотчас покатилась, переворачиваясь, в противоположную сторону. И катилась до тех пор, пока не достигла берега, не ощутила надежную твердь.

А неудачливый охотник тем временем зашелся в нескончаемом реве. Ему б пересилить боль, скорее выбраться из трясины... Но нет, продолжал реветь, биться, по-человечьи зажав окровавленную голову передними лапами. Трясина быстро затягивала его. Замолк он лишь тогда, когда по плечи скрылся в озере-ловушке. Выбросил лапы, схватил ближайшую кочку, рывком попытался выбраться из мари. Кочка с утробным чавкающим звуком ушла в озеро. Вместе с ней утонул и медведь. Под слоем вязкой мари раздался короткий рев, затем он оборвался, послышались булькающие звуки, и на поверхность, лопаясь, начали всплывать большие пузыри.

Вымазанная с головы до ног липкой жидкой грязью, Машутка постояла возле озерца, глядя на пузыри, затем неспешно затрусила прочь.

III

К вечеру лошадь пришла к стоянке отряда. Взору ее предстал палаточный скелет — каркас, сваленные в

кучу порожние консервные банки, пустые фанерные ящики из-под продуктов.

Машутка тревожно заржала. Затем встала на свое обычное место под лиственницей, на стволе которой болтался обрывок веревки.

Она ждала возвращения людей. Но минула холодная ночь, короткий сверкающий день, и опять минула ночь, а люди все не приходили. Изредка лошадь призывно ржала. Но и это не помогало: бородачи будто сквозь землю провалились.

Когда Машутка бежала, спасаясь от медвежьей погони, она слышала тяжелый гул двигателя. В геологических партиях лошадь работала третий сезон подряд и знала, что появление грохочущего, резко пахнущего чудовища связано с двумя событиями: отъездом и приездом.

По весне лошадей и людей машина забрасывала в тайгу, а осенью вывозила.

Отсутствие людей, вид покинутой стоянки, вертолетный гул...

Мать Машутки была чистокровной якутской кобылицей, а якутская порода лошадей отличается удивительным умом, редкой сообразительностью. Уж не связала ли Машутка все эти факты воедино и не сделала ли верный вывод? Очень может быть. Во всяком случае, Машутка поняла, что ждать людей на покинутой стоянке не следует, сюда они более не вернутся и что надо искать родной дом — конюшню в поселке. И она пересекла бывшую стоянку, маленькую таежную поляну, и углубилась в тайгу. Впереди ее ждала несказанно трудная дорога, точнее — бездорожье, раскинувшееся на четыреста восемьдесят километров, и каждый шаг домашнего животного в дикой, заселенной хищниками, лесотундре мог оказаться последним. Машутка сразу взяла нужное направление: в мозгу лошади был как бы вмонтирован компас, радарная установка. За сотни верст, как и голуби, эти животные безошибочно находят родные места и идут к ним по кратчайшей, прямой линии. Компас из живых клеток погнал Машутку строго на юго-восток. На другом конце громадной территории, на побережье холодного Берингова моря, находился поселок — жилище знакомых лошадей и людей.

IV

Камчатка, Камчатка... Вереница сопок, хребтов, долин, ущелий, и нет им ни конца ни края. Миллионы лет могучие силы сотрясали эту землю, равнины превратили в глубокие пропасти, раскололи, вздыбили сопки, усыпали все вокруг камнями, покрыли черным вулканическим пеплом. Кажется, здесь сам черт ногу сломит. Но и тут живет дикий зверь: медведь, сохатый, северный олень, песец, рысь, евражка. Приспособились. Передвигаются, конечно, не так резво, как по равнинной тайге, кормятся. А такой животине, как снежный баран, лучшего места и не надо. Скачет мячиком по выступам на вертикальных склонах скал, жует лишайники и мхи, гложет кустики карликовой ивы, и ни один враг, кроме человека на вертолете, ему не страшен.

И Машутка была неплохо приспособлена к трудным камчатским тропам, иначе б не жить ей на Севере, иначе б не брали лошадь геологи на сезонные работы в тайгу. Да вот беда: за полгода тяжкой службы у геологов сильно стерлись ее подковы, а с правого переднего копыта подкова вовсе отвалилась. А копыта у лошади мягкие, не то что сохатиные или оленьи. Поэтому на скользком месте ноги Машутки разъезжались, как у неуклюжей коровы, и она часто падала. Угодит нога между обледенелыми камнями, переломится под тяжестью падающего тела — пиши пропало. Хромая лошадь в глухой тайге сгинет.

Но ничто не могло остановить Машутку. Ни топкая, незатвердевшая марь, ни быстрая, сбивающая с ног река, ни крутые подъемы, ни стремительные спуски. Останавливалась она только для того, чтобы, по-оленьи раскопытив снег, пожевать ягеля, мха, травы и немного передохнуть.

Днем ярко светило солнышко, пригревало кобылицу, а по ночам было уже морозно, и Машутка, по брюхо вымазанная ледяной болотной грязью, сильно мерзла. Ночью в зимнюю пору она привыкла стоять в нагретой дыханием и теплым навозом конюшне, а не бродить в тайге. Кроме того, Машутка не была чистокровной якутской лошадью, у которой шерсть густа и длинна, способна согреть животное даже в шестидесятиградусную стужу; отец, владимирский тяжеловоз, завезенный на Кам-

чатку океаном, облачил дочь свою в не очень-то теплую шкуру. Правда, он передал ей рост и силу, этим не может похвастать низкорослая якутская порода, но неизвестно, чтó на Северной Камчатке зимою животному нужнее — сила или жаркая шуба?

У геологов Машутка делала тяжелую работу. Бородачи то и дело переходили с места на место, на новые точки, а без лошади такие переходы немыслимы. Многопудовые сумы вьючили на широкую спину кобылицы, увязывали ремнями. Сумы беспрестанно съезжали, твердые дубленые ремни до крови стирали шкуру. Попробуй-ка пройди с таким грузом по узкой звериной тропе, где и налегке недолго свернуть себе шею! Но раз люди приказывали, Машутка покорно шла. Бородачи любили лошадь, ласково называли ее работягой, часто угощали сахаром.

За полгода ни один не обидел, слова грубого не сказал. Злая гостья — жестокость — редко поселяется на стоянках таежных бродяг.

Но конечно, крепче она была привязана к селению, к своей конюшне, где десять лет назад явилась на свет, где сейчас живут уже взрослые ее дочери и стучит копытом в стойле нетерпеливый буян Орлик. Там ее родной дом, там ветеринар Иван Васильевич и конюх Федька, которого, несмотря на преклонные годы, все звали, как мальчишку, Федькой — очевидно, из-за малого роста. Когда грузный Иван Васильевич появлялся в конюшне, лошади приветливо ржали, стучали о настил передними копытами. Заглядывая в зубы, небольно щупая под животом толстыми, мягкими пальцами, он обычно говорил Машутке: «Ну, ты, голубушка, у меня всегда молодцом!» А вот Федька был совсем, совсем другой. Такой отвратительный запах не исходил даже от свиньи. Ну да ладно, с запахом водочного перегара еще можно было бы мириться, хотя и это приносило страдания чистоплотной лошади. Утром и днем мучимого похмельем, с дрожащими руками и потухшими, слезящимися глазами Федьку кое-как можно было терпеть, но к вечеру, когда он напивался, становился совершенно непереносим. «А что это ты на меня так смотришь? Как солдат на вошь? — после второго стакана зло спрашивал Федька и медленно подходил к Машутке.— Значит, и ты осуждаешь? А я, между прочим, не на твои пью,

а на свои. Поняла?.. Да ты морду не вороти, отвечай: поняла?»

Машутка не отвечала, и конюх давал ей зуботычину маленьким грязным кулачком, затем, пошатываясь, шел вон из конюшни домой. Вскоре он, однако, возвращался. На крыльце избы с половой тряпкой в руке конюха встречала жена; если муж приходил пьяным, она наотмашь била его тряпкой по лицу и прогоняла. И Федька, срывая зло, опять измывался над Машуткой до тех пор, пока не валился с ног, обессиленный, и не засыпал.

Но сейчас, бредя по тайге, Машутка была бы рада увидеть и терпеть даже этого жалкого кривоногого пьянчужку Федьку.

V

Далекий вой несся из соседней долины, где лошадь прошла час назад. Машутка знала, кто испускает эти обманчиво-жалобные звуки. Она постояла недолго в чуткой, настороженной позе, прядая взлетевшими топориком ушами, и, взбрыкивая, рванулась с места.

Вой, однако, не удалялся, а, напротив, приближался.

Из-под копыт летели камни, вязкие ошметки болотной жижи. А вой все нарастал и нарастал. Наконец Машутка смекнула: бежать бесполезно, бегством не спастись. Она остановилась и развернулась. Молодые глаза кобылицы различили на снегу две четкие передвигавшиеся точки. Они летели по ее следу.

Это были волки, два крупных, матерых самца. На Камчатке дикий зверь отчего-то более рослый, чем на материке; бегущего зайца примешь за скачущего оленя, оленя — за сохатого. Волки обычно бродят стаей в десять—двенадцать голов или в одиночку. Что же заставило двух зверей, да еще самцов, держаться вместе? Дело в том, что всего неделю назад волчью стаю, в которой они жили, перестреляли пастухи оленей. Лишь этим двум посчастливилось уйти от визжащих карабинных пуль. Звери, с рождения привыкшие к стае, пока не решались разойтись. Вместе легче добывать себе пищу, уйти от опасности; как говорят, одна голова хорошо, а две еще лучше.

Машутка забежала на обширную речную косу и передними копытами начала поспешно разбрасывать снег, рыхлить, перелопачивать спаянные стужей камни. Зачем она это делала? Лошадь понимала, что смертного боя ей не избежать, и готовила удобную, надежную площадку, на которой не скользили бы копыта, не разъезжались ноги. Она знала, что на льду почти беспомощна. А с двумя зверями можно еще потягаться.

Когда волки настигли животное, Машутка, играя мускулами груди, грозно стуча правым передним копытом, стояла в центре взрыхленной «арены», резко темневшей в сверкающей заснеженной долине.

По выработанным в стае надежным приемам звери разошлись, как бы сжав жертву с противоположных сторон. Затем они залегли, чтобы отдышаться после долгого преследования по следу. Бока тяжело, ребристо вздымались и опускались, как кузнечные мехи. Лобастые головы покоились на вытянутых передних лапах, но породистые, красивые особой, зловещей, хищной красотою глаза ни на мгновенье не отрывались от лошади. Сейчас в них не было злобы — они светились жадным восторгом: сразу столько вкусного мяса!

Наконец по неуловимой команде, понятной только этим зверям, волки одновременно поднялись, верхние губы их взлетели, обнажив крепкие желтоватые резцы, из пасти вырвалось длинное глухое рычание; густой мех на загривке — дыбом. Они заходили вокруг кобылицы; Машутка закружилась на одном месте. Так продолжалось довольно долго. Волки не хотели драться здесь, на удобной для лошади площадке, ждали, когда у нее сдадут нервы, когда она побежит. В топкой, незатвердевшей мари или на скользком месте им будет значительно легче с ней расправиться. Волки ходили кругами, Машутка вертелась на одном месте... Но нервы сдали не у лошади, а у волков. Они первыми бросились в атаку. Один в длинном прыжке вцепился клыками в горло, другой попытался вспрыгнуть на круп, намереваясь оседлать загривок. Машутка ударила задними копытами. Тот, кто нападал с крупа, взвизгнул от боли, перевернулся в воздухе и всем телом рухнул на землю, но тотчас вскочил. Лошадь резко мотнула шеей — и второй зверь, вцепившийся в глотку, с окровавленным пучком шерсти в пасти тоже отлетел в сторону.

Волки опять заходили кругами, разгоряченная, в облачках пара Машутка вновь завертелась на одном месте. Из раны на шее стекала резвая темная струйка.

Запах и вид живой крови крепко взбудоражили хищников, а сильное возбуждение лишило их осторожности. И опять тот же прием: один бросился на горло, другой — на круп. Машутка вздернула шеей — зверь, лязгнув зубами, пролетел мимо. Но нападавшему сзади удалось утвердиться на крупе. Тогда лошадь вздыбилась и с размаху упала на спину, придавила врага многопудовой тяжестью тела и тотчас вскочила, отбежала, готовясь отразить нападение второго хищника. Но тот, второй, нападать в одиночку уже не решался. Стоя на безопасном расстоянии, он смотрел на своего товарища. Участь неудачливого добытчика была предрешена. У него был переломлен хребет. Он громко взвизгивал и уползал с поля боя. Когда несчастный достиг кромки взрыхленной «арены», произошло неожиданное: второй волк вдруг с рычанием бросился на своего умирающего соплеменника и в мгновение ока прикончил его, вырвав клыками глотку. Затем начал с жадностью пожирать труп с зада. Хищник всегда начинает пиршество с лакомой задней части.

Машутка постояла недолго в сторонке, потом развернулась и неспешно побежала прочь. И ни разу не оглянулась. Она знала точно: сытый волк уже не будет ее преследовать. Сытому волку она не нужна. Она нужна голодному хищнику.

VI

На десятый день пути Машутка имела жалкий, плачевный вид. Все подковы отвалились, ноги были сбиты о камни, на боках и крупе зияли раны, ссадины, полученные при падении. Иногда от чрезмерной усталости горлом шла кровь, потому что глубокая рваная рана на шее, оставленная волчьими клыками, никак не заживала. Тогда лошадь останавливалась и, прижавшись боком к стволу дерева, стояла так до тех пор, пока не исчезал с языка солоноватый привкус. Кроме того, ударили ранние, но жестокие, с ветром и пургою, морозы, и кобылица простудилась. «Кха! Кха! Кха!..» — разносился в долинах утробный надсадный кашель, привлекая хищников.

Однажды, когда Машутка брела узкой звериной тропою, огибающей замерзшее озеро, она чуть ли не носом к носу столкнулась с неведомым ей доселе зверем. Он был в черной лохматой шубе, приземистый, с быстрыми темно-карими глазами и собачьей мордой и напоминал густошерстную северную лайку, какие в изобилии водились в поселке. Лошадь не учуяла его заранее, потому что подходила к неведомому существу с подветренной стороны, а зверь не почуял Машутку, так как был очень занят: уткнувши нос в землю, он старательно разгребал передними лапами и выгрызал спаянную стужей землю, пытаясь извлечь из норы евражку. Это была росомаха, хищник злобный, беспощадный и по-волчьи дерзкий.

Струйка Машуткиного запаха наконец шибанула зверю в нос. Он быстро поднял голову и неуклюже, но резво отпрыгнул от евражкиной норы, оставив в покое притаившегося в подземном лабиринте насмерть перепуганного суслика. Темные, красиво косящие глаза его уставились на лошадь. Когда верхняя губа поползла вверх, обнажив игольчатой остроты сахарно-белые клыки, а из глотки вырвалось басовитое воинственное рычание, Машутка смекнула: перед нею хищник, которого следует опасаться! Ослабленная тяжелыми переходами, бесчисленными ранами и болезнью, она не выдержит долгого поединка. И лошадь, фыркнув, попятилась, затем обошла росомаху стороною и затрусила в тайгу. Через некоторое время она тревожно оглянулась: ветер нанес на нее терпкий звериный дух. Росомаха черно-лохматым комом прыгала по следу лошади. Машутка побежала резвее. Зверь не отставал. Тогда она перешла на галоп, рискуя сломать на скользких, скрытых под снегом камнях ноги. Хищник преследовал на одном и том же расстоянии, не отставая, но и не приближаясь. Машутка неожиданно развернулась и со всех ног бросилась на врага. Хищник припал к снегу, внимательно следя за приближающейся лошадью. Когда Машутка, казалось, вот-вот затопчет зверя, он с заячьим проворством отпрыгнул в сторону, увернулся от удара широких копыт. Машутка хотела попугать росомаху, прогнать. Не вышло. И она опять затрусила от нее.

Верст десять осталось позади, но преследование не прекращалось. Не измором решила взять росомаха

лошадь. Силенки-то у самой не бог весть какие. Хитрый зверь хотел загнать кобылицу в такое место, где бы ему удобнее было напасть. И такой случай представился. Машутка с разгону вломилась на маленькую таежную поляну. Под снежным настом был беспорядочный навал камней и поваленных деревьев. Копыта, пробив наст, уходили в щели между ними, лошадь с великим трудом выдергивала ноги. А росомаху твердый наст держал, легка была она по сравнению с Машуткой. Зверь наконец бросился на лошадь, выхватывая то с одного, то с другого бока куски живого мяса и приноравливаясь вцепиться в глотку. Измотанная, обессилевшая Машутка, лежа на спине, отбивалась, как могла, и жалобно ржала, чуя, что на этой полянке суждено ей окончить свою жизнь.

Но что такое?.. Росомаха вдруг оставила жертву и попятилась.

Кто-то огромный, чудовищно тяжелый, треща ветвями, вломился на поляну, загораживая собою солнце, пробежал мимо, нагнал росомаху и, поддев ее широкими ветвистыми рогами, отшвырнул далеко в сторону. Росомаха, визжа, кубарем покатилась по насту, прихрамывая сразу на обе передние лапы, заковыляла в дебри.

Машутка поднялась, выбралась из ловушки и остановилась на краю поляны. Сохатого она видела не раз, когда ездила в тайгу по дрова. Заметив людей и лошадь, обычно это животное неспешно, с достоинством скрывалось в чащобе.

Лось направился к лошади, покачивая тяжелой короной рогов. Это был самец, камчатский великан, и крепкие мышцы на его груди перекатывались, как булыжники. Грудь и бока украшали едва затянувшиеся раны: был разгар осеннего гона лосей, и право на любовь кровью завоевывали сильнейшие самцы.

Сохатый остановился и потянул длинную горбоносую морду к Машуткиной голове. Машутка позволила обшарпать себя теплыми мягкими губами-подушками. Она не испугалась таежного великана, потому что почуяла в нем не хищника, а отдаленного сородича — травоядное животное. Кроме того, Машутка была в состоянии сопоставить простейшие факты —

нападение на нее росомахи, счастливое появление сохатого — и могла сделать соответствующий вывод. Лошади умеют быть благодарными.

Машутка затрусила в тайгу. Гигант-самец как привязанный последовал за нею. Иногда он даже боком терся о ее бок и всячески пытался проявить неравнодушие к Машутке — например, на коротких остановках клал ей на шею свою могучую рогатую голову. Так они шли остаток дня и весь следующий день и ночью были вместе, скрывшись от леденящего ветра и снега под навесом скалы. И можно было подумать, что сохатый чуть ли не увлекся Машуткой и ради ее безопасности решил сопровождать лошадь. Увы! Все объяснялось гораздо проще, прозаичнее. Росомаху лось отогнал вовсе не из-за погибающей Машутки, а потому, что мелких хищников всегда отгонял, а от крупных убегал. Если бы на лошадь напала не росомаха, а медведь, он бы, безусловно, дал стрекача. Кроме того, возбужденный гоном самец плохо соображал, видел в Машутке только существо противоположного пола, и неважно, что существо это лишь отдаленно напоминало лосиху. Поэтому-то он терся о Машуткин бок. Потому-то он клал ей на шею свою тяжелую морду-соху...

К вечеру, уже в сумерках, они в редколесье наткнулись на сородичей самца — сохатого и лосиху. Животные, соединенные на время осеннего гона, мирно паслись, добывали из-под снега ягель.

Машуткин спутник, узрев зверей, вскинул голову, и воинственный трубный клич огласил тайгу. Его соперник тотчас принял боевую стойку: нагнул рогатую голову, крепко упершись передними копытами в землю. Самка в испуге отбежала в сторонку. Машутка продолжала стоять на одном месте. Словно по команде, самцы ринулись в атаку. Удар был страшен, и костяной звук скрестившихся рогов многоголосым эхом полетел вдоль ущелья. Соперник Машуткиного знакомого повалился на снег, но тотчас вскочил. Бойцы разошлись в разные стороны, опять пригнули головы и вновь ринулись в атаку.

С первых же минут поединка стало ясно, что победу одержит Машуткин знакомый: он был крупнее второго самца, значительно шире грудью. И действительно,

после пятого удара тот вдруг развернулся на сто восемьдесят градусов и побежал в тайгу; из страшной раны на шее так и хлестала кровь.

Победитель неспешно подошел к самке, обнюхал ее морду. Лосиха кокетливо дернула головой и побежала. Победитель грозно протрубил в ту сторону, в какой исчез его соперник, и поспешил за самкой. И хоть бы на прощание посмотрел на Машутку.

Лошадь постояла недолго, затем, будто вспомнив что-то важное, всхрапнула и затрусила на юго-восток, к Берингову морю.

VII

Ребятишки на лыжах катались с горы. Горка эта, как бы прилепившаяся с одного бока к поселку, была небольшая, но очень крутая, с двумя трамплинами. Мальцы кровянили здесь носы, ломали лыжи, но она неизменно оставалась любимым местом детворы.

Забравшись очередной раз на вершину, чтобы вихрем скатиться вниз, один из пацанов, видно, самый глазастый, случайно глянув на дорогу, бегущую вдоль Берингова моря за околицу, вдруг звонко-испуганно прокричал:

— Ребят! Там кто-то шевелится!..

Дети замерли, глядя на дорогу.

Действительно, за версту от горки на запорошенной колее лежал темный продолговатый предмет, и он вроде бы шевелился, продвигаясь вперед.

— «Хозяин»! «Хозяин» это!..

У страха глаза велики. Ребячья ватага кубарем скатилась вниз, с неумолкаемым криком побежала в поселок.

Переполошились и взрослые. Медведь в поселок идет! Бешеный, не иначе! Или того хуже — шатун! Мужчины-охотники схватили карабины, повыскакивали из теплых изб.

Раскинулись цепью, с опаской приблизились к зверю. Но увидели не «хозяина», а донельзя исхудавшую, изможденную лошадь, на которой, казалось, не было живого места. Кобылица продвигалась к поселку, хотя ноги уже не держали ее. Она то и дело падала, но вновь, скользя копытами, поднималась. Завидев людей, ло-

шадь завалилась на бок и уже более не пыталась встать. Ее окружили со всех сторон.

— И откуда она взялася?..

— Бегу за ветеринаром!

— Иван-то Васильич четвертую неделю с язвой в райцентре лежит.

— Тогда за Федькой надо послать.

— Да пусть он розвальни пригонит. Самой-то ей, сердешной, не дойти...

Вскоре на Орлике прикатил Федька. Хмурый с похмелья, заросший белесой свинячьей щетиной, он прошел к лежавшей лошади и отпрянул в испуге:

— Машутка!..

Машутка откликнулась на зов: приподняла со снега голову, слабо и коротко заржала. Орлик потянул к ней шею, обшарпал голову заиндевевшими губами. Он тоже узнал Машутку.

...Лошадь уложили в стойле на чистой соломенной подстилке. Федька накрыл животное попоной, на свои кровные, предназначенные на пропой, купил в магазине замерзшие кругляшки молока (в таком виде оно хранится на Севере зимою), подогрел молоко в ведре да банку меду туда вылил и напоил лошадь. Ухаживал он за ней, как за дитем малым, и говорил, как с человеком:

— Вы́ходим тебя, лапушка, не сумлевайся. Через пяток дней Иван Васильич возвернется, хворый он в райцентре лежит, а пока я за тобой присмотрю...

Машутка ожидала, что вечером конюх, как обычно, напьется и начнет тыкать грязным кулачком ей в морду, но Федька и не думал пить, все хлопотал возле лошади. Жена конюха, встречавшая его с половой тряпкой в руке, в тот вечер была немало удивлена, увидев мужа трезвым. И была вынуждена пустить Федьку в избу. Ночью он раза три вставал и шел в конюшню проведать больную лошадь.

А утром в конюшню заглянул директор совхоза, слывший в районе за человека всегда трезво мыслящего, дельного хозяина. Он долго осматривал, ощупывал Машутку, тянул недовольно: «Да-аа», затем, решительно поднявшись, коротко приказал конюху:

— Кончай кобылу. Сей же час.

— Да как же так?.. Да как же так?..— кривоного

запрыгал по дощатому настилу Федька.— Да сочувствие-то к животному поимейте! Она, можно сказать, с того света явилась, полтыщи километров тайгой отшагала...

— Стало быть, я изверг? Так оно? — с усмешкой спросил директор.

— Изверг! Самой первейшей статьи! — расхрабрился от сильного волнения Федька.— Ну да ладно б старая, не способная к труду была, тогда б, конешно, ей одна дорога — на живодерню. А Машутке-то всего десять годков! И рожать еще ей, и пахать... Иван Васильич на днях возвернется, а пока я за ней присмотрю...

— Эх, Федор, Федор, плохой из тебя хозяин, прямо никудышный. Не умеешь ты мыслить практически, вот в чем беда...— махнул рукою директор.— А ежели твоя Машутка до приезда Ивана Васильича душу богу отдаст? Может такое случиться?

— Может. Не поручусь.

— То-то. Стало быть, нам же тогда убыток: падаль в дело не пустишь. Так?

— Ну, так.

— А сейчас мясцо на корм курам пойдет. Шкуру, правда, спалить придется, дыра на дыре, ну да с паршивой овцы хоть шерсти клок. Короче, повторяю: кончай кобылу сей же час.

Федьке стоило немалых трудов поднять и вывести Машутку из конюшни. Нет, лошадь не упрямилась, она хотела выполнить приказание конюха: не держали ноги. На морозе ей полегчало, но сильно закружилась голова, и Машутку бросало из стороны в сторону. Узкой запорошенной тропкой, бегущей от конюшни к оврагу, Федька хмуро вел кобылицу под уздцы.

Денек выдался тихий, солнечный, и все вокруг блестело, искрилось, и горный хребет, убегающий в глубь полуострова, был не в тумане и облаках, как обычно, а виделся четко и ясно. В воздухе повис неумолчный птичий гомон, и крупные, по-павлиньи раскрашенные камчатские снегири, радуясь солнцу, погожему дню, кувыркались в полете и пели беспрестанно свою немудреную песню. Возле избы на отшибе поселковые лайки затеяли игры, бестолково гонялись

одна за другой, высоко вздымая серебрящуюся снежную пыль, и оттуда слышался звонкий незлобный лай. Все говорило не о смерти — о жизни и радости бытия.

Пологим склоном Федька спустился с Машуткой к замерзшему ручью. Там стоял дощатый сарай с большими, от пола до потолка, воротами. Когда конюх открывал их, ржавые петли надсадно заскрипели.

Федька ввел лошадь в промороженное полутемное помещение с земляным полом, затем поочередно спутал ей передние и задние ноги. Из угла, расшитого белыми швами, он извлек тяжелый колун и длинный нож из нержавеющей стали.

Конюх одновременно выполнял обязанности врача. Обычно к делу приступал спокойно, с крестьянской рассудительностью. Испокон веков старых или пораженных тяжелым недугом, не способных к труду лошадей забивали и свежевали; шкуре, мясу, костям находили применение.

Но сейчас Федька, прежде чем хрястнуть обухом колуна по черепу, в пятачок между глазами, и затем полоснуть ножом лошадиное горло, нерешительно сел на чурбан, закурил.

— Раз директор-то приказал, что ж поделать-то...— бормотал он, успокаивая, выгораживая себя, и старался не смотреть на Машутку.

Потом затоптал катанком окурок и поднялся.

После удара лошадь упала на согнутые передние ноги и посмотрела на конюха большими, выпуклыми, черно-блестящими глазами. Не злобно — с растерянной вопросительностью. «Это за что же ты?..» — как бы спросил человека взгляд лошади.

Федька, нагнувшись, локтем задрал ей морду и докончил работу.

Надо бы сразу свежевать, иначе труп застынет на морозе, но конюх заниматься этим делом не стал. Сильно ссутулившись, он кривоного побрел в конюшню. Зачуяв кровь, уже слетались, с картавым карканьем пикировали на сарай жирные северные вороны.

Вечером, изрядно нагрузившись, Федька размахивал грязным кулачком перед лошадиными мордами, плакал пьяными слезами и кричал, всхлипывая:

— Вы меня, товарищи, не осуждайте!.. Не виноватый я!.. По приказанию!.. И так за пьянку с должности снять грозятся!.. Пил и буду пить!.. На-кось выкуси!..

А директор и не вспомнил о Машутке. В тот день приехала комиссия из райцентра, дел было невпроворот. Но если б он и вспомнил о лошади, которую приказал отправить на живодерню, то посчитал бы, что распорядился верно, как и подобает хорошему, рачительному хозяину.

ЛОРД И КАРЛ

Каждую весну в начале мая из этого поселка на Северной Камчатке вертолеты забрасывали на точки работ, в «выкидушки», бесчисленные отряды геологов, и всякую весну на аэродроме толпилось множество бродячих собак. Они прыгали возле людей, скулили: просились в лесотундру на полевой сезон, до октября, где жизнь трудна, но интересна, где хоть на полгода они обретут хозяев и тем самым, пусть временно, но оправдают свое собачье назначение — служить человеку. Здесь не было жалких беспородных дворняг, потому что испокон веков в поселке водились три породы: охотничье-промысловые лайки, или остроушки, как называют их северяне, близкие к ним по крови оленегонные собаки и лохматые широкогрудые ездовые псы. Любой бы кинолог позавидовал такому обилию прекрасных чистопородных псов! И геологи, привередничая, выбирали себе собаку, а в октябре привозили обратно в поселок.

Три сезона подряд с нашим отрядом поисковиков-съемщиков ездила остроушка по кличке Элька. Она особенно хорошо шла по болотной и боровой дичи, обладала игривым, ласковым нравом, и мы были ею вполне довольны. Но в последний прилет в поселок мы не обнаружили нашу игрунью. Облазали все закоулки, обошли все дворы — бесполезно. Догадались спросить вертолетчиков. И они припомнили, что за неделю до нашего приезда отряд другой экспедиции, базировавшейся в поселке, прихватил с собою в поле рослую сучку, белую, с рыжими подпалинами, содранным мехом на правом бо-

ку и наполовину откушенным правым ухом. Не оставалось сомнений: это была наша Элька. Метину на правом боку ей Потапыч оставил, а половинку правого уха рысь в драке откусила.

Итак, Элька служила другому отряду за три-четыре сотни километров от поселка, в дикой лесотундре, и мы, погоревав, решили подыскать себе другого пса. Вертолет отряду поисковиков-съемщиков дали неожиданно быстро, и вышло так, что с выбором собаки мы дотянули буквально до последней минуты.

Геологи и маршрутные рабочие грузили в вертолет рюкзаки, спальники, радиометры, палатки, ящики и мешки с продуктами, а дюжины две остроушек крутились под ногами, заискивающе заглядывали в глаза, поскуливали: возьми меня! Самые настойчивые, настырные псы вспрыгивали на дюралевый порожек машины, исчезали в полутьме багажного отделения и прятались под грудой вещей. Их приходилось пинками выгонять наружу.

— Может, эту? — изредка спрашивал кто-нибудь из геологов, лаская приглянувшуюся ему лайку.— Морда больно смышленая...

Другой геолог ласкал другую лайку и резонно спрашивал:

— А почему бы не эту? Она тоже не похожа на идиотку.

— Кончайте болтать,— одергивал нас начальник отряда.— Выбирайте живее, сейчас летим.

Мое внимание привлек крупнокурчавый ездовой пес размером со снежного барана, который лежал на грунте аэродрома и внимательно следил своими янтарными глазами за погрузкой вертолета. Дегтярно-черный окрас собаки смягчало, разнообразило белое пятно на груди в виде летящей чайки. Пес вел себя с большим достоинством, не лез, как его собратья, в машину, а когда я мимоходом приласкал его, погладив по голове, даже огрызнулся, очевидно, посчитал этот жест за фамильярность.

Парни между тем покончили с погрузкой и столпились возле распахнутой вертолетной дверцы, чтобы окончательно решить, какой же собаке отдать предпочтение. То один, то другой легким ударом ноги отгонял лаек, норовивших проскользнуть в багажное отделение.

И здесь случилось совершенно неожиданное. Лохматый иссиня-черный ездовой пес решительно поднялся и, твердо, неспешно ступая широкими лапами, прошел к вертолету. Верхняя губа взлетела, обнажив здоровенные клыки, шерсть на загривке дыбом, из пасти вырвалось воинственное рычание. Трусливые остроушки разбежались кто куда, лишь парочка лаек огрызнулась в ответ. Ездовой пес бросился на них, одну сбил с ног широкой грудью, другую полоснул по шее клыками — их и след простыл. Путь к вертолету был свободен. Пес с достоинством, победителем, прошел к машине, вспрыгнул в багажное отделение и хозяином улегся возле дюралевого порожка.

Мы уже собрались общими усилиями изгнать наглеца из машины, когда к нам подошел командир экипажа. Узнав, что мы выбираем на полевой сезон собаку, он сказал, кивнув на ездового пса:

— Не прогадаете, если Лорда возьмете. Толковая собака. Не смотрите, что ездовая. Идет и на зверя и на птицу не хуже промысловой лайки. Четыре сезона подряд с отрядом геофизиков, ребятами из Магадана, ездила.

— Что ж они в этом году ее не взяли? — поинтересовался начальник нашего отряда.

— Да в семье не без урода. Привезли они нового рабочего. Тот камнем в Лорда запустил. Пес так обиделся, что геофизики не смогли его в вертолет заманить. Он очень гордый, обид не прощает. Пришлось им другую лайку везти... Коли сам в машину зашел, значит, чем-то приглянулись ему. Ведь он на аэродроме уже неделю лежит, за улетающими вертолетами наблюдает. Третьего дня отряд шлиховщиков по моей подсказке его увезти захотел. Не пожелал. Так-то. Берите, берите, не пожалеете.

Так в нашем отряде оказался новый пес. Удачнее клички — Лорд,— пожалуй, и не придумать ему. Эта кличка отображала и внешность, и характер собаки. Важная, прямо-таки сановитая походка; белое пятно на черной шкуре — что манишка на фоне парадного фрака; во взгляде желтых глаз таится этакое пренебрежение. А манеры у подлеца! Думаете, станет есть брошенный кусок? Даже не обнюхает. Подавайте ему, видите ли, в миске. И откуда подобная щепетильность

у бродяжки? Хоть в парламент сажай нашего Лорда! Мы в шутку называли его на «вы».

Обычно ездовой пес, отлично справляясь со своей главной, определенной природой работой — бежать в упряжке,— неважно выполняет обязанности охотничьей собаки. Но при умелой, терпеливой натаске и он может конкурировать с остроушкой. На севере Чукотского полуострова и острове Врангеля мне доводилось встречать ездовых собак — превосходных медвежатниц, лосятниц, добытчиц болотной и боровой дичи. Несомненно, что среди геологов из Магадана, с которыми Лорд жил несколько полевых сезонов, оказался опытный дрессировщик и большой любитель охоты. Команды пес понимал безошибочно. И если остроушка, зачуяв зверя или птицу, в азарте частенько теряла самообладание, то наш Лорд вел себя совершенно иначе. Услышит, учует зверя — никогда не подаст голоса. Увидит — только тогда позовет охотника. Чтобы уж наверняка. Удивительное дело, но пес, подобно рыси, ухитрялся ловить дичь. То куропатку принесет, то тетерева, а однажды приволок к стоянке отряда зайца. Но самое поразительное было то, что Лорд, как легавая, делал стойку! Ах, как он красиво стоял, уловив пахучую струйку дичи! Тело вытянуто в струнку, шея, лоб, нос — на одной линии. Сжатая стальная пружина! «Вперед!» — и Лорд мчался торпедой, а вспугнув птицу, мгновенно залегал, чтобы не попасть под выстрел. Стойку не может делать ни одна самая чистопородная остроушка.

В отряде были три маршрутные пары: геологи и рабочие; я был рабочим у начальника отряда. Лорд ходил в маршруты именно с начальником отряда и со мною, а не с другими парами. Нам отдавал предпочтение по единственной причине: миску с пищей всегда подставлял ему я. А собака, как известно, служит тому, кто ее кормит. Это, однако, не давало мне никаких привилегий в обращении с псом. Моих ласк он не принимал; когда однажды я попытался посадить его на привязь, он пребольно укусил меня за икру, потому что никогда не был на привязи и свободу чтил превыше всего на свете. Самодельный ошейник и поводок из сыромятной оленьей кожи он изгрыз, продырявил клыками и вдобавок утопил в трясине.

Однажды мы шли маршрутом. Настало время обеда;

выполняя обязанности рабочего, я развел костерок, чтобы вскипятить чай и поджарить парочку куропаток. Начальник отряда, пока я возился с готовкой, ушел в тайгу с геологическим молотком и планшетом, пообещав вернуться через полчаса. Он терпеть не мог сидеть без дела.

Лорд лежал рядом и делал вид, что румяные птичьи тушки, подвешенные над пламенем, ему совершенно безразличны.

Раздался крик. Кричал человек. Я схватил свою «ижевку», вогнал в ствол тупорылый жакан и бросился в дебри. Лорд шмыгнул вперед.

Не помню, сколько я бежал. Пять минут или полчаса. В подобных ситуациях я обычно теряю ощущение времени. Ветви в кровь секли лицо, руки, сучья раздирали штормовку, норовили пырнуть в глаза...

И опять раздался крик, а следом звонко, азартно залаял Лорд. Я на бегу взвел курок. Под бахилами зачавкала, заколыхалась трясина. Сплошная тайга окончилась, уступив место редколесью.

Оружие не понадобилось. Начальник отряда угодил в окно мари и тонул. Трясина скрыла его уже по ключицы. Он выбросил руки, ухватился за кочку, но кочка «дышала», шевелились, раскачивались при малейшем движении человека даже растущие неподалеку деревья. Внизу было подземное озеро.

Когда я выбежал из сплошной тайги, Лорд, поскуливая, лохматым комом уже полз к человеку, барахтался в вонючей липкой жиже. Я швырнул в сторону ружье, лег в марь и покатился, переворачиваясь с боку на бок. Иначе в этой чертовой ловушке сам погибнешь. Краем глаза увидел: пес наконец добрался до человека, упершись передними лапами в кочку, вцепился зубами в ворот штормовки.

Но вот и я докатился к месту происшествия, с головою вымазанный липкой тухлой грязью. Кочка, за которую схватился руками начальник отряда, ушла в марь, человека теперь удерживала только собака. Глаза начальника отряда были широко раскрыты, лицо окаменело. Геолог был в шоке. Опытный таежник, а, поди ж ты, угодил в окно, да вдобавок растерялся, как барышня.

После сильной пощечины он пришел в себя. Я отполз к замшелой березке, растущей в трех-четырех метрах,

забрался на нее и пригнул ствол, за который тотчас судорожно ухватился начальник отряда.

Когда мы с великим трудом выбрались на твердую почву, светло-коричневый от грязи Лорд побежал к ручью и долго плескался в нем. Чистюля он необычайный. Прибежал обратно, стряхнул с чистой шкуры каскад радужных брызг. А мы все лежали, не могли отдышаться. Пес с нескрываемой брезгливостью обнюхал нас, фыркнул и улегся в сторонке.

Мы завтракали у костерка под брезентовым тентом, когда раздался приглушенный расстоянием крик северного ворона: «Кырл!.. Кырл!..» Он вовсе не похож на скрипучий, надсадный крик обыкновенного ворона. Его можно слушать, как трели певчей птицы,— настолько этот звук мелодичен, так ласкает слух.

«Кырл!.. Кырл!..» Северный ворон показался над долиной. Размером с орла-белохвоста или крупную северную сову, чернее сажи. Крылья с редкими маховыми перьями плавно, неторопливо рассекали воздух.

— Завтра жди непогоды,— сказал начальник отряда.

Верная примета: северный ворон кричит на лету — с той стороны, откуда он летит, идет ненастье.

Заметив нас с высоты, птица замедлила движение, потом заходила кругами, постепенно снижаясь. Говорят, что этот пернатый любопытнее кумушки. Не думаю. Суровые, жестокие условия Крайнего Севера едва ли способствуют развитию этой слабости. То, что ворон сует нос во все места, объясняется гораздо проще. Не очень-то он ловкий и удачливый добытчик, верткости в нем маловато, когтям цепкости не хватает. А есть хочется. Вот и рыщет птица по уремным местам в надежде подкормиться хоть дохлой мышкой-полевкой, а наткнувшись в скитаниях на деревню, где всегда можно найти пищу, не покинет ее до конца дней своих.

Ворон кружил над нашей кухонькой, вытянув книзу шею. Я взял затвердевший комочек сваренной с вечера гречневой каши и запустил в него. Птица клювом поймала пищу на излете, судорожно проглотила. И опять закружила. Видно, была страшно голодна. Кто-то из геологов бросил сухарь. Он упал на кочку мари. Птица спикировала, села на кочку и начала долбить клювом

сухарь. Тук-тук! Тук-тук!.. Но жёсток хлебушек, не поддается. Ворон постоял недолго в раздумье. Затем взял в клюв сухарь, отнес к лужице. Опустил в воду, немного подождал, с опаской глядя на нас. И наконец извлек размокший, размягчившийся сухарь и торопливо проглотил пищу. Умный он. Иначе ему, плохому добытчику, нельзя. Пропадет в тайге. Северный житель не обижает эту птицу. Она вроде санитара в поселках и деревнях. Падаль, объедки со слободки подберет. Да и жаль вечно голодного пернатого.

Мы бросали пищу ворону, он неуклюже прыгал с кочки на кочку, подбирал клювом то хлеб, то кусочек мяса. И вдруг панически забил крыльями, взлетел на ближайшую лиственницу. В чем дело?.. Ах, вон оно что! Это Лорд прибежал из тайги. Пес с ходу бросился на лиственницу, опершись передними лапами о ствол, зашелся в азартном лае. И все поглядывал на нас. «Почему не стреляете? Неужто не видите дичь?!» — как бы спрашивал его недоуменный взгляд.

— Лорд, нельзя! — сказал я.

Пес перестал лаять и побрел к палатке. «Я свои обязанности выполнил, а ты поступай как знаешь, хозяин»,— сказали мне его глаза.

Я бросил на кочки затвердевший комок каши. Ворон запрыгал с ветки на ветку, постепенно снижаясь. Потом решился: спикировал на кочку, подхватил клювом пищу и тотчас взлетел, потому что на него с лаем бросился Лорд, возмущенный такой наглостью.

Маршрутные пары разошлись в разные стороны; за работой я забыл о вороне. Но вечером, подходя к стоянке, я заметил, как из незастегнутого полога палатки вылетел наш знакомый и уселся на ветвь ближайшей лиственницы. Он недовольно каркал. Мы ему явно помешали.

Зашли в палатку. Вор успел поживиться основательно. В углу при входе, где хранились продукты, из разодранных пакетов на брезентовый пол высыпана крупа, сахарный песок, следы тяжелого клюва были даже на банках со сгущенным молоком.

Преступление было совершено, и преступник сидел рядом. Роль следователя выполнял Лорд. Он обнюхал рассыпанную крупу, песок, «визитную карточку» грабителя, выскочил наружу и залаял, царапая когтями ствол

лиственницы, на которой преспокойно сидел ворон. Теперь пес играл роль прокурора и просил нас, судей, приговорить преступника к высшей мере наказания. Мы вышли из палатки.

— Да хватит вам, Лорд, успокойтесь,— сказал я.— Ему ведь тоже есть хочется. Не обедняем.

Пес мотнул головою, словно не соглашаясь с моими аргументами, и вновь зашелся в злобном лае.

И здесь произошло нечто неожиданное и уморительное.

Вместо естественной для птицы реакции страха при виде лающей собаки ворон — скок! скок! — спустился на самую нижнюю ветвь лиственницы, почти под нос псу, вытянул книзу шею и... загавкал: «Гав! Гав! Гав!»

Мы не поверили своим ушам. А наш Лорд даже оторопело замер.

Но вот все повторилось сначала: Лорд залаял, и ворон незамедлительно затявкал по-собачьи. Похоже было, что птица дразнила своего грозного врага.

Лорд как-то неожиданно по-щенячьи взвизгнул, словно получил удар, отбежал ко мне и жалобно заскулил. Он и просил и требовал: «Убей, чего ждешь, отомсти за издевательство! Меня еще никто так не оскорблял!» И даже подскочил к моей «ижевке», лежавшей возле палатки, и рванул клыками за кожаный ремень, как бы подсказывая, что мне делать.

— Простите, Лорд, но я не могу выполнить вашу просьбу,— сказал я.

Пес словно понял смысл фразы. Он посмотрел на меня, да так, что мне стало не по себе: «Ну ладно, любезный. И ты ведь меня попросишь о чем-нибудь». Вильнул хвостом, побежал в тайгу. До утра он не показывался. Обиделся.

На рассвете меня разбудил твердый звук, раздававшийся за палаткой. Я выбрался из спальника и осторожно приоткрыл полог.

Ворон сидел на нашем кухонном столе — большом плоском камне, поднятом на чурбаны, и долбил клювом стоявшую на нем закрытую поллитровую банку с консервированным борщом. Чтобы банка не передвигалась, он придерживал ее лапой. Но все попытки разбить стекло, продырявить жестяную крышку не увенчались успехом. Тогда птица взлетела, зажав в когтях банку. Я по-

спешно вышел из палатки и проследил за полетом жулика. Ворон пролетел марь. Дальше тянулась каменистая коса реки. Он выпустил из лап свой груз. Банка хлопнулась о камни, разбилась. Пернатый спикировал и принялся не спеша склевывать пищу.

Недаром «ворон» — «вор он».

Лорд появился только за завтраком. В зубах он нес небольшую утку. Бросил добычу возле палатки, улегся на мху. Я поднес ему миску с едой, хотел потрепать по холке. Пес огрызнулся и передвинулся подальше от кухни.

А ворон тут как тут! Сидит на лиственнице, смотрит на нас то одним, то другим глазом, вертя головою. Мы решили не нервировать нашего Лорда, не бросать пищу птице. Когда уйдем в маршрут, ворон, конечно, догадается подобрать объедки.

Пес между тем задремал, положив на вытянутые передние лапы лобастую голову. Видно, умаялся, лазая по тайге.

Все произошло так быстро и неожиданно, что мы и глазом не успели моргнуть.

Ворон сорвался с ветви, проворно подлетел к пойманной собакой утке и тотчас взмыл, унося в когтях ворованную добычу. Лорд проснулся от громких хлопков крыльев, с лаем бросился вдогонку.

— Во дает!

— Средь бела дня!

— Прямо из-под собачьего носа!..

Собака бесновалась на земле, а птица невозмутимо села на толстую ветвь лиственницы, придерживая утку когтями, принялась пожирать ее. Вниз летели пух и перья. Она быстро расправилась с добычей. Затем спустилась к самой собачьей морде. И — «Гав! Гав! Гав!» С Лордом случилось нечто похожее на истерику.

Дальше — больше. Дело дошло до форменного хулиганства.

Однажды, когда Лорд спал, греясь в скупых лучах северного солнца, ворон подлетел к нему и долбанул клювом в лоб. Другой раз ударил крылом по морде.

Мы дали птице кличку Карл. Это имя походило на крик северного ворона.

Через три недели вертолет перебрасывал наш отряд в новую «выкидушку», на новую точку работ за

шестьдесят километров. Все маршруты здесь пройдены, и геологическая съемка закончена.

Когда в долине показался грохочущий Ми-4, Карл отлетел на порядочное расстояние и уселся на зубчатой вершине скалы. Мы быстро загрузили в машину вещи, палатку, пробные мешки с образцами пород и один за другим залезли в багажное отделение. Устроившись на откидном дюралевом сиденье, я глядел на черневшую точку на вершине скалы — нашего Карла и мысленно прощался с ним. Особого сожаления не было. Лорду будет спокойнее, иначе он свихнется от такого соседства.

Место для новой «выкидушки» геологи выбрали удачное: на берегу быстрой, бурливой реки, у подножия скалы — надежной защиты от жестоких северных ветров.

К вечеру сидели у костра, чаевничали. Лорд дремал; иногда он вздрагивал, просыпался и беспокойно оглядывал верхушки деревьев. Но нет, на ветке не сидел ворон — его смертный враг, и пес, успокоенный, опять клал голову на вытянутые лапы.

Но вот он вскочил. Тело вытянуто в струнку, глаза устремлены в небо. Пять минут спустя до нашего слуха донеслось знакомое: «Кырл! Кырл! Кырл!..» Крик северного ворона собака услышала намного раньше людей. Лорд заметался по стоянке, заскулил. Может, не Карл? Может, другой ворон? Ах, пронесло бы!..

Увы! Это был наш Карл. Птица спикировала на стоянку и хозяйкой уселась на ближайшей лиственнице. Она нашла нас. Каким образом? Это для людей навсегда останется тайной.

И гордый, независимый ездовой пес, перед которым заискивали все поселковые собаки, не раз вступавший в поединок с разъяренным медведем, подошел ко мне и по-щенячьи беспомощно ткнул в колени свою лобастую голову. Тело его била крупная дрожь, как от сильного озноба.

«Гав! Гав! Гав!..» — вдруг раздалось с лиственницы.

Мы стали серьезно подумывать, как бы навсегда избавиться от настырного ворона. Иначе он доведет Лорда до ручки. Изловив Карла, посадить его в ящик? Не дело. Разве житье свободной птице в неволе? Да и умный, сообразительный Лорд, будьте уверены, найдет способ прикончить врага. А если, поймав Карла, с очередным

вертолетом переправить его в поселок? Там-то он приживется — пищи навалом — и едва ли пустится в трудную трехсоткилометровую дорогу отыскивать нас. На том и решили. Но вскоре произошло событие, перечеркнувшее наши планы.

Карл повадился летать на середину реки. Как раз напротив палатки из воды торчал небольшой, скользкий от наросшего на гранит мха валун. Спикирует наш Карлуха на этот валун и подолгу сосредоточенно щиплет, выклевывает зеленый мох: видно, в речной воде, напоенной камчатскими минеральными источниками, растение целебнее, чем на суше. Вокруг ревет поток, иногда волна захлестывает ворона, но он, на минуту взлетев и стряхнув с перьев воду, непременно опять сядет.

И вот отдыхаем мы как-то после маршрута возле костерка, слушаем транзистор. И вдруг душераздирающий крик. Я не знал, что так может кричать северный ворон. Его крик походил на предсмертный крик зайца. Карл в воде! То вскинутое намокшее крыло, то часть туловища мелькают среди бурунов. Видно, сильная, свирепая волна, накрыв валун, с ходу сшибла птицу в реку.

Вскочили, побежали берегом, прыгая с валуна на валун, как снежные бараны. А Лорд уже впереди. Обогнал плывущую по течению птицу, бросился в реку.

— Лорд, назад!

Черта с два! Не послушался приказа.

— Конец Карлухе, братцы...

— Да, не помилует. Разорвет в клочья...

Вытянутая из воды лобастая голова Лорда приблизилась к ворону, мощные челюсти схватили Карла поперек туловища... Река в этом месте делала крутой вираж, мы ненадолго потеряли из виду птицу и пса.

Выбежали на широкую косу, остановились в растерянности.

Сидит Карлуха на мелких камнях, расправив крылья, стряхивает, сушит перья, а Лорд, довольный (довольство у него всегда на морде написано), преспокойно лежит рядышком, глядит на птицу янтарными глазами. Пять минут спустя Карл взлетел на дерево. Так оно спокойнее.

С этого дня отношения Лорда и Карла совершенно изменились.

Во-первых, ворон перестал дразнить пса, гавкая по-собачьи, что раньше делал при каждом удобном случае. Нельзя сказать, что они сдружились, нет; точнее, они как бы не замечали друг друга. Теперь нам не надо было бросать Карлу куски хлеба и мяса, потому что он трапезничал возле кухоньки. Вышагивает, переваливаясь с боку на бок, как ожиревшая домашняя утка, подбирает отбросы. При случае не прочь схватить лакомый кусок прямо со стола. Лорд рядом лежит, зевает. Но вот нахальная, прожорливая птица подходит к собачьей миске. Пес злобно рычит, подняв верхнюю губу. Ворон косится то на собаку, то на миску. Явно хочет поживиться предназначенной псу пищей. Предупреждая воровство, Лорд громко лает. Карл отскакивает в сторону и ковыляет к кухонному столу...

Вскоре вертолет отвез отряд в новую «выкидушку», за полсотни километров. К вечеру того же дня Карл разыскал нас.

На Северной Камчатке вторая половина августа — время леденящих ветров с Ледовитого океана, тумана, дождей, первого снега. Туманы спускались такими плотными и непроницаемыми, что на расстоянии вытянутой руки я не видел ладони. Бредешь в такое ненастье тайгою, вдруг — мать честная! — бесшумно, призраком надвигается на тебя вскинувшийся на дыбки Потапыч. Вот его башка с маленькими ушками, мощное, округлое, заплывшее к осени жиром туловище. Да как же Лорд такого верзилу не учуял?! Вскидываешь ружье, почти не видя не то что мушки — конца дула, ловишь в прицел медвежью голову. Через мгновение видишь: вовсе это не мишка — замшелый валун причудливой формы; мимо него плывут пепельные клубы тумана, и чудится, что эта каменная глыба надвигается на тебя... Нет, чутье у нашего пса превосходное, он не подведет.

С Чукотки, с острова Врангеля в сторону Южной Америки на зимние квартиры потянулись тысячи белых гусей и журавлей. Они летели строгими клиньями на головокружительной высоте, но в чутком воздухе нам был слышен крик птиц. В нем, этом крике, была тоска, тоска. Близкая зима, жестокие морозы и пурга гнали пернатых в чужие страны, и они прощались до будущей весны со своей суровой родиной.

А Карл и не думал улетать. Северный ворон зимует там, где рожден.

Птица настолько привыкла к людям, прижилась на стоянке, что стала совершенно ручной. Безбоязненно брала пищу с ладони. Бывало, так наломаешься в маршруте, что забудешь бросить кусок нашему Карлухе. Ворон непременно напомнит о себе: долбанет тяжелым клювом в резину бахилины, а то и по руке и издаст недовольный звук, очень похожий на тот, какой рождают ржавые петли двери.

Если стояла особенно сырая и ветренная погода, Карл кричал за палаткой. Кто-нибудь расстегивал, раскрывал полог, птица входила в нагретое человеческим дыханием помещение и устраивалась на ночлег в углу. В противоположном углу на оленьей подстилке лежал Лорд.

Собирались в маршрут. Лорд куда-то исчез. Мне это показалось странным, потому что пес обычно всегда после нашего завтрака крутился на стоянке. Я позвал собаку. В ответ не раздалось знакомого басовитого гавканья. Закинув за плечи рюкзаки, ружье, я уже хотел отправиться с начальником отряда в путь — Лорд, безусловно, нагонит нас, отыщет по следу,— когда раздался громкий и нескончаемый крик Карла. Ворон летел со стороны реки. С высоты хлопнулся на голову начальника отряда, ударил его крылом, сдернув капюшон геологической гимнастерки. Потом вдруг сел на мое плечо, пребольно долбанул клювом в шею и взлетел. И орал так, будто его живьем резали.

Мы все поняли. Что-то случилось, и Карл сообщал нам о происшествии. Не сговариваясь, побежали в сторону реки, откуда прилетел ворон.

В полверсте от стоянки, на каменистой косе, там, где к реке вплотную подступала тайга, вверх брюхом лежал наш Лорд. Он слабо поскуливал и едва заметно дергал передними лапами. Рана была страшная, во весь живот, будто кто ножом полоснул пса. Внутренности — наружу, хоть анатомию изучай. Вокруг были разбросаны клочья черного и рыжего меха. Черный, ясно, принадлежал Лорду, ну а рыжий, конечно, «малой тигре» — рыси.

— Рыжая разбойница наделала дел...

— Лорд маху дал. Не увернулся...

— От нее человек не всегда увернется.

Я сбегал в палатку, извлек из рюкзака флакон с йодом, большую иголку и толстую суровую нитку. Мне не однажды приходилось видеть, как охотники врачуют своих раненых собак. Ребята держали Лорда за голову и лапы, а я, запихав обратно обильно смоченными йодом руками внутренности пса, принялся зашивать рану, как зашивают распоротый мешок с мукой... Кто-то скинул свою штормовку, и на ней, как на носилках, отнесли собаку в палатку. В этот день я не пошел в маршрут, остался на «выкидушке» за санитара. Карлуха расхаживал возле палатки, то и дело заглядывал в приоткрытый полог. Видеть раненое животное, оказывается, тяжело так же, как смотреть на раненого человека...

Три дня пролежал Лорд в палатке. Самая нежная пища сразу давала обратный ход, и я уже мысленно простился со своим верным другом.

На четвертый день пес, поскуливая от боли, вылез из палатки и, как олень, начал есть ягель. Ягель — целебная пища не только для зверей, но и для людей, недаром северные жители пьют отвар из этого растения, а то и сырым едят. С трудом передвигаясь по мху, Лорд вдобавок пожевал какую-то травку и даже полизал смолистую кору лиственницы. К вечеру он с аппетитом съел парную куропатку. Карл расхаживал рядом, наблюдал за собакой, но не сделал ни единой попытки стащить у нее пищу, чем частенько грешил раньше.

Выдюжил пес, вытянул! Швы я не снимал. То и дело зализывая рану, Лорд сам выкусывал и выплевывал суровую нитку, понимал, что теперь она ему не нужна.

Когда работы в этой «выкидушке» подходили к концу, пес как ни в чем не бывало уже хаживал со мною в маршруты.

В начале сентября по рации в отряд дали радиограмму: к нам летит корреспондент центральной молодежной газеты. Конечно, чтобы написать очерк о романтике труда разведчиков недр, крепкой дружбе и взаимовыручке таежных бродяг, о малиновых закатах и алых рассветах.

Сами геологи к подобным писаниям относятся очень неодобрительно. Прочтет такую розовую статейку ро-

мантически настроенный юноша, побежит в геологоразведочный институт, но после первого же полевого сезона навсегда расстанется с геологией. Полгода в дикой тайге не каждый выдержит. И где она, обещанная романтика? Рассветы и закаты в северной тайге, оказывается, не розовые и малиновые, а серенькие, водянистые, промозглые. Дождь в палатку заливает, сухого места не отыщешь. Помыться негде, толком поесть некогда, все эти маршруты, маршруты с утра до ночи, без выходных — куда только профсоюз смотрит! А мошка! Живьем жрет!

Иногда геологи, народ потешный, язвительный, нарочно «вешают лапшу на уши», а потом эта «лапша» выходит миллионным тиражом. Вроде того, что спирт геологам выдается для протирки оптической оси радиометра, хотя оптическая ось — невидимая, воображаемая линия. Или вдруг сообщается о встрече геолога в Ямало-Ненецком национальном округе с красным волком, который живет только на Дальнем Востоке и никогда туда не забегал. Словом, толковых, дельных очерков о геологах кот наплакал. Да и что познает неспециалист наскоком, пробыв в отряде единственную неделю?

Ми-4 забросил в отряд корреспондента днем, когда геологи были в маршрутах. Мы увидели его только вечером, вернувшись к «выкидушке».

Корреспондентом оказался рослый, спортивный парень лет двадцати семи,с модными, опущенными книзу итальянскими усами. За плечом у него торчал превосходный «зауэр», бескурковка.

— Привет, ребята! — бодро сказал он нам и кивнул на парочку убитых угольно-черных кедровок, валявшихся возле палатки.— Это я уже харчи отрабатываю.— Хлопок по ложе «зауэра».— Прихватываю с собой, когда беспокойная журналистская судьба забрасывает в медвежий угол. Хорошая хлопушка. От деда осталась.

Я действительно еще днем слышал выстрелы, раздававшиеся на стоянке отряда.

Мне не понравился бодренький, фамильярный тон парня, то, что он сразу начал нас «тыкать». Например, я начальника отряда, своего ровесника, до сих пор называю на «вы», хотя работаю с ним третий полевой сезон. И он тоже. Как-то стесняемся предложить друг другу перейти на «ты». И это было бы полбеды. Ко всему

прочему парень держал себя с превосходством избранного. Не от большого, конечно, ума. Это во-первых. Во-вторых, уж если так рассуждать, то я, например, считаю профессию геолога несоизмеримо выше профессии журналиста. Ну да ладно. У каждого свои слабости и пороки. Не о том речь.

Пригласили корреспондента к ужину, сидим, болтаем, кое-кто из геологов уже начал гостю «лапшу на уши вешать». А мне как-то не по себе. Будто чего-то очень не хватает. И Лорд ведет себя странно: мечется по стоянке, скулит, поглядывает на макушки деревьев.

Ба! Карла нет! Куда запропастилась птица? Она всегда встречала нас из маршрута своим мелодичным криком...

И вдруг... Аж в пот бросило!

— Послушайте,— поспешно сказал я приезжему,— вы нашего Карла здесь не видели?

— Карла?..

— Да северного ворона! Он совсем ручной...

Я заметил короткое замешательство во взгляде парня, или это мне показалось?

— Нет, не видел,— твердо ответил он.

— Карлуха, верно, испугался выстрелов,— предположил начальник отряда.— Прилетит, куда он денется.

Закурили. Молчим. Гость тоже замолчал, сосредоточенно ковыряя палочкой раскаленные угли костра.

Позади раздался легкий треск сучьев, шорох жухлой листвы. По выработанной в маршрутах привычке, почти инстинктивно я схватил лежавшую у ноги «ижевку» и только потом оглянулся.

Из тайги с Карлом в зубах вышел Лорд. Большие черные крылья птицы беспомощно волочились по земле. Пес скулил, подбегая к нам. Бережно опустил на мох ворона, сам крупно дрожит всем телом, и слезы, слезы из глаз катятся.

Мы склонились над мертвой птицей. Крылья, голова, туловище ее были изрешечены дробовым зарядом с близкого расстояния.

Не сговариваясь, геологи разом уперлись тяжелыми взглядами в корреспондента. Отпираться было бесполезно, и парень покаянно сказал:

— Ей же богу, братцы, не знал, что он ручной!..

Затем торопливо подошел к своей сумке из кожзаменителя и извлек оттуда две бутылки коньяка.

На него никто не смотрел.

Бутылки поставлены на большой плоский камень.

— Да хватит вам, ребята! — бодро сказал он.— Выпьем и забудем!

Есть люди, способные говорить бодрым голосом в любой ситуации.

— Пожалуйста, уберите спиртное,— попросил начальник отряда.— В геологических партиях сухой закон.

— Меня-то, меня-то поймите, товарищи дорогие! — скрестив на груди руки, с чувством сказал корреспондент.— Столичный житель, кроме голубей, воробьев, кошек и собак, ни черта не вижу. А в каждом мужике волосатый неандерталец, охотник сидит. Природа-матушка, что поделать! И вот я в глухой тайге. Естественное желание — добыть, убить, пусть даже несъедобную добычу, ворона...

— Сволочное желание,— поправил кто-то.

Парень замолчал. Но не надолго:

— Неплохой коньяк, ребята. Один раз, полагаю, сухой закон можно нарушить... Пейте, пейте, бутылки ваши.

— Ну, раз наши...— Рука в штормовке потянулась к бутылкам и поочередно разбила их о камень.

Забегая вперед, скажу, что не получился у корреспондента очерк о «таежных бродягах». Не нашел он с нами контакта. Геологам не хотелось ему даже «лапшу на уши вешать». Потом он жаловался начальнику нашей экспедиции: мы-де сорвали ему дорогостоящую командировку. И начальник отряда схлопотал выговор. Ну да это не имеет отношения к моему рассказу.

Поразительно: Лорд невзлюбил незваного гостя. Прямо-таки бросался на него и даже разодрал зубами штанину модных вельветовых брюк. Или пес чувствовал наше отношение к парню, или подозревал в нем убийцу Карлухи. Может, то и другое вместе. Ведь наш Лорд понятливее иного человека.

Когда улетали на новую «выкидушку», пса еле-еле в вертолет затащили. Не хотел улетать. Опустив лобастую голову на вытянутые передние лапы, все лежал под лиственницей, где я захоронил нашего Карлуху.

ЗАБАВА

I

Маленький поисковый отряд аэрогеологической экспедиции торчал в аэровокзале уже целую неделю, ожидая отправки в тайгу. Предстояло лететь вертолетом Ми-4 за триста километров в малоисследованный район, чтобы составить геологическую карту Земли. Но Ми-4 был занят на других, не менее важных работах буквально круглые сутки, потому что стояли белые колымские ночи, когда в полночь можно читать книгу без электрического освещения. То санрейс выполняют вертолетчики, то отвозят оленеводам продукты, то патрульный самолет обнаружил таежный пожар и требуется забросить десантников-пожарников. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда начальство экспедиции, базировавшейся в поселке, через райком нажало на авиаторов. Аэропорт дал отряду поисковиков машину, но не Ми-4, который все был занят на срочных работах, а двукрылую «Аннушку». Оказалось, что там, куда забрасывают геологов, тянется песчано-галечная коса, самолет может на ней приземлиться.

Вылетели в час ночи. Геологи сидели на рюкзаках и ящиках с продуктами и смотрели в иллюминаторы. Под крылом, освещенная неуемным солнцем, плыла дивная планета — Колыма. Было начало июня. На вершинах и склонах сопок, хребтов еще полным-полно снега, хоть на лыжах катайся; снег кое-где лежал и в долинах. Озера не вскрылись, их закрывал потемневший ноздреватый панцирь льда. На реке Колыме недавно прошел ледоход. Разбойный паводок выворотил, сбросил в воду прибрежные деревья, затопил поймы. Удивительного, необычного цвета была тайга. Словно осенняя, легкозолотистая. Полторы недели назад, когда выстрелили мягкие, ярко-зеленые иголочки лиственниц — а это главное дерево на Колыме,— вдруг ударил мороз, опалил, как огнем, едва народившиеся иголки. Когда пригрело солнышко, они пожелтели. Деревья отойдут, наберут силу с устойчивым теплом, и тогда тайга наденет свой зеленый весенний наряд.

— Ребята! Смотрите! — вдруг прокричал геолог, сидевший с левого борта.

Самолет переваливал лысую и округлую, как мяч, сопку. Камень да редкие островки стланика-кедрача, похожего на кустарник, покрывали вершину. По ней, напуганный самолетом, мчался рослый сохатый.

Пилоты, как и геологи, были молодыми парнями, и им захотелось поозоровать. Они перевели самолет в пикирование. «Аннушка» понеслась на зверя. Сохатый заметался из стороны в сторону. Машина ближе, ближе... И тогда храбрый, грозный зверь вскинулся на дыбки и резко ударил передними копытами воздух: «Уйдите! Со мною связываться не советую!» Самолет взмыл к солнцу в десяти метрах над головою лося.

Изредка внизу мелькали дикие олени и снежные бараны. Эти звери очень пугливы. Сломя голову мчались они прочь с открытого места и исчезали в таежных дебрях или под выступом скалы.

Половина пути осталась позади, когда тот же глазастый геолог, который заметил сохатого, прокричал:

— Медведица!.. Да не одна! С медвежонком!..

Звери бежали вдоль обширной речной косы. Скрыться им было негде: недавний свирепый пожарище выжег тайгу на десять верст в округе. Ни деревца, ни завала — все сожрал огонь. Медведица могла бы спастись, переплыв Колыму, на том берегу пожар не разбойничал, там стояла тайга. Но, видно, не решилась мать плыть с детенышем в быстрых ледяных струях реки...

— Парни! Эврика! — сказал глазастый геолог, видно, непоседа и заводила.— Захватим медвежонка, а? При отряде до конца полевого сезона жил бы. Нам забава, хоть какое-то развлечение. Ведь там, куда мы летим, нет ни кино, ни танцев...

Все с надеждой посмотрели на начальника отряда: ему решать. Начальнику отряда было двадцать три года. У него тоже загорелись глаза.

— Поговорю с пилотами,— сказал он и по груде вещей пробрался к пилотской кабине.

Командир экипажа не упрямился.

— Что ж, здесь полоса неплохая, можно сесть,— сказал он.— Только вы рот на замок. Ясно? Мое начальство узнает — шею намылит.

— Мог бы и не говорить. Не маленькие.

Машина заложила крутой вираж и зашла позади бегущих зверей. Они бежали не шибко, потому что медве-

дица то и дело возвращалась и подгоняла ударами передних лап толстенького, выбившегося из сил детеныша.

Когда самолет, снизившись до предела, поравнялся со зверями, мать легла на спину и замахала всеми лапами одновременно, как бы отгоняя машину, а малыш зарыл морду в песок, закрыл передними лапами глаза, все же остальное торчало наружу.

Самолет взмыл ввысь, описав дугу, сделал новый заход. И медведица не выдержала натиска грохочущего крылатого чудовища, бросив на произвол судьбы детеныша, бешеным галопом пересекла песчаную косу Колымы и с резвостью донского скакуна припустилась по гари. А медвежонок еще глубже зарыл морду в песок, накрыл передними лапами голову...

Когда самолет делал третий заход, медведица виднелась крошечной рыже-бурой точкой на фоне черной, выжженной земли. Детеныш, словно неживой, продолжал лежать в прежней позе. Он не пошевелился даже тогда, когда Ан-2 приземлился рядом с ним.

Дверца багажного отделения распахнулась. На песчаную косу, кто с ватником в руках, кто с порожним рюкзаком, один за другим повыскакивали геологи.

— Справа, справа заходи! — крикнул начальник отряда.— Путь к гари отсекай!..

Излишней была эта предосторожность: малыш не собирался бежать. Он крупно дрожал всем телом. Ростом зверенок был с дворняжку среднего размера.

Начальник отряда накрыл его ватником, прижал к земле. Медвежонок по-собачьи завизжал, заскулил, тонко заревел. Его затолкали в брезентовый рюкзак и понесли к самолету. Он брыкался в плотной материи и беспрестанно ревел.

Людям вдруг стало смешно. Смеялись, хохотали все: геологи, начальник отряда, командир экипажа, штурман.

В молодости люди бывают жестокими, потому что еще не страдали сами и не научились сострадать.

И никто не видел, что из-за черного, покрытого пеплом бугорка, прижавшись к земле, за ними наблюдает медведица. Когда самолет сел и пугающий гул двигателя затих, могучий инстинкт материнства властно заставил ее вернуться к детенышу. Но отбить его она не решилась. Медведица была пуганая и знала назначе-

ние коротких, поблескивающих вороненой сталью предметов, висевших у людей через плечо. Эти предметы изрыгали смерть. Из них люди убили прошлой осенью самца, который ухаживал за ней, а месяц назад и сама она получила браконьерскую карабинную пулю. Вот если бы был один человек... А с таким количеством врагов ей не совладать...

Ан-2 коротко разбежался и взлетел с плененным медвежонком. Когда самолет скрылся за сопкой, мать вышла из своего укрытия. Сначала она обнюхала то место, где лежал детеныш, затем рубчатые следы, оставленные бахилами. Они резко пахли резиной. Зверь крепко запомнил этот запах. Вытянув шею, он длинно, грозно проревел. Его налитые кровью глаза были устремлены на вершину сопки, за которую нырнул самолет.

II

Четыре дня и ночи звереныш беспрестанно ревел. Он сидел, точнее, рвался на привязи, на веревке, привязанной к стволу лиственницы, лапой выбивал миску с тушенкой, гречкой или разбавленным концентрированным молоком. Не успеет геолог отдернуть руку — острые коготки раздерут штормовку, оставят на коже глубокие царапины. После трудного маршрута надо бы хорошенько выспаться, да какой там сон, если за тонкой брезентовой стенкой палатки ревет, хрипит от удушья медвежонок. Парни прозвали его Ревуном. Они уж и не рады были, что связались с ним.

На пятый день Ревун неожиданно замолк. Видно, выдохся. Маленькие, захлестнутые тоскою глазки оглядывали реку, тайгу, дальние сопки, но не задерживались ни на палатке, ни на людях. Он с аппетитом поел, но ласки по-прежнему не принимал, бросался на каждого, кто приближался.

Когда геологи ушли в маршрут, медвежонок попытался освободиться от ненавистной ему веревки. Он занимался этим делом и при людях, но безуспешно. Грыз зубами, но она не поддавалась, крепкие капроновые нитки только растягивались, а не рвались. Она больно впивалась в горло, душила. В отчаянии Ревун повернулся мордой к стволу, натянув веревку, замотал головою. И вдруг неплотный ошейник скользнул по ушам,

скулам и упал на мох. Детеныш недоуменно посмотрел на капроновую петлю. Слабенький разумом, он так и не понял, что освободился из плена. Рванул мнимую веревку. А веревки-то не было! Кубарем покатился под откос, пропахал мордой землю. И только теперь догадался: свобода! И опрометью побежал в тайгу.

Бежал Ревун долго, шелковистая шкура залоснилась от пота. Выбившись из сил, прилег передохнуть. Тук-тук-тук — дробно билось сердце, словно звереныш грудью прижал к земле птаху. Поднялся. А куда дальше идти?.. Непонятно. Раньше мать его водила, перед глазами всегда мельтешили ее мохнатые ноги. Заиграется, бывало, отстанет — мамка рявканьем подзовет его. Или сама вернется, по морде лапой — хлоп! Шали, мол, да знай меру.

Медвежонок длинно, тонко проревел, подзывая мать. Он думал, что она здесь, в тайге, где-то рядом. Но она не появилась и не откликнулась знакомым басовитым рявканьем.

К вечеру Ревун проголодался. В животе громко заурчало. В тайге было полно пищи, но мать не успела научить детеныша добывать ее. Ягоды еще не созрели; медвежонок наткнулся на красивый тонконогий гриб и тотчас съел его. Вскоре он пьяно зашатался и повалился, затем Ревуна так и скрутил жестокий приступ рвоты. Не успела мать научить своего детеныша отличать съедобную пищу от несъедобной...

Гибнет медведица от браконьерской пули — гибнет голодной смертью и детеныш. Не голод, так рысь, волк иль росомаха прикончит малыша. Отобьют, захватят лихие люди у косматой матери детеныша, позабавятся какое-то время, а потом куда его девать? Отвозят в тайгу. По жестокому, непростительному незнанию думают: даруют волю. Не волю — смерть мученическую. Уж лучше б пулю в лоб, чтобы так не страдал...

На лежку Ревун инстинктивно устроился под выворотнем лиственницы. Всю ночь его поташнивало, очень болел живот. К утру немного полегчало. Он уснул.

С первым солнечным лучом детеныш попил ледяной водицы из родника. Очень захотелось есть. Обнюхивая, выискивая собственные вчерашние следы, он побрел обратной дорогой к стоянке геологов. Возвращаться туда

ему очень не хотелось, но там было вдоволь легкой, дармовой пищи.

На стоянку Ревун пришел к вечеру. Люди еще не вернулись из маршрута. Он направился к кухоньке, под брезентовым тентом подобрал объедки со стола — плоского камня. На камне стояла ведерная кастрюля с гречневой кашей и тушенкой, сваренной на ужин. Медвежонок лапой сбросил крышку и принялся уплетать за обе щеки. Наевшись до отвала, тут же, на столе, оставил «визитную карточку» и задремал. Разбудил его треск сучьев. Ветер нагнал на звереныша запах людей. Встречаться с ними очень не хотелось. Ведь опять посадят на привязь! Воровато озираясь, он шмыгнул в тайгу, ловко забрался на разлапистую ель. Геологи постояли возле кухоньки, незлобно поругали воришку. Они сразу догадались, кто здесь хозяйничал.

Ревун знал, что утром люди уйдут в тайгу. А утром он захочет есть. На стоянке же можно неплохо харчеваться. Тоже сообразил.

Пролетела короткая северная ночь; геологи, позавтракав, отправились в маршрут. Они не готовили пищу на ужин, а все продукты, что оставались на кухоньке, занесли в палатку, тщательно зашнуровали створки полога. Ревун порыскал под тентом, потом шумно потянул ноздрями воздух и направился к палатке. Ткнулся мордой во все углы, пытаясь проникнуть внутрь. Тщетно. Увидел небольшую дырку на уровне своего роста. Уцепился за нее лапой с выпущенными коготками. Рраз — и материя разорвалась до пола.

В палатке он похозяйничал основательно. Закусил сушеным оленьим мясом. Перебил все банки с болгарским компотом из яблок, при этом порезал о стекло губу. Разорвал пакеты с гречкой, рисом. Не столько съел, сколько рассыпал по полу. И конечно, когтями и зубами распорол мешок с сахарным песком, вволю отведал сладости. Затем оставил «визитную карточку», весомую улику, шмыгнул в дыру и был таков. Догадался: людям на глаза лучше не попадаться.

Минули сутки — Ревун опять проголодался, прибрел к стоянке. Не успел просунуть в дыру голову, как был накрыт брезентовым плащом, связан и вновь посажен на привязь. Это геологи оставили сторожа в палатке с наказом изловить вора.

И началась для парней прежняя веселенькая жизнь. Медвежонок ревел, рвался на привязи день и ночь, не давал людям сомкнуть глаз. С тою лишь разницей, что прежде он отказывался от пищи, а теперь ел за троих. Нажрется, наберется силенок — и ревет. Нажрется — и опять ревет. Ласки по-прежнему не принимал. Он был рожден диким, свободным зверем и желал жить только на свободе. Но на свободе его поджидала смерть. Ревуна похитили уже подросшим зверем, а не двухнедельным несмышленышем. Несмышленыш сразу бы привык к человеку.

Однажды выдался особенно трудный, по хребту, маршрут, наломались изрядно. Когда легли спать, уставший и оттого раздраженный начальник отряда, прислушиваясь к беспрестанному реву медвежонка, решительно сказал:

— К чертям собачьим! Спать-то нам, в конце концов, надо?!

Поднялся. Снял с гвоздя, вбитого в стояк, карабин.

— Погоди... Это уж самая крайняя мера...— сказал кто-то.

— Ее-то и хочу применить. Крайнюю. Потому что дальше ехать некуда. Ну, кто «за»?

Молчание.

— Против?

Молчание.

— Стало быть, вопрос решен. Один «за», остальные воздержались.

С оружием он вышел из палатки. Не было его довольно долго. И выстрел не раздался. Медвежонок по-прежнему продолжал реветь.

Наконец начальник отряда зашуршал пологом, появился в палатке. Повесил за ремень карабин, забрался в спальник. Потом сказал:

— Только, значит, прицелился, а он, подлец, задней лапой брюхо чесать начал. Ну в точности — котенок! А кожа на брюхе розовая, шерстью не заросла еще...

Геологи молчали.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Ревуна, если бы через два дня к геологам не прилетел вертолет. Шла кампания по выборам в народные судьи. Пока геологи голосовали, командир экипажа, молодой мужчина, находился возле медвежонка.

— Эх, моему б пацаненку такую забаву! — уже направляясь к вертолету, с сожалением сказал он.

— Эй, постой! — обрадовался начальник отряда.— Хочешь Ревуна? Бери. Только честно должны сказать: намаешься с ним. Ревет круглые сутки без перекура.

— Это вы с ним обращаться не умеете, потому и ревет,— авторитетно заметил командир экипажа, хотя родом был из Киева и видел медвежат только в зоопарке, а на Север переселился лишь два месяца назад.— Откуда он у вас?

Памятуя наказ командира Ан-2, начальник отряда соврал, не моргнув глазом:

— Сам к стоянке прибился. Видно, мамка его погибла. Тайга есть тайга.

Детеныша связали и занесли в багажное отделение вертолета. Полтора часа летел вертолет, и полтора часа медвежонок ревел и бился на дюралевом полу машины.

А геологи отметили этот день как большой праздник!

Теперь они ученые, битые. Теперь-то они никогда не отобьют у матери медвежонка. Мороки с ним — не приведи господи! Врагу не пожелаешь...

III

С потерей детеныша медведица стала агрессивной, злобной. Она задирала диких и совхозных оленей по-волчьи, ради убийства, не притрагиваясь к пище. Еды в это время в тайге полным-полно, ее соплеменники начали жировать, чтобы залечь в берлогу с толстым слоем жира, но она была худа, как в жестокий голодный год. По рассеянности зверь частенько пересекал свои охотничьи угодья, забредал в чужие, и тогда происходили кровавые драки с сородичами.

Как-то медведица вышла на таежную поляну и увидела двух медвежат. Они дурашливо гонялись друг за дружкой. Она потянула ноздрями воздух и почуяла невидимую в чащобе самку. Это, однако, ее не остановило. Подскочила к одному из медвежат, схватила его зубами за холку и пустилась бежать. Детеныш отчаянно заревел. Разъяренная мать вскоре догнала похитительницу. Медвежонка пришлось оставить и спасаться бегством. Победила не сильнейшая, а правая...

От залитого водой костра тянулись невидимые следы. Они были свежими и остро пахли резиной. Этот ненавистный ей запах медведица запомнила на всю жизнь. Точно так же пахли следы на речной косе Колымы, оставленные бахилами геологов.

Она глухо зарычала и бросилась галопом по следу. Прыжки ее были мягки и бесшумны, как у кошки. Листья и хвоя деревьев на уровне роста зверя отчего-то пахли рыбой.

Наконец медведица увидела человека. Это был буровой мастер. В пяти километрах отсюда находилась буровая, и рабочие частенько хаживали рыбачить на богатое рыбой озеро.

Человек шел и весело насвистывал. Он радовался удачной рыбалке. За какой-то час удалось поймать пять здоровенных щук. В левой руке он нес удилище, правой держал соединенных веревкой через пасть и жабры и перекинутых через плечо щук. С правого бока, пристегнутая к ремню, висела кобура пистолета.

Медведица сделала порядочный крюк и обогнала человека. Она затаилась в завале возле почти невидимой, но хорошо различимой по запаху тропы, по которой ходили к озеру буровики.

Шаги ближе, ближе; запах человеческой плоти и резины бахил острее... Когда буровой мастер прошел завал, медведица в два прыжка настигла свою жертву. В самый последний момент человек резко обернулся, отбросил удилище, добычу, но выдернуть пистолет не успел. Медведица сбила его с ног, подмяла под себя, затем сняла скальп — правой лапищей с выпущенными когтями сдернула с шеи на лоб и глаза кожу с волосами.

Он был еще жив и слабо стонал. Зверь перекусил шейные позвонки, затем оттащил его в завал, закидал ветвями, трухлявыми стволами деревьев. Медведи любят мясо с душком. Щук он съел.

По остаткам трапезы, отброшенному удилищу и нашли буровики своего товарища.

Получив трагическое сообщение буровиков, районный охотовед Горюнов связался по телефону с областным Управлением промыслово-охотничьего хозяйства и получил приказ немедленно уничтожить

медведя-людоеда. Через час из областного города вылетели общественные инспекторы охотоинспекции, опытные охотники с превосходно натасканными лайками-медвежатницами. Вертолет захватил Горюнова в районном поселке и еще через два часа был на буровой.

На место происшествия шли пешком. Ми-4 ожидал возле барака: гул двигателя мог навсегда отогнать хищника от добычи.

Возле завала, под которым лежал труп, на высокой лиственнице устроили засаду. Горюнова оставили за стрелка, остальные вернулись на буровую. Рано или поздно зверь должен был вернуться к добыче.

Горюнов просидел в засаде до утра. Но медведь не появился. В небе загрохотал вертолет. Машина опустилась неподалеку от засады, на таежной опушке. Горюнов поспешил к ней и узнал о чрезвычайном происшествии. По рации вертолетчикам передали: час назад на метеостанции в тридцати километрах от буровой медведь убил метеоролога, когда тот снимал показания с приборов.

Через считанные минуты Ми-4 приземлился возле построек метеостанции. Горюнов с помощниками, не задерживаясь около жены метеоролога, голосившей над изуродованным трупом супруга, пустил собак по следу хищника. Недавно прошел дождь, отпечатки лап зверя были видны на земле. Районный охотовед, опытный следопыт, проработавший на Колыме почти сорок лет, на глаз определил: они соответствовали отпечаткам, оставленным хищником там, возле озера...

Бежали долго, пот лил в три ручья. Приходилось останавливаться: общественники были люди пожилые.

Наконец далеко-далеко, должно быть, версты за три, залаяла одна собака, к ней присоединилась вторая, чуть позже — третья. Лай был нескончаемый, заливистый, азартный. Так собаки облаивают только крупного зверя. Голоса псов некоторое время перемещались, как бы шарахались из стороны в сторону, затем раздались с одного места. Горюнов смекнул: медвежатницы погоняли, погоняли зверя, потом окружили его, посадили и держали до прихода охотников.

Лай ближе, ближе; в эти привычные звуки вдруг

вклинился короткий рев. Он был не агрессивный — отчаянный, как бы обреченный.

Люди сняли с плеч карабины. Им бы чуток передохнуть — лица посерели, рубахи взмокли, хоть выжимай,— но близость схватки придавала силы, гнала вперед.

Впрочем, никакой схватки и не было. Был безопасный, выверенный до мелочей расстрел «привязанной» собаками медведицы.

Люди выбежали на таежную поляну. Лайки окружили зверя с разных сторон. Они лежали в трех-четырех метрах от медведицы и злобно рычали, вздернув верхнюю губу. Обреченный зверь с коротким ревом крутился на одном месте; изредка он пытался прорвать круговую клыкастую оборону, бросался на какую-нибудь собаку, бил лапой. Но лайка ловко увертывалась от удара, а остальные тотчас бросались сзади на выручку, выхватывали из косматого зада клочья шерсти с мясом и вновь сажали зверину. И опять медведица крутилась на одном месте, и опять безуспешно пыталась спастись от врагов.

Вскинули короткие армейские карабины. Горюнов вышел вперед, двое встали по сторонам, чуть поодаль, один остался позади охотоведа на случай, если зверь собьет стрелка и устремится в тайгу. Горюнов вскинул оружие. Лайки, умницы, задом отползли подальше, чтобы не попасть под выстрел. Он спустил курок. В момент выстрела медведица дернулась; пуля впилась ей не в левую лопатку, а в шею. С беспрестанным оглушительным ревом зверь рванулся на Горюнова. Лайки кинулись за ним, вцепились клыками в вислый зад и бока, укусы были очень болезненными, но медведь не обращал на собак никакого внимания. Одновременно прогремели два выстрела. Стреляли районный охотовед, успевший передернуть затвор, и общественный инспектор, стоявший по правую руку. Обе пули попали в голову. Медведица врезалась мордой в мох, перевернулась на левый бок, дернула всеми лапами одновременно и замерла с оскаленной пастью.

Общественники были рады успешной операции. Шутка ли дело — убили зверя-людоеда, избавили округу от постоянного напряжения, страха, чудовищно преувеличенных слухов. И Горюнов был рад. Но когда он подошел к самке, отогнал собак, злобно рвавших тушу, и

увидел разбухшие сосцы, готовые брызнуть тягучим, тяжелым молоком, настроение его изменилось. Кому-кому, но не Горюнову гадать о причине, заставившей медведицу, кормящую мать, как скот, задирать людей.

IV

Ревущего, взбрыкивающего в брезентовом мешке медвежонка с горем пополам довезли на грузовике от аэропорта до поселка, занесли во двор, обнесенный невысоким плетеньком. Командир экипажа раздобыл цепь, один конец прибил гвоздями к дощатому сараю, другой прикрепил к ошейнику Ревуна. Жившая под крыльцом избы Манюня, помесь пуделя и дворняжки, также приобретенная командиром Ми-4 для забавы сына, при виде медвежонка испуганно забилась в свою конуру.

Радости пятилетнего Димки не было конца! Мать с отцом строго-настрого запретили сыну приближаться к звеpенышу, потому что Ревун бросался, хрипя от удушья, даже на командира, когда тот подносил ему в миске пищу. Реветь он, правда, стал поменьше, в основном бесновался по ночам; соседи скоро перестали умиляться медвежонком и, проходя мимо, косо, недовольно поглядывали на дом авиатора. Да и жена, проворочавшись ночь с боку на бок, начала ворчать: уж лучше б, мол, милицейская сирена у них во дворе выла, ее хоть не жалко, она неживая.

Как-то Манюня вылезла из конуры погреться на солнышке. Она понемногу привыкала к постоянному присутствию дикого зверя и вроде бы уж не замечала его. Димка в это время стоял на крыльце, помня строгий наказ родителей не подходить к Ревуну. Медвежонок, узрев собаку, как обычно, начал рваться на цепи и реветь. И вдруг цепь звякнула — гвозди, удерживавшие последнее звено, расщепили доску сарая. С волочившейся цепью звереныш со всех ног бросился на Манюню. Собака не успела юркнуть в конуру и была схвачена Ревуном. Мгновение — и она лежала в лужице растекавшейся крови с располосованной глоткой.

Расправившись с собакой, медвежонок бросился на Димку, который продолжал стоять на крыльце и от сильного испуга не мог ни бежать, ни кричать. Он сбил мальчика с ног, но, слава богу, не причинил ему особого

вреда, потому что увидел кур, купавшихся в уличной пыли. Он пробежал по Димке, как по неодушевленному предмету, и при этом глубоко процарапал когтями горло и щеку мальчика. Затем перелез плетенек и устремился к курам. Только теперь Димка закричал, да так, словно его живьем резали. Выбежала испуганная мать, увидела кровь на лице и горле сына и тоже закричала.

Сбежались соседи. Пленить Ревуна не составляло большого труда. Он был очень занят: пожирал курицу. Морда по глаза в пуху, крови — смотреть страшно.

Когда из рейса вернулся командир Ми-4, жена потребовала навсегда убрать медвежонка, «чтобы его духу здесь не было».

Ночь мохнатый разбойник, связанный, пролежал в сарае, а утром командир экипажа затолкал его в мешок и повез на аэродром. Он выполнял продуктовый рейс в бригаду рыбаков, за двести километров ниже по течению Колымы. На полпути Ми-4 сел на песчаную косу реки. Ревуна освободили из плена и выпустили на все четыре стороны.

Он пришел в поселок через полторы недели, худой, ободранный и запаршивевший, смахивающий на большеголовую бродячую собаку. Жить в тайге он не мог. Для него она была враждебная, голодная, полная опасности. И одна тайга знала, как тяжко было медвежонку пробираться к людям, что на каждом шагу его поджидала смерть. Сначала Ревуна преследовала рысь. Неминуемую гибель отвратила случайность: повстречался отбившийся от матери сохатенок, и она предпочла его медвежонку. Потом гналась росомаха. Догнала, да побрезговала, оставила в покое: уж больно он был худ, мосласт; иная пища есть в колымских дебрях...

Люди пожалели Ревуна, забыли старые грехи. Подкармливали, ласкали. Правда, взять его никто не пожелал, и он день и ночь проводил на улицах поселка.

Жизнь заставила Ревуна переломить свой дикий, злобный нрав. Смекнул: иначе люди перестанут давать еду, свяжут и опять отвезут в глухую тайгу во чреве гигантской грохочущей стрекозы. И он уже не ревел — бесполезно, да и людей это шибко раздражает; позволял гладить себя по морде, трепать по холке: пусть гладят и треплют, коль им нравится.

Но временами, независимо от воли и желаний подрастающего зверя, на него как бы находило затмение. В медвежонке пробуждались жестокие, кровожадные инстинкты предков. Как-то на свалке, вынесенной за поселок, он задрал дворняжку и сожрал ее, оставив лишь голову, хвост да лапы. Свалку Ревун считал своим владением и не потерпел конкурента. Люди подумали на самих же собак: изредка — правда, не в летнюю пору, а голодной зимою — среди них случается каннибализм. Наказания не было. Другой раз звереныш погнался за чистопородным сибирским котом и откусил ему великолепный пушистый хвост. К счастью, никто не видел. И опять погрешили на собак. И вновь кара миновала.

Но однажды произошло событие, круто переменившее судьбу Ревуна. Рано или поздно подобное должно было случиться.

Поселковые ребятишки, нарушая материнский наказ держаться подальше от медвежонка, часто играли с ним. Набив карманы сахаром, до которого звереныш был большой охотник, кормили лакомку. Ревуну надо было заслужить сладость. Кто-нибудь из пацанов забирался на изгородь или перевернутый на попа чурбан, выставлял руку с квадратиком рафинада; звереныш потешно прыгал на задних лапах, щелкал уже изрядно отросшими клыками, а мальчуган, наоборот, отдергивал руку с заветным кусочком. В конце концов сахар подбрасывали, и Ревун довольно ловко ловил его красной пастью. И вот как-то на чурбан забрался толстый и нерасторопный пацаненок. И не успел он отдернуть руку, а Ревун не смог выверить прыжок — лязгнули сильные, как у овчарки, челюсти, клыки, словно ножом, отсекли половинку указательного пальца. Звереныш проглотил и сахар и кусочек человеческой плоти. И никак не мог понять, отчего это заревел голодным теленком толстый мальчик, зачем сбежались взрослые и почему снова — в который раз! — его поймали, связали и отнесли в какой-то темный сарай.

Отец толстого мальчика вгорячах схватился за ружье. Его сумели остановить. Нашелся умный человек и убедил отца: в несчастном случае виновны люди, медвежонок здесь ни при чем.

Сообщили в райцентр районному охотоведу. Пусть

он ломает голову, что же делать с медвежонком, это его работа, за то ему и деньги платят.

Крепко задумавшись, Горюнов третий час сидел в сарае и не знал, как быть с медвежонком. Точнее, знал, но не решался на крайнюю меру, искал, но не находил возможности сохранить жизнь звереныщу. На его памяти было немало примеров, когда медвежата, добытые забавы ради ценою гибели матери, со временем превращались в могучих зверей и ненароком калечили, а то и убивали своих двуногих хозяев. Да и попробуй-ка прокорми такую махину! Тайга этих прирученных человеком животных обратно не принимала, была для них пустыней и гнала, вновь прибивала к селениям. Их приходилось отстреливать...

Ревун ласкался к ногам охотоведа, вспрыгивал ему на колени, пытался лизнуть шершавым языком лицо. Он понимал, что провинился перед своими кормильцами, но не догадывался, в чем же именно его вина? Горюнов трепал холку звереныша и со вздохом повторял одно и то же:

— Эх ты, ребятенок...

Легче было бы не лететь в этот поселок из райцентра, а дать команду общественному инспектору ликвидировать звереныша...

Просидев еще битый час, Горюнов уловил слабую и, пожалуй, единственную зацепку, которая могла бы спасти Ревуну жизнь. Он поднялся, поправил планшет и кобуру с пистолетом, пристегнутую к широкому поясному ремню, сказал медвежонку, как шаловливому сыну:

— Ну, ты тут не буянь, вскорости возвернусь...— И вышел из сарая, придвинул к двери толстый чурбан, на котором кололи дрова.

Он направился в сельсовет и по междугородному телефону за свои кровные в течение дня обзвонил все зоопарки страны. Их, зоопарков, было не так уж много. «Нужен ли вам бурый медвежонок? — спрашивал районный охотовед и поспешно добавлял: — Задарма, то есть бесплатно». И везде получал один и тот же ответ: «Нет, бурого нам не надо, их столько расплодилось, что и сами не знаем, куда девать. Вот белого с охотой возьмем».

На следующий день Горюнов, заняв деньги у общественного инспектора, обзванивал цирки страны, предлагал бесплатно «на диво сообразительного» бурого медвежонка. Нет, не нужен бурый медвежонок циркам. Им нужен индийский слон, африканский носорог и отечественный среднеазиатский удав.

Последний звонок был в областной город, в Управление промыслово-охотничьего хозяйства. Горюнов коротко рассказал суть дела начальнику, давнему знакомому, с которым был на «ты».

— Откуда взялся медвежонок?

— Якобы поначалу к геологам прибился, а потом эти геологи отдали его командиру вертолета.

— Врут, что прибился. Проверял?

— Да разве концы какие сыщешь?

— Известное дело, первые и самые изворотливые браконьеры — геологи. Вроде бы хорошие, дружные ребята, а как в тайгу их забросят, прямо звереют. В дикарей превращаются. Да нет, еще хуже. Дикарь зверю вреда не чинит. Но все же проверь. Так что же ты от меня хочешь? Не пойму.

— Жаль медвежонка.

— И мне жаль. Ну, дальше слушаю.

— Руки, дурачок, лижет...

Помолчали.

— Ну и мужик ты... Как бы тебе это помягче сказать... Не знал. Я, выходит, выродок, а ты... Ладно, кончаем пустой разговор. Сам знаешь, как поступить. Не тебе объяснять. И доложи-ка об исполнении телеграммой.

У общественного инспектора Горюнов попросил лопату и на привязи вывел Ревуна из полутьмы сарая.

Медвежонок обрадовался свободе, свету, чистому воздуху, ошалев от счастья, дурашливо бросался на деревья, плетни. Вот только поводок мешал.

Была светлая колымская ночь, ярко-красный солнечный хохолок торчал в расселине двух сопок; казалось, туда, как в гигантский ковш, вылили расплавленный металл. Широкая спина реки была малиновая, коса, валуны на берегу — коричневыми, а нетающие снега на вершинах яростно блистали чистым каленым огнем. Разрывая малиновую гладь, плескалась рыба

в Колыме. «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!» — куковала за рекою кукушка. Только не годки она сейчас отсчитывала — минуты...

Задворками, хоронясь от редких прохожих, Горюнов вышел с Ревуном к тайге, углубился в чащобу. Звереныш остановился, по-собачьи жалобно проскулил и потянул за поводок обратно, к жилью. Он подумал, что его опять заманят в тайгу и там бросят. Тайги он боялся.

Районный охотовед бросил поводок и начал копать землю. Ревун успокоился, с интересом наблюдал за работой, тыкался мордой в ноги.

Наконец Горюнов, воткнув лопату в бугор свежей земли, присел на краю вырытой ямы, извлек из кобуры пистолет. Ревун, как назло, нашел забаву: с радостным визгом прыгал в свою могилу, потешно скользя лапами по влажной земляной стенке, выбирался на поверхность. И опять прыгал. И вновь выбирался. Потом подбежал к человеку, ткнулся мордой в правый карман куртки: вчера и сегодня охотовед приносил в нем зверенышу карамельки.

— Эхма, водки бы сейчас стакан!..— вслух подумал Горюнов.

Закурил. Нервно отбросил горящую папиросу. Она упала в могилу. Подумалось нелепое: как бы папироса не обожгла медвежонка! Словно через минуту он будет чувствовать боль так же, как и теперь, при жизни.

Горюнов поспешно выстрелил Ревуну в ухо. Звереныш, будто продолжая свою немудреную игру, кубарем скатился в могилу.

Районный охотовед торопливо забросал яму землей.

Утром он зашел на почту и отправил своему начальнику телеграмму:

«ЗВЕРЬ ЛИКВИДИРОВАН ТЧК ГОРЮНОВ».

ДРУЗЬЯ

Первый клин появился в небе двадцать второго мая, и полторы недели кряду над арктическим островом стоял ни на минуту не умолкаемый гогот. Мы привыкли к нему и как бы не замечали гортанных криков, как моряки не замечают шума прибоя, монотон-

ного перестука судовой машины. «Гаангок! Гаангок!..» — несся с высоты призывный клич.

Что заставляет белых гусей каждую весну покидать тучные, сытные мексиканские и калифорнийские поля, лететь тысячи миль над Тихоокеанским побережьем Северной Америки, Чукотским полуостровом? Зачем полмиллиона этих птиц так стремится на холодный арктический остров со скудной тундровой растительностью?.. Здесь их родина. А родину не выбирают. Едва проклюнувшись из яйца, пуховой комочек на всю жизнь запомнил разноцветные лишайники и мхи в долине, заснеженные горные хребты, голубые и желтые дрейфующие льды в океане. Осенью, когда он научится летать, мороз и пурга заставят его лететь на зимовку в жаркие страны, а по весне неудержимая тоска по суровой, но милой родине вновь поднимет на крыло, пустит в далекий, несказанно трудный путь.

«Гаангок!.. Гаангок!.. Гаангок!..» Нет, это не обычный крик. Это радостный крик-приветствие родной земле.

Над громадной долиной ослепительно белые с черными маховыми перьями птицы, не теряя четкого строя, делали два-три круга, постепенно снижались, а когда до земли оставались считанные метры, разворачивались против ветра, резко гасили скорость крыльями, распушенными хвостами, опущенными перепончатыми лапками и одна за другой садились на мхи и лишайники. В долине еще не стаял снег, лишь обнажились крошечные островки голой земли. Разбившись на супружеские пары, гуси стремились как можно быстрее захватить эти островки, обрести свой участок, свое место под солнцем. Не из жадности и не из чувства личной собственности, нет; людские пороки вольным, свободным птицам неведомы. А чтобы вовремя произвести потомство. Святое это дело не терпит суеты. Гусыня принимается за устройство гнезда. Лапками и клювом она долго расчищает маленькую площадку и делает в почве углубление в пол-ладони. Потом щиплет траву и мох. Для толстой подстилки и валика вокруг гнезда. Гусак между тем ходит кругами, растопырив крылья, пригнув вытянутую шею, шипит по-змеиному — изгоняет с семейной территории другие супружеские пары, нахальных холостых самцов, вечно голодных, чрезвычайно про-

жорливых песцов, зорко следит за небом, каждую минуту ожидая нападения бургомистров и поморников. Утеплив перьями и выщипанным из груди пухом травянистую подстилку, самка тотчас откладывает первое яйцо. На следующий день — второе, на третий — третье, на четвертый — четвертое; передохнув двое суток, отложит последнее, пятое.

Снежной белизны крупные яйца вскоре приобретут нежно-желтоватый оттенок.

Новые и новые стаи птиц летят в долину, и все меньше становится свободных от снега островков земли.

Однажды, когда мы вернулись со смены и ужинали в бараке-общежитии, кто-то из буровиков, посмотрев в окно, в крайнем удивлении протянул:

— Ребя-ат! Гля-аньте!..

Мы прильнули к стеклу. Со стороны долины по пологому пригорку к бараку поднимались, переваливаясь с боку на бок, два гуся, самец и самка. Самка волочила по земле правое, странной формы, как бы вывернутое крыло.

На ослепительном оперении резко выделялись кровавые пятна.

Птица остановилась под окном. Гусак вытянул вверх змеиную шею и громко загоготал.

О том, что белые гуси во время насиживания яиц и линьки теряют осторожность, я знал и раньше. Птицы подпускают человека почти вплотную. И только тогда покидают родное гнездо. Не удивило меня и то, что гусак не оставил, не бросил свою раненую супругу. Прошлой весною наша буровая работала на севере Чукотского полуострова, в районе мыса Шмидта. В воскресный день, прихватив свою «ижевку», я отправился пострелять уток. Шагая по тундре, наткнулся на двух белых гусей. Мертвая самка лежала на мху вверх лапами, далеко вытянув длинную шею. Гусак лежал возле своей супруги. Он положил ей на грудь голову, прикрыл глаза. Я приблизился вплотную. Дробовой заряд изрешетил шею птицы. Видно, какое-то время гусь еще летел, скрылся от браконьерского глаза, а потом замертво рухнул на землю. Заслышав шаги, гусак вскинул голову, глянул на меня немигающим круглым глазом. Из глаза выкатилась мутная слезинка. Белые гуси умеют плакать. Не желая мешать, я поспешно

отошел. Затем оглянулся. Гусак лежал в прежней позе, уронив голову на грудь мертвой гусыни.

Но мне ни разу не приходилось ни видеть, ни слышать, чтобы белые гуси сами пришли к людям...

— Вы здесь оставайтесь, я один пойду. Все вместе появимся — напугаем,— сказал наш бригадир, за четверть века облазивший с буровым станком чуть ли не всю арктическую тундру. И, прихватив из аптечки бинт, а со стола краюху хлеба, вышел из барака.

Толпясь у окна, мы с любопытством ожидали, что будет дальше.

Бригадир неспешно приблизился к птицам, начал бросать им кусочки хлеба. На пищу они не обратили никакого внимания. Сейчас их не интересовала пища. Гусак выбросил крылья и прошипел, однако не ринулся на человека в атаку, стоял на месте. Гусыня неуклюже распластала по земле поврежденное, окровавленное крыло. Бригадир присел возле нее и деловито, без суеты, словно занимался привычным делом, принялся перевязывать крыло.

Вернувшись в барак, он сказал:

— Похоже, песец напал. Крыло сломано. Может, срастется.

Я решил понаблюдать, что же будет дальше.

Гусыня между тем начала щипать мох и траву и складывать их аккуратными кучками. Затем клювом и лапами сделала углубление в земле, перенесла туда эти кучки. Гнездо она устраивала под самым окном барака.

Гусак стал тоже щипать мох и траву, подбирать разбросанные повсюду перья пуночек, лапландских подорожников, красноногих камнешарок, исландских песочников, куликов-дутышей — все эти птицы тоже гнездились на острове. И когда гнездо, сооруженное добротно, по всем правилам, было готово, гусыня немедленно села в него и начала откладывать яйца.

Она насиживала их долгих двадцать два дня. Ни разу не поднялась, не размяла онемевшие без движения крылья и лапы. Трава и мох вокруг гнезда были выщипаны подчистую и съедены. Гусак все это время ходил кругами, зорко следил за небом, ожидая нападения бургомистра или поморника. Зная, что гусыни сильно теряют в весе во время насиживания, мы подкармливали

птицу хлебом и гречкой. Но стоило кому-либо из нас появиться возле гнезда, гусак, растопырив крылья, бросался на мнимого врага, больно щипал ноги и руки, прыгая, норовил ударить клювом в лицо. Пищу гусыне приходилось бросать издалека.

Однажды за бараком раздались громкие хлопки крыльев, гогот, паническое тявканье. Я поспешил к окну и застал лишь финал поединка: линялый, с клочьями ржаво-серого меха песец уносил от гнезда ноги, а гусак — где бегом, где по воздуху — неотступно преследовал ненасытного пожирателя гусиных яиц, бил его крыльями, клювом, лапами. Отогнав грабителя на порядочное расстояние, самец вернулся к встревоженной супруге, прогоготал: все в порядке, мол, родная, опасность миновала. И гусыня сразу успокоилась, улеглась на яйца. Недавно он чуть было не лишился супруги, когда на нее напал песец, и теперь охранял гусыню и будущее потомство с особой бдительностью.

На двадцать третий день самка начала то и дело приподниматься на гнезде, низко склонив над яйцами голову, прислушивалась. Из яиц доносилось слабенькое, но настойчивое и беспрерывное постукивание. Скорлупа покрылась трещинками. Великое таинство рождения свершалось у нас на глазах. Четыре птенца появились одновременно, в какие-то полчаса, пятый пробил скорлупу два дня спустя. Казалось, гнездо заполнила ярко-желтая масса. То копошились гусята. Изредка в этой массе появлялись тоненькие фиолетовые, с зеленоватым оттенком палочки — значит, несмышленыш упал на спину, показав перепончатые лапки. Теперь гнездо было мало птенцам, то и дело за травяной валик перекатывался нежно-пушистый комочек, но тотчас забирался обратно, норовил потеснее прижаться к материнской груди.

Наш бригадир с ножницами в руке приблизился к гнезду. Гусиное семейство вот-вот покинет гнездо, пора освободить самку от бинта. Удачно ли срослись сломанные кости крыла? Сможет ли птица летать? Мы этого не знали.

При появлении человека гусыня не проявила признаков беспокойства, словно понимала, зачем шел к ней человек. Гусак же повел себя агрессивно. Запрыгал вокруг бригадира с растопыренными крыльями, хватал

его клювом за ноги. Кто-то из буровиков вышел из барака и палкой отогнал драчуна. Бригадир беспрепятственно перерезал стягивающий крыло бинт.

Утром гусиное семейство покинуло гнездо. Впереди важно вышагивал гусак, потом — гусыня, за родителями, беспрестанно падая, растопырив дугообразные отростки на спине — будущие крылья, семенили птенцы. Недели через три самец и самка начнут линять, на время потеряют способность к полету. Они хотят заблаговременно облюбовать озеро или речку. На воде птицы спасут и себя и потомство от прожорливых песцов.

Мы вышли из барака, провожая наших подопечных. Родители беспрестанно останавливались, гоготали, подзывали отстающих птенцов. Те на ходу пощипывали траву, пили из талых лужиц. Наберут воду в клюв, вытянут вверх голенькие, неопушенные шеи, выливая, как через трубку, жидкость в желудок.

Мое внимание привлек ржаво-белесый продолговатый бугорок. Показалось, что он медленно передвигался по тундре по направлению к гусиному семейству. Вскоре я понял, что это подкрадывается к птенцам песец. Медлить было нельзя. Линялый, облезлый хищник сейчас стрелою ринется в атаку, унесет в зубах гусенка. Размахивая руками и крича, я побежал к вору. Песец замер, притаился, как бы слился с разноцветными мхами арктической тундры. Но когда я был в трех шагах от него, хитрюга понял, что обмануть меня не удастся. Вскочил и с тявканьем бросился наутек.

Обычно гуси, покинув гнездо, более не возвращаются к нему. В поисках лучшего корма они странствуют по долинам, рекам и озерам острова; где ночь застанет, там и ночуют. Каково же было наше удивление, когда через несколько дней гусиная семья вновь вернулась к бараку! Может, увидев, как я отгонял кравшегося к ним песца, птицы поняли, что жить по соседству с нами, людьми, безопасно?..

Птенцы заметно подросли, они растут, что грибы после теплого дождя. Ведь, чтобы не погибнуть, за коротенькое арктическое лето, за считанные недели им надо научиться летать, до первых морозов покинуть остров, унестись в жаркие страны.

Я вышел из барака и высыпал из пакета овсяные

хлопья. Не успел отойти, как гуси начали кормиться. Похоже было, что гусиное семейство до отлета на зимовку решило остаться с людьми.

Жилось им, думаю, неплохо. Из толстого короткого бревна я соорудил корыто, и оно всегда было наполнено пищей: пшеном, гречкой, овсянкой, всевозможными объедками. И водопой искать не надо. В широких порожних банках из-под сельди иваси всегда была вода. Арктика есть Арктика; здесь посреди лета нередко случаются снегопады, пурга; многие птицы гибнут в непогоду. На этот случай я построил птенцам убежище, что-то вроде собачьей конуры с подстилкой из оленьего меха. Колебания температуры гуси чувствовали лучше всякого барометра. Если самка с гусятами вдруг укрывалась в домике, это было верной приметой: жди заморозка или снега. Недоверчивый гусак в конуру никогда не забирался. Он сторожил свое семейство, лежа у входа. Когда птицы видели опасность, они громко гоготали. Мы выбегали из барака и выстрелами отгоняли круживших в вышине бургомистров и поморников или кравшихся к лакомой добыче облезлых песцов.

Весть о райском уголке, где можно жить в полной безопасности и не надо заботиться о воде и пище, очевидно, долетела до гусиной колонии. Из долины к бараку то и дело поднимались птичьи семьи. Но гусак не пускал их на свою территорию. С угрожающим шипением он бросался на незваных гостей, ударами крыльев и клюва заставлял повернуть обратно.

Одного гусенка мы все-таки не уберегли. Недоглядели. Слишком поздно заметили в небе бургомистра. Атака чайки была дерзкой, внезапной. Удар острого клюва — и малыш покатился по земле с разбитой головой. Когти подхватили нежно-пушистый комочек, бургомистр взмыл ввысь. Гогот гусыни походил на неумолкаемый плач...

Дни бежали, и гусята росли. Они очень изменились за это короткое время. Ярко-желтый пух клочками сохранился разве что возле хвоста. На голове и шее появились коричневые пятна, спина обросла жемчужными перьями с яркими ободками. Большие и малые маховые перья, или первостепенные и второстепенные, как называют их орнитологи, приобрели бархатно-черный и темно-серый цвет. Не верилось, что эти неуклю-

жие темные существа вскоре станут стройными, красивыми птицами со слепяще-белым оперением. Пока что единственный намек на белый цвет — белые хвостовые перья.

Гусак и гусыня полиняли. Площадка возле барака, где жили птицы, была усеяна их маховыми перьями. Способность к полету они приобретут к тому моменту, когда гусята начнут летать. Об этом позаботилась сама природа. Но взлетит ли гусыня? Вот что неотступно беспокоило нас. Поврежденное крыло она по-прежнему волочила по земле.

В начале августа с Северного полюса задул ледяной ветер. Он в клочья разорвал висевшие все лето над островом тяжелые и серые туманы, погнал их на материк, затянул лужицы шершнем — тонким, шуршащим, позванивающим ледком. Все чаще сыпал снег. На вершины сопок и скал он лег прочно, а в долине полуденное солнце на короткое время превращало его в свинцовые, ребристые от зыби лужи.

Большие и малые птицы, гнездившиеся на острове, собрались в дальнюю дорогу. То и дело над бараком тучами и тучками в сторону юга улетали стаи.

Ровно через шесть недель после появления птенцов мы стали свидетелями очень важного события в жизни гусиного семейства. Птенцы, точнее, подростки размером немного меньше родителей впервые в своей коротенькой жизни ощутили радость полета. Один за другим, коротко разбежавшись, птицы взлетели. Гусак и гусыня следили за ними, вытянув длинные шеи. Птицы сделали над бараком несколько кругов и с восторженными криками приземлились. С этой минуты они взлетали часто, то поодиночке, то все вместе. Длинный путь требовал неустанной тренировки.

Ударили морозы. Из долины, где находилась гусиная колония, послышался непрерывный галдеж. Первыми взлетели, вытянулись в клинья холостые и молодые гуси. Потом суровую свою родину стали покидать семейные птицы.

Мы не видели, как взлетели наши птицы. Мы услышали их крик, доносившийся сверху, и поспешили на волю.

Гуси ходили над бараком широкими кругами. Они беспрестанно гоготали. Они прощались с нами. Впере-

ди был гусак, дети летели за отцом, а замыкала семейную стайку гусыня. Она чуть заметно заваливалась на одно крыло.

Три, шесть, восемь кругов... И птицы круто взмыли ввысь. Они пристроились в хвост к длинному клину своих собратьев, летевшему со стороны долины. Удаляясь, клин как бы таял на глазах, пока не исчез совсем.

Через год, пораженный полярным микробом, неизлечимой арктической болезнью, я вновь был в тех краях, но не на острове, а на материке, неподалеку от него. Ожидая летную погоду, буровики торчали в аэропорту, небольшом бревенчатом тереме, уже целую неделю. В тесном зале ожидания я познакомился с орнитологами — мужем и женой. Весну, лето и осень они провели на острове, изучали белых гусей, теперь же летели домой, в Москву. И — каких только встреч не бывает в Арктике! — оказалось, что жили они в бараке, в котором раньше стояли буровики.

Орнитологи рассказали мне много интересного о белых гусях. В свою очередь я поведал им историю наших пернатых друзей. И здесь, не дослушав до конца, муж и жена, перебивая друг друга, рассказали мне, что весною шесть белых гусей, прилетев с юга, сели не в долине, как остальные их сородичи, а возле барака. Эти осторожные птицы совершенно не боялись людей. Гусак и гусыня под окном устроили гнездо, вывели, вырастили, подняли на крыло птенцов, а четыре гуся, совсем молодые, еще не способные к размножению, паслись рядом.

Не оставалось сомнения, что это были наши старые знакомые, наши друзья. Человеческую доброту белые гуси помнят всю жизнь.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВЕРЬ

Волчица вернулась к своей стае глубокой ночью, когда разноцветные северные звезды горели на темно-синем бархате неба с такой яростью, что видны были тянувшиеся от них узкие и острые, как лезвие кинжала, лучи. Звери послушно ждали своего вожака. Обя-

занности вожака в стае исполняла старая многоопытная самка, а самец только помогал ей.

Волчица разбила стаю на три группы. Одну группу возглавила она сама, другую — самец, третью — переярок. Вообще-то переярки, звери предпоследнего приплода, оставляют родителей перед рождением меньших братьев и сестер, но этот не пожелал жить самостоятельно, не покинул стаю. Остальные звери — прибылые волки, рожденные в мае, молодняк, последний приплод; сейчас им было по девяти месяцев, и хотя они ростом почти догнали родителей, но еще нуждались в опеке и натаске. Прибылые часто впадали в щенячье детство: то в самый важный момент охоты начнут игры, то затеют жестокую драку. За подобные шалости родители наказывали своих чад нещадной взбучкой.

Волчья стая была единой семьей: самка, самец, переярок и девять прибылых. До недавнего времени в стае жил еще один зверь, приблудившийся одинокий самец, но чужаков волки не жалуют. В начале декабря стая люто голодала; его растерзали на куски и сожрали.

В поисках пищи звери наткнулись на оленье стадо. Ветер нанес желанный запах версты за три. Волчица сбегала в разведку. Олени кормились очень кучно, все на одном склоне горы; в низинке стоял пастуший чум, от него вился дымок. Она сразу поняла: добыча будет нелегкой. Обычно волки нападали на отбившихся оленей и не рисковали приближаться к человеческому жилью. Но сейчас отбившихся животных не было. Предстояло брать оленя прямо из стада. Можно клыкастой торпедой врезаться в живую массу, зарезать двух-трех оленей. Зарезать-то зарежешь, да потрапезничать не успеешь: напуганных бегущих животных заметят люди, и тогда не миновать беды. Что значит карабинная пуля, волчица испытала на собственной шкуре. Добыть оленя скрытно от людей — вот в чем состояла задача.

Что предпринять? Как действовать? Эти вопросы недолго занимали старую самку. Волки отличаются поразительной способностью трезво оценивать обстановку и принимать единственно верное решение. Дерзкая внезапность нападения, наглость — этим оружием они пользуются тогда, когда поблизости нет людей. Если рядом человек, звери берут добычу хитрой изобрета-

тельностью, перед которой ничто самые коварные лисьи уловки.

Итак, стая разделилась на три группы. Две группы легкой рысью побежали к реке. Ниже по течению в версте от стада была незамерзающая шивера; вода темными жгутами выливалась наружу, образуя обширную наледь. Группы заняли позиции на том и другом берегу, по обе стороны наледи, спрятавшись за валунами с высокими боярскими шапками снега. Группа, возглавляемая волчицей, направилась к стаду. Самка оставила прибылых в засаде, а сама с подветренной стороны поползла к животным. Один олень немного отбился от своих сородичей. Он сосредоточенно копытил наст, добывал из-под снега ягель. К нему-то и подкрадывался хищник.

И вот он совсем близко, на расстоянии трех хороших прыжков. Волчица без особого труда могла бы зарезать его на месте. Но тогда начнется переполох в стаде, и это не ускользнет от внимания пастухов. Тревожить людей никак не входило в планы зверя. Волки панически боятся человека.

Опытная самка проползла еще немного и оказалась между стадом и отбившимся оленем. Она чуть слышно зарычала. Олень мгновенно вскинул рогатую голову, заметив опасность, заметался по утоптанной площадке. Но путь к стаду был отрезан. Пришлось бежать в тайгу. Этого-то и добивалась волчица. Не потревожив стадо, она бросилась догонять жертву.

Олень хотел сделать по тайге небольшой крюк и вернуться к своим собратьям, потому что напуганные олени всегда ищут защиты и спасения в стаде. Но не тут -то было. В тайге животное приняли затаившиеся в засаде хищники. Они погнали обреченного на лютую смерть зверя к реке.

Олень легко оторвался от преследователей. Сыпучий снег разлетался из-под копыт легкими облачками, из ноздрей вырывались струйки пара и мгновенно исчезали, осыпаясь на землю мельчайшими кристалликами.

Впереди послышался рокот шиверы и показалась матово залитая луною широкая наледь. Лоси и олени всегда обходят наледь стороною: копыта скользят, ноги разъезжаются, животные на льду совершенно беспомощны. Олень свернул к правому берегу. Оттуда, как по

команде, отделилась четверка волков. Хищники рассыпались цепью. Олень бросился к левому берегу. В ртутно-лунном свете и там заскользили темные гибкие тени. Тогда обреченный побежал назад. Отступление отрезали нагнавшие добычу волчица со своей группой.

Олень жалобно прокричал, попятился задом и очутился на голом льду. Переярок, как бы демонстрируя неопытным прибылым свое мастерство, двумя ловкими прыжками настиг жертву, полоснул клыками нежную шею — и олень, обливаясь кровью, замертво рухнул на лед.

Часа через полтора все было кончено. Стихла злобная грызня из-за лучшего куска мяса, жадное чавканье, хруст костей. На замерзшей реке остались темные пятна, рога, копыта да обглоданный, отшлифованный острейшими клыками скелет.

Волки залегли по обе стороны большака, зарылись в сыпучий снег, а волчица побежала к жилью. Минула неделя с тех пор, как стая напала на оленя. Звери проголодались.

За взлобком выросла затерянная среди заснеженной тайги и кочковато замерзшей мари маленькая северная деревенька. Огромными валунами темнели пятистенки и прирубы, над печными трубами вились прозрачные дымки. В оконцах кое-где еще светился свет, острый волчий слух уловил разухабистые звуки припозднившейся гармоники.

Казалось, зверь совершает безрассудный поступок: он приближался к жилью с той стороны, откуда дул ветер. Но волчица поступила так сознательно, чтобы дать обнаружить себя. Не людям, нет, эти опасные существа, слава богу, не наделены нюхом, полагаются на зрение, а собакам — четвероногим хищникам, потерявшим свою первобытную звериную суть и за пищу поступившим в услужение людям. Собачье мясо вовсе не деликатес, жесткое, неприятно пахнет псиной, не то что нежное мясо оленя, но в голодную январскую стужу и ему волки рады.

Долго стояла волчица, с ветром нагоняя на деревню свой запах. Но хозяйские псы, верно, дремали в теплых зимних конурах, обтянутых оленьей шкурой. Тогда зверь негромко завыл. Этот вой не могли услышать

люди, слух у них, как и нюх, никуда не годится; его уловит разве что чуткое собачье ухо.

Не успела растаять в стылом воздухе высокая, с подхрипом, нота, как в деревне рявкнул пес. Ему ответил другой, третий. Волчица, подливая в огонь масла, взвыла еще разок. Псы занялись в нескончаемом лае. Многоголосый лай слился воедино, вихрем пролетел слободку. Ватага из дюжины разнопородных псов выскочила за околицу, оберегая жизнь и покой хозяев, погнала хищника прочь от жилья. Волчица бросилась наутек. Это придало собакам храбрости. Звончее, яростней рванул лай морозный воздух.

Все шло по заранее разработанному плану: зверь нарочно обнаружил себя, увлек собак в погоню. Возбужденные псы проскочили волчью засаду, не учуяв зверей. И тогда волчица резко остановилась, вздыбила на холке шерсть и громко прорычала. Это было знаком для стаи: пора! Волки разом вылезли из-под снега. Каждый точно знал свое место, свое дело. Неторопливо, без суеты они растянулись цепью, затем окружили собак. Псы, в основном широкогрудые промысловые лайки, сбились в кучу, жалобно заскулили. Лайки, опытные добытчицы, случалось, держали до прихода хозяина-охотника двадцатипудового медведя-самца, но против волчьей стаи в двенадцать голов были бессильны. Дюжиной одного они бы еще одолели, на худой конец, обратили бы в бегство...

Хищники сидели кру́гом, роняли в снег голодную слюну. Глаза горели холодным фосфорическим огнем. Им доставляло явное удовольствие видеть смятение среди собак.

Но вот одна лайка бросилась было в сторону жилья, попыталась прорвать окружение. Храбрец переярок летящими прыжками пересек круг, ловко полоснул зубами лаячью глотку, и пес растянулся на снегу.

Волчица отошла в сторонку и коротко, глухо прорычала. Это был сигнал к атаке. Звери со всех ног бросились на собак. Рычание, взвизги, жалобное поскуливание... Вскоре все было кончено. Разномастные псы, кто на боку, кто вверх брюхом, валялись на поляне.

Волчица не принимала участия в расправе. Она была совсем старая. За тринадцать лет жизни у нее поизносились, стерлись, кое-где выпали зубы и когти

стерлись и пообломались. Ни когти, ни зубы не годились для того, чтобы рвать жесткое собачье мясо. Пусть этим занимается молодежь.

Наутро хозяева обнаружили за околицей своих псов. Вернее, то, что от них осталось: обгрызенные головы да обглоданные кости.

Горевали всей деревней, потому как жителю глухого северного селения без собаки никак нельзя.

Начальник районного сельскохозяйственного отдела Пятков славился своей кипучей энергией. Громкоголосый, очень здоровый, несмотря на предпенсионный возраст, с крепкой бугристой шеей и бритой головой, он ни минуты не мог посидеть без дела. В его голову чуть ли не каждый день приходили новые идеи. И тогда он твердыми, энергичными шагами шел к своему начальству, с порога кабинета так и говорил: «Иван Федорович, есть одна идея!» И, получив «добро», претворял свои идеи в жизнь с поразительной настойчивостью и быстротой. Когда на собраниях кого-то ругали за нерадивость или нерасторопность, непременно советовали равняться на Пяткова, а подчиненные начальника отдела жаловались друг другу: «Загнал старик!»

Однажды, просматривая перед началом работы областную газету, Пятков заинтересовался статьей, подписанной отделом сельского хозяйства редакции. Называлась она жутковато: «Смерть хищнику!» В ней шла речь о губительной роли волка для народного хозяйства страны. Приводились действительно страшные цифры. Например, в Тамбовской области в 1944 году волки уничтожили 8 тысяч, в Пензенской — 8,5, а в Кировской — 6,1 тысячи голов скота. Только за март 1973 года в стадах одной Нарьян-Марской сельскохозяйственной станции они уничтожили 100 оленей, что составило один процент основного поголовья. В Беловежской пуще после отстрела за пять лет 148 волков численность копытных удвоилась. На Таймыре после неустанной борьбы с хищниками число диких оленей за двенадцать лет увеличилось в четыре раза. Заканчивалась статья таким выводом: «Волки не только уничтожают животных, но и мешают правильному использованию пастбищ, сильно осложняют труд пастухов, способствуют повышенной яловитости. Поэтому борьба

с ними была и остается важным мероприятием в деле повышения продуктивности животноводства. Объявим же смертный бой хищнику! Навсегда освободим нашу область от таежного гангстера!»

Отложив газету, Пятков задумался. Пальцы машинально выстукивали по письменному столу мотивчик армейского марша. Затем он отыскал папку с бумагами, которым раньше не придавал особого значения. Это были сообщения бригадиров оленеводческих бригад о гибели поголовья в результате нападения волков. Учитывая количество поголовья и то, что район по территории равнялся солидному европейскому государству, гибель животных была ничтожно малой.

Год назад по инициативе Пяткова в районе был организован беспощадный отстрел хищников. В облавах, обнаружении и уничтожении волков участвовали жители всех поселков и деревень. Охотники проникали в самые глухие и труднодоступные урочища. После успешно проведенной операции Пятков писал в районной газете: «Можно с уверенностью сказать, что на территории нашего района не осталось ни одного волка!» Поспешил, однако, с фанфарами. Видно, упустили охотнички единственную парочку — самца и самку. Самка в мае принесла приплод. Вот тебе и стая! Судя по сообщениям, нападение на скот совершает одна и та же стая голов в десять — тринадцать, не больше. Хищниками руководит многоопытный вожак, потому что стаю никак не удается выследить и уничтожить...

Пятков взял папку, газету и твердыми, энергичными шагами прошел к начальству. Распахнув кабинет, он с порога сказал своим зычным голосом:

— Иван Федорович, есть одна идея!

Очередная идея Пяткова заключалась в следующем: отыскать с воздуха и уничтожить волчью стаю, завершить прошлогоднюю операцию по полному истреблению хищников в районе.

Пятков разослал радиограммы в оленеводческие бригады с указанием немедленно сообщить ему, если пастухи обнаружат волчью стаю.

Через несколько дней начальник отдела получил радиограмму из совхоза «Северное сияние». Волчья стая, говорилось в ней, зарезав и сожрав двух оленей, ушла на северо-восток от центральной усадьбы.

Пятков был человеком дела. Не мешкая, он связался с аэродромом и добыл Ан-2 — двукрылую «Аннушку». Опытный охотник, он решил сам участвовать в операции по уничтожению последней волчьей стаи. В напарники подобрал сослуживца, тоже страстного охотника.

Вылетели на следующий день, едва забрезжил поздний северный рассвет. Пятков и его товарищ сидели на откидных дюралевых сиденьях и с противоположных бортов самолета глядели в иллюминаторы вооруженные мощными биноклями. К стене, отделявшей пилотскую кабину от грузового отсека, были приставлены две двустволки. В вороненых стволах покоились папковые патроны с волчьей картечью и усиленным зарядом бездымного пороха. Бить зверя пулей-жаканом рискованно, можно промахнуться, а картечь, разойдясь кру́гом, непременно поразит цель.

На сотни верст снега, снега, снега... Они засыпали кочковатую марь, легкой лебяжьей периной легли на кроны елей и лиственниц, покрыли скалы. Два цвета царили внизу: слепяще-белый и дегтярно-черный. Черный — это тени. От деревьев, скал, валунов. Они как бы пробили сухой пушистый снег и походили на безобразные провалы. Черная тень от самолета хищной стремительной птицей скользила по заледеневшему безмолвию.

Наконец внизу показались избы, вытянувшиеся в слободку; «Аннушка» описала над центральной усадьбой полукруг и взяла курс на северо-восток.

Пятков и его товарищ неотрывно, до рези в глазах смотрели в бинокли.

Первыми нескончаемую цепочку волчьих следов увидели, однако, не они. След своими молодыми глазами заметил штурман.

— Есть! С левого борта!..— обернувшись, радостно прокричал он.

Немного снизились. Летели точно над следом. А он то взбегал на вершины сопок, то спускался в увалы.

На маленькой таежной полянке волчья цепочка уткнулась в утрамбованную площадку. Дальше потянулся еще один след, редкий и глубокий. Опытный Пятков определил: волки учуяли сохатого, подняли его с лежки и начали преследование.

И действительно, вскоре в глубоком овраге на взрыхленном снегу показались разбросанные, расшвыренные клочья шерсти, кости, рогатая голова. Повсюду, будто кто гроздья спелой рябины раскидал, алели пятна крови.

Теперь насытившиеся звери шли вразброд и часто отдыхали; то там, то здесь встречались лежки.

Стаю самолет настиг на большом таежном озере. Ан-2 заложил крутой вираж, снизился до предела и с ревом заходил над замерзшим озером кругами. Кругами же, сбившись в плотную серую массу, забегали волки.

Пора! Пятков открыл и закрепил дверцу. Ворвавшийся морозный воздух мгновенно выстудил грузовой отсек. Стрелки́ опустились на колени. Щелкнули ружейные предохранители. Расправа началась.

Бах!.. Бах!..— хлопали выстрелы. Волки один за другим как бы спотыкались в беге, переворачивались через голову и замирали на снегу. Оставшиеся в живых, чтобы легче было бежать, отрыгивали полупереваренную пищу, освобождали желудок. Иногда, когда «Аннушка» нагоняла очередной раз стаю, кто-нибудь из зверей, выбившись из сил, останавливался, задирал морду с оскаленной пастью, энергично мотал хвостом-поленом. И тогда он становился неподвижной, удобной мишенью.

Когда последний, двенадцатый волк распластался на снегу, самолет сел на озере. Стрелки и пилоты разбрелись в разные стороны, начали перетаскивать к «Аннушке» волчьи трупы.

И здесь произошло такое, о чем впоследствии не раз вспоминал Пятков, не переставая удивляться волчьей хитрости.

Один из трупов вдруг ожил и как ни в чем не бывало запрыгал к тайге. По зверю стреляли, но промахнулись. Хищник успел скрыться в кедровой роще.

— Притворился мертвым, стервец! — с досадой сказал Пятков.— Не иначе как вожак. Хитер, хитер, разбойник!

Быстро погрузили добычу, поднялись в воздух. Летели по следу. Из кедровой рощицы цепочка спустилась в овраг, затем пересекла реку. За рекою начиналась тайга, тянувшаяся на десятки верст. Там-то и

нашел спасение зверь. В сплошной тайге с воздуха волка не добыть.

Пятков считал проведенную операцию успешной. То, что один волк все-таки увильнул от картечи, мало беспокоило его. Судя по размерам, тяжелым прыжкам, это был очень старый зверь. Через год-другой сам подохнет и, разумеется, не причинит особого вреда ни поголовью домашних оленей, ни дикому таежному зверью.

Увильнувшим от смерти зверем была волчица.

Нападать на домашних оленей она более не решалась и всю зиму провела в глухой тайге, вдали от людей. Питалась редко, случайной пищей. То зайчишку подстережет, то зарывшегося в снег глухаря задавит. Много ль ей, старой, надо. Ее все поташнивало, часто кружилась голова.

Волчица готовилась стать матерью. Способность к размножению волчицы сохраняют до глубокой старости.

В мае самка стала подыскивать подходящее место для логова. Его на Крайнем Севере не так-то легко найти: вечная мерзлота, копнешь на полметра, а дальше начинается лед. Поэтому она спустилась к ручью, где почва была взрыхлена водою, и, волоча тяжелое брюхо, внимательно посматривала на обрывистые берега.

Из-под корневища разлапистой ели вдруг выскочил полулинялый бело-ржавый песец и с паническим тявканьем бросился бежать вдоль ручья. Волчица не стала его преследовать: не угнаться. Она подошла к тому месту, откуда выскочил песец. Там была неглубокая нора, усыпанная слежавшимися клочьями шерсти. Пожалуй, здесь можно устроить логово. И зверь начал углублять и расширять чужое жилище.

К ночи логово было готово. Оно представляло собою узкую трехметровой длины нору с полуметровым входным отверстием, тщательно замаскированным сухими ветками.

Свое убежище волчица вырыла всего в двух верстах от поселка, где разместилась центральная усадьба оленеводческого совхоза. Зачем? Ведь в поселках живут люди, самые страшные ее враги. На то были свои веские причины. Кто ей поможет добывать пищу? Самец? Он мертв. Рассчитывать приходилось только на

себя. Ослабленная шестидесятипятидневной беременностью, мучительными родами, она едва ли возьмет хитрую, верткую, всегда настороже таежную дичь. А пищи надо будет много, чтобы прокормить многочисленное потомство. Легкая же добыча в избытке есть в поселке. Легкая, но чрезвычайно опасная, ибо она принадлежит людям...

Однажды из логова послышалось кряхтение, сдавленные рыки. В эти звуки вдруг вклинилось тоненькое поскуливание. На свет явились шесть мокреньких, глухих и слепых существ, покрытых шелковистыми темно-бордовыми волосками. Мать устало облизала их и поочередно затолкала к набухшим сосцам. Волчата припали к ним и с жадностью зачавкали.

На девятый день у них открылись глаза.

Полтора месяца волчица выкармливала малышей молоком. Когда оно кончалось в сосцах, она бежала к поселку, хватала зазевавшуюся собаку, кошку или курицу, оттащив добычу в тайгу, пожирала мясо. Через считанные часы сосцы вновь набухали.

Волчата быстро росли. Мех посветлел и стал серым. Они ни минуты не лежали спокойно, а бегали по логову, играли, дрались и получали материнские затрещины, когда пытались выскочить на волю. Теперь они нуждались не только в молоке, но и в мясной подкормке. По опыту волчица знала, что, если не подкармливать волчат в таком возрасте мясом, они вырастут слабыми, рахитичными, не подготовленными к жестокому таежному существованию и длительным голодовкам. И она чуть ли не каждую ночь бежала в поселок, добывала кошек, собак, кур, затем возвращалась в логово, отрыгивала полупереваренное мясо, и волчата с рычанием и визгом набрасывались на пищу.

Чтобы прокормить прожорливый выводок, надо было много, очень много мяса. И однажды волчица, сделав под бревенчатым венцом подкоп, проникла в хозяйский хлев, зарезала свинью. Половину туши сожрала, половину унесла. Кара миновала. Обнаглела: тем же манером пробралась в соседний хлев и погубила теленка. На сей раз еле ноги унесла. Разбойницу учуяли собаки, подняли лай. По хищнику стреляли. Две картечины угодили в левую ногу, и теперь волчица охромела.

Пятков приехал в совхоз в служебную командировку и, когда узнал о волке, совершавшем по ночам набеги на хозяйский скот, посчитал своим долгом уничтожить хищника.

У директора оленеводческого совхоза, охотника, он позаимствовал хорошую двустволку, патроны с картечью, пару превосходно натасканных лаек.

Выросший в тайге Пятков знал, что одинокий волк-самец, не пораженный бешенством, никогда не явится в летнюю пору в поселок. Это явно самка, притом кормящая мать; свои логовища они устраивают неподалеку от деревень и поселков, чтобы под боком всегда была пища. Не далее как два года назад он, Пятков, отыскал логово и уничтожил волчицу с выводком в двухстах метрах от райцентра. Зверь устроился со щенятами в водосточной трубе!

Хозяин, у которого хищник зарезал теленка, рассказал ему, как было дело, в какую сторону убежал зверь. Для начала Пятков взял со склада изрядный кусок оленьего мяса, бросил его за околицей, а сам всю ночь просидел в засаде, взобравшись на высокую лиственницу. Вышел конфуз: волк не явился, зато из поселка, учуяв съестное, прибежали собаки и сожрали лакомый кусок. Раздосадованный Пятков, даже не передохнув после бессонной ночи, взял директорских лаек и пошел с двустволкой в тайгу.

Шагал, нервно, напряженно прислушивался: не раздастся ли заливистый лай? Но нет, все было тихо. Убежавшие вперед собаки не подавали голоса.

Азартный и нескончаемый — на зверя — лай вспорол воздух сразу с противоположных сторон, потому что директорские лайки работали в одиночку. Пятков растерялся: куда бежать? Заметался. Туда-сюда, туда-сюда. И припустился вправо, в бурелом, за которым зеленела плотная кедровая рощица. Ноги задевали за корневища, сучья рвали одежду. Лай ближе, ближе... Выскочив на таежную прогалину, Пятков увидел лайку, плюнул и выругался. Собака облаивала забравшуюся на самую макушку кедрача тощую линялую белку. Поддал ногой пса: думай, мол, дура, что делаешь, тебе сейчас не зима! И нехотя побрел в ту сторону, откуда раздавался лай второй собаки.

Невесть откуда взявшаяся тропка вывела его к ручью. Пес заливался немного ниже по течению. Небось тоже белку посадил.

Пятков вдруг резко остановился. Он расслышал короткие собачьи подвывы, взвизги. Хороший охотник, он знал, что с таким подвывом лайка обычно держит опасного хищника...

Грузный Пятков мгновенно преобразился. Движения его стали мягки и бесшумны, как у рыси. Щелкнув предохранителем, он побежал по каменистой косе.

Наконец он увидел пса. Тот, залившись в лае, метался на маленьком пятачке. Бросится вперед, круто затормозит передними лапами и сразу попятится задом.

Наметанным глазом Пятков заметил волчицу. Она лежала, наполовину высунувшись из логова, и преспокойно смотрела на пса. Не знала, глупая, что одни, без человека, в тайгу собаки не ходят...

Но вот волчица увидела человека. Мгновение — и она выскочила наружу, помчалась прочь. Покинула и логово и своих волчат. Отлично натасканная зверовая лайка залегла, чтобы не мешать выстрелу.

Хлопнули выстрелы. Дуплетом. Стрелок Пятков был неплохой. Волчица дважды перевернулась через голову, закружилась волчком, затем высоко подпрыгнула на всех лапах одновременно и рухнула наземь.

Пятков не спеша подошел к ней, ткнул концами дула в бок. Волчица была мертва. Она лежала вверх брюхом, с оскаленной пастью, устремив остекленевшие глаза на своего убийцу. В них стыла лютая ненависть. Старая, совсем старая самка. Широкая проседь по бокам. Как и у того зверя, который зимой увернулся от картечи. Уж не тот ли самый?..

Пятков направился к логову, ударом ноги отогнал собаку. Заглянул внутрь. Волчата жались в полутьме друг к другу. Он отодрал от ствола березы длинную берестинку, поджег ее и бросил в логово. Волчата с паническим визгом повыскакивали наружу. Одних настигла и растерзала собака, других расстрелял Пятков. Эти звери, как он полагал, не имели такого права — жить.

...В центральной газете появилась статья известного зоолога. В ней шла речь о волке. Да, писал ученый, волк — страшный хищник, до сих пор наносит ощутимый вред людям, уничтожая домашний скот и таежное зверье. Но надо ли объявлять ему столь беспощадную и повсеместную войну? Стремиться стереть с лица земли? Статья заканчивалась такими словами: «Я затрудняюсь назвать зверя более умного и сообразительного, нежели волк. Отстрел волков должен вестись в разумных размерах. Следует, на мой взгляд, сохранить в каждом районе, особенно в Сибири и на Крайнем Севере, по две-три волчьи семьи. Безусловно одно: этого красивого и гордого хищника мы обязаны сохранить и для нас с вами и для грядущих поколений».

Газета попалась на глаза Пяткову. Он прочитал статью и задумался. Пальцы машинально выстукивали по столу мотивчик армейского марша. Потом твердыми, энергичными шагами прошел в кабинет начальника и сказал своим зычным голосом:

— Иван Федорович, есть одна идея!

Прочитав статью, Иван Федорович тоже задумался. Затем сказал начальнику отдела:

— Наломали мы с тобой дров, Пятков, наломали... Так в чем же твоя идея?

Очередная идея Пяткова заключалась в следующем: согласно указаниям ученого, завезти в район из мест обитания и расселить две-три волчьи семьи.

ПОЛУНДРА!!!

В тот год наша геологоразведочная экспедиция работала на Лене. В экспедиции было шесть партий, в свою очередь разделенных на множество отрядов; в одном из отрядов — поисковиков-съемщиков — я работал маршрутным рабочим.

Партии были разбросаны по великой сибирской реке верст за пятьдесят одна от другой; штаб экспедиции находился в ближайшем населенном пункте, за сто шестьдесят километров от отряда поисковиков. Для снабжения продуктами и техникой наших отрядов на время полевого сезона экспедицией был арендован

местный катер типа «Ярославец». Он челноком сновал между отрядами, без него мы были бы как без рук.

Однажды после утренней связи со штабом экспедиции, когда геологи готовились к выходу в маршрут, начальник отряда сказал мне:

— Дали радиограмму из штаба: на базу наконец-то завезли новые радиометры. Получишь полный комплект. К вечеру жду обратно.

С честно отслужившими свой век радиометрами, без которых немыслима работа геолога-поисковика, мы изрядно намучились, они то и дело выходили из строя; именно меня начальник отряда послал на базу потому, что я неплохо разбирался в этих приборах, без конца ремонтировал их; брак на складе мне не подсунут.

«Ярославец» был оборудован рацией. Начальник отряда связался с мотористом, и через полтора часа катер ткнулся носом в мелкокаменистую косу напротив палатки поисковиков.

Я забрался по спущенному трапу на катер, но не успел сделать по палубе и двух шагов.

— Вы, когда в свой дом входите, ноги вытираете? Пошто тряпка на форштевень брошена?

Из рубки, в высокой форменной фуражке с «крабом» и куртке с погонами, выглянул моторист, девятнадцатилетний парень из местных чалдонов, по имени Серафим, по фамилии Хохлюшкин, прозванный языкастыми геологами Сэром Хохлюшкиным. Совсем недавно был Сэр Хохлюшкин обыкновенным парнишкой из сибирской глубинки, по-чалдонски угловатым и рассудительным; да вот кончил он училище, доверили ему катер — и словно подменили хлопца. Стал корчить из себя черт знает кого. Полагаю, капитан океанского лайнера или гигантского атомохода держит себя несоизмеримо доступнее, скромнее. Правда, прозвище никак не соответствовало наружности Сэра Хохлюшкина, в ней не было даже намека на аристократичность: лихо вздернутый нос, беленькие бровки и ресницы, большой рот с толстыми губами, все лицо обляпано четкими крупными веснушками,— но в поведении, манерах он ничуть не уступал английским баронетам. Спросишь его о чем-нибудь, так он, подлец, сразу никогда не ответит. Лишь через минуту-другую, досадливо поморщившись, словно его оторвали от трудных и важных размышле-

ний, переспросит: «Что?..» — таким тоном, что сразу пропадет всякая охота с ним разговаривать. Когда пассажиры ненароком нарушали судовые правила — например, на полном ходу подходили близко к борту,— Сэр Хохлюшкин коротко говорил им: «Спишу на берег. Как пить дать», и при этом зеленые кошачьи глаза его становились холодными как лед, а губы были строго поджаты. Как бы оправдывая свое прозвище, в одежде он был педантом: белоснежная рубашка с галстуком, брюки клеш всегда с бритвенно-острой стрелкой, штиблеты начищены до зеркального блеска. Сэр Хохлюшкин, очевидно, играл роль старого морского волка, потому что не выпускал изо рта большую изогнутую трубку, хотя по-настоящему не курил, никогда не затягивался дымом. Справедливости ради следует сказать, что он был пареньком работящим, безотказным, мог простоять за штурвалом сутки и никогда не жаловался на усталость.

Сделав мне замечание, Сэр Хохлюшкин зашел в рубку и запустил двигатель. Я вытер ноги и прошел на палубу, где на голых, горячих от солнца досках, разморенные жарою, лежали знакомые парни, буровики нашей экспедиции. Оказалось, что они тоже едут в поселок на базу получать новый буровой станок. Их было трое. Они ухмылялись, когда Сэр Хохлюшкин выговаривал мне.

«Ярославец» взревел мощным двигателем, отвалил кормой от берега и пошел вниз по течению, разламывая реку двумя тяжелыми водяными пластами. Я думал, что на Лене поубавится мошки и гнуса, но ошибся: стояло полное безветрие, этих летучих тварей на катере оказалось не меньше, чем на берегу. Они тучей висели над палубой, загораживая солнце, залезали под накомарник, штормовку, жалили тело, набивались в уши, ноздри, рот. «Дэтой» и другими средствами от мошки натираться в такую жару бесполезно, настоянная на спирту жидкость быстро выдыхалась и прекращала свое действие.

Промаявшись с полчаса на палубе, я предложил буровикам спуститься вниз, в каюту. Парни отказались: в каюте такая парилка, что не продохнешь, потому что в камбузе, расположенном впритык к

каюте, раскочегарена плита, там в ведре варится ушица. Действительно, из щели незадраенной, приоткрытой двери, ведущей в камбуз и каюту, струился вкусно пахнущий парок. Пришлось терпеть.

Изредка я поглядывал в открытое окно рубки. Сэр Хохлюшкин, лихо сдвинув набекрень фуражку и выпустив на волю русый чуб, небрежно крутил штурвал и напевал одну и ту же строчку из песни: «Капитан, капитан, улыбнитесь...»

Глухие места вокруг: ни поселка, ни хуторка. Берега в легкой дымке: воздух над рекою насыщен водяной пылью, а камень раскален солнцем. За тысячелетия воды могучей реки прогрызли землю глубоко, и казалось, Лена течет в гигантском бесконечном ущелье. Один берег, курчавый от тайги, был ярко освещен солнцем, а другой оставался в тени, и рваные клочья туманов, притулившиеся в ложбинках, не таяли здесь даже в полдень. Пейзаж давил, что ли. Иногда приходило в голову: весь мир состоит вот из этого ущелья, реки и голубой полоски неба наверху. Изредка берега неожиданно и ненадолго переходили в равнину, и открывались иные дали: табуны разноцветных гор, невесомые, как бы плавающие в воздухе, подковы хребтов, неоглядная небесная синь с лебяжьими островками облаков.

«Ярославец» вдруг резко сбросил обороты двигателя. Сэр Хохлюшкин просунул голову в открытое окно рубки, напряженно всматриваясь в реку. Мы приподнялись на палубных досках, прикрыли ладонью глаза от солнца.

Метрах в пятидесяти от катера переплывал реку медведь. Плыл он, смешно вытягивая шею, чтобы не захлебнуться, из воды то и дело показывалась огромная спина.

— Попался бы ты мне, «хозяин», лет пятнадцать назад, до запрета на свободный отстрел! Поговорил бы с тобой по душам! Как пить дать! — с бывалым видом бросил Сэр Хохлюшкин.— А сейчас нельзя.

— Позвольте вам не поверить, Сэр. Вы сейчас врете, как сивый мерин,— заметил я.

— Почему? — Сэр Хохлюшкин холодно взглянул на меня.

Я ответил:

— Потому что пятнадцать лет назад вы, Сэр, еще сосали мамкину титьку и пачкали простыни в кроватке.

Сэр Хохлюшкин, очевидно, подумал, что аргумент мой весом и крепок, как валун на берегу, его ни сдвинуть, ни разбить. И благоразумно промолчал. Тем более, что свидетелей нашей перепалки не было: буровики столпились на носу, рассматривая плывущего медведя.

Я поспешил на форштевень, как называл носовую часть судна Сэр Хохлюшкин. Зверь был уже метрах в двадцати от борта. Он то и дело поворачивал к нам свою широкую мокрую морду. В глазах таился испуг. Он понимал, что почти беспомощен в воде. Точнее, так думал я, человек, что медведь почти беспомощен в воде. И ох как ошибался!..

Буровики возбужденно переговаривались, не слушая друг друга:

— Гляньте, гляньте, плывет-то по-собачьи!

— Глаза какие злые...

— На другую сторону решил переплыть. Знать, какие-то там у него дела.

— Сэр Хохлюшкин! Чуток вправо возьми, рассмотрим ближе!

Но Сэр Хохлюшкин, напротив, взял влево и осторожно, на малых оборотах обошел плывущего зверя. Просветил нас, показавшись в окне рубки:

— По инструкции близко подходить на плавсредствах к лосю, оленю или медведю, которые плывут по реке, не положено.

— Скажи́те лучше, Сэр, что вы сдрейфили,— возразил я.— Во избежание окончательного конфуза предлагаю вам, Сэр, срочно посетить гальюн.

Ну кто, кто тянул меня за язык! Захотелось поближе рассмотреть плывущего медведя? Невидаль какая! Если б знать наперед, к чему приведет мое замечание мотористу...

Сэр Хохлюшкин круто развернул «Ярославец». Катер на большой скорости прошел в трех метрах от зверя. Волна накрыла медведя. Показавшись на поверхности воды, он фыркнул, закрутил головою, стряхивая радужные капли, и коротко проревел.

Рогатый штурвал за окном рубки вертелся, как флюгер на крыше при сильном ветре. Описав дугу, «Ярославец» заходил кругами вокруг возбужденного медведя.

Мы присели на палубе. От резких толчков можно было свалиться в Лену.

— Надоест — скажешь! — весело и зло одновременно крикнул Сэр Хохлюшкин, глянув на меня шальными глазами.— А то — сдрейфил!.. Это я-то сдрейфил?!

Удивительный народ эти чалдоны... Спокойны, постариковски рассудительны, но заденешь их за живое, выведешь из себя — берегись! Тогда в них вселяется дьявол, сатана.

— Ну, хватит, мишку, чего доброго, заденешь,— сказал я.— Беру, Сэр, свои слова обратно.

— То-то! — торжествующе отозвался Сэр Хохлюшкин.

Но раньше чем он произнес это, у медведя лопнуло терпение. Ему наконец надоело назойливое мельтешение катера перед самым носом. Он органно взревел и ринулся в атаку. Зверь превосходно понимал, что его враг вовсе не крашеная металлическая посудина, а люди, управляющие ею. Поэтому он не причинил катеру никакого вреда. Ткнувшись лобастой головою в борт, медведь с неожиданной легкостью выбросил из воды свое огромное тело и одновременно ухватился вытянутой правой лапой за толстый стальной трос, тянувшийся вдоль борта и служивший как бы низенькими перильцами. Подтянулся, заскрежетав когтями задних лап по металлическому корпусу. И с обезьяньим проворством вскарабкался на палубу.

Мы стояли, словно вросшие в палубные доски, в нелепых позах, с разинутыми ртами и широко раскрытыми глазами. Такой вид человек приобретает, когда его сзади вдруг огреют дубиной: прежде чем без чувств рухнуть на землю, он еще три-четыре секунды держится на ногах, с великим изумлением таращит глаза.

Медведь рывком поднялся на задние лапы и двинулся на нас. Огромный, большеголовый, с прилизанным водою мехом, бугристыми мышцами, он шел по палубе, как заправский моряк, широко расставляя задние лапы и покачиваясь из стороны в сторону. В жаркой распахнутой пасти желтоватые клыки с палец, там что-то ворочалось, клокотало...

Моя старенькая одностволка осталась висеть в палатке на вбитом в стояк гвозде. Мог ли я предположить, что она мне понадобится на катере? Правда, на ремне с пра-

вого боку в ножнах из оленьего меха висел остро отточенный охотничий кинжал, с ним я никогда не расставался, даже ночью, как разведчик в стане неприятеля, клал его под голову. Но, во-первых, я просто-напросто забыл о существовании кинжала. Во-вторых, за четверть века поездок с экспедициями по Сибири, Крайнему Северу, Камчатке, Сахалину я только однажды встретил человека, который единственный раз ходил с ножом на медведя. Здоровенный, крепкий, как дубовый пень, чалдон был вынужден пойти с одним ножом на медведя: на морозе застыло ружейное масло, не сработал боек. Так тот чалдон чуть тепленький вылез из-под мишки. С легкостью необыкновенной, рожденные безудержной фантазией писателей, разят ножами медведей разве что герои сибирских повестей и рассказов...

В любой критической ситуации есть выход. Неважен характер выхода, важен сам выход; безвыходных положений не существует вообще.

Сэр Хохлюшкин застопорил двигатель, пулей выскочил из рубки на палубу и заорал во всю глотку, спасая пассажиров, а заодно и себя самого:

— Полундра!!!

В подобном положении любая команда выполняется мгновенно. И неважен ее характер, лишь бы раздалась сама команда. Если б Сэр Хохлюшкин приказал нам сделать какую-нибудь очевидную глупость — например, всем забиться в стеклянную рубку,— мы бы без раздумий сделали и это.

Напуганными кузнечиками, молодыми резвящимися козликами мы запрыгали по палубе к борту и один за другим, кто головой, а кто солдатиком, сиганули в Лену.

К чести Сэра Хохлюшкина надо сказать, что свой попавший в бедственное положение корабль, как настоящий капитан, он покинул последним. И даже пытался поправить, устранить это самое бедственное положение. Подняв глубомер, длинную жердь, лежавшую вдоль борта, он ткнул концом два или три раза в медвежье брюхо. Зверь схватил лапой жердь, вырвал ее из рук моториста и отшвырнул в реку. Сэр Хохлюшкин в своей тщательно отутюженной форме, белоснежной сорочке и начищенных штиблетах, при фуражке и галстуке покинул судно. Нырнул он с красивой небрежностью ласточкой.

Среди буровиков оказался человек, умеющий плавать только одним способом — топориком, но тем не менее храбро прыгнувший посреди реки в воду. Кое-как вынырнув, он завопил благим матом: «Тону-ууу!!!» и пошел ко дну. Уже на глубине его товарищи схватили за волосы, вытянули на поверхность. И поплыли с ним к берегу.

— Справитесь?! — крикнул Сэр Хохлюшкин спасающим. Он челноком сновал между нами. Фуражка на его голове при падении в реку каким-то чудом удержалась, не слетела. Или он потом ее выловил — не знаю.

— Справимся! — убежденно ответили спасающие.

— А то я спешу...

Он так и сказал это нелепое: «А то я спешу...», будто мы не барахтались в воде, а находились на суше. И хорошим брассом поплыл к берегу.

— Ох, братушки! — по-бабьи причитал спасенный.— Вот она, смертушка, где настигла!.. Сам-то ладно!.. Деток малых жалко!.. Восемьдесят рублей в кармане!.. Не успел перевести!..— И вдруг начинал хохотать: — Ах-ха-ха!..

Похоже было, что от сильного испуга он еще не успел осознать, что спасен.

Голоса спасающих:

— Двинь ему разок в челюсть, чтоб заткнулся!

— Он мне, гад, пальцем в глаз пырнул... Глянь, глаз-то на месте?.. А что он ржет? Уж не свихнулся ли?..

Катер немного отнесло течением. Медведь неподвижно стоял на палубе и глядел на нас, вытянув через борт шею. По-моему, его очень заинтересовал хохот человека.

Я почему-то решил,что нужен не здесь, а там, где наш капитан, и пустился догонять Сэра Хохлюшкина. До берега было метров сто пятьдесят, не меньше. Когда тебе за сорок, и куришь с третьего класса, и не прочь по поводу и без повода пропустить рюмочку, быстро проплыть в отяжелевшей одежде и сапогах эти сто пятьдесят метров не так-то просто. Но ноги наконец коснулись тверди; сердце мое дрожало овечьим хвостом, аж в висках отдавало, руки крупно тряслись, как с тяжкого похмелья.

Сэр Хохлюшкин бежал по каменистой косе, догонял плывущий по течению никем не управляемый катер. Волна и ветер вертели посудину. «Ярославец» не прибивался ни к нашему, ни к противоположному берегу. вид-

но, попал на стремнину. Потапыч замер у борта, потому что спасенного еще не успели вытащить на берег, и он время от времени продолжал громко хохотать.

Я нагнал Сэра Хохлюшкина. Вскоре мы поравнялись с катером. Шагая быстрым шагом, теперь мы поспевали за «Ярославцем».

— Ежели какое судно встречь появится — конец. Столкнутся. Как пить дать,— беспокойно вглядываясь в даль, сказал наш капитан.

— А тебя тогда с катера турнут.

— Ладно бы, коли так. Под суд отдадут.

— В тюрьме-то, говорят, несладко...

Спасенного между тем выволокли на сушу, и он наконец перестал хохотать. Истерика прошла.

Медведь сразу же потерял к людям всякий интерес. Он неторопливо, хозяином, прошелся по палубе, затем закрутил головою, нюхая воздух, и вдруг решительно направился к литой металлической двери, ведущей в камбуз и каюту.

— Рыбий дух, стервь, учуял. Внизу-то ушица варится...— обреченно сказал Сэр Хохлюшкин и добавил с тихим отчаянием: — Что теперь бу-удет!..

Медведь боком, по-человечьи, протиснулся в узкую дверь, исчез в черном провале. Те считанные минуты, которые он находился во чреве «Ярославца», показались нам вечностью...

Но опасения Сэра Хохлюшкина оказались напрасными. Ничего особенного не произошло. Сначала раздался хорошо слышный по воде глухой, дребезжащий звук. Через полчаса мы установим, что это он лапой стащил с плиты ведро с кипящей ухой и оно упало на металлический пол камбуза. И при этом не ошпарился. Чертовски умный зверь просто-напросто остудил пищу. Затем, разумеется, сожрал ее, вылизав пол, как шваброй.

Наконец он вновь протиснулся на палубу. Делать ему на катере было больше нечего. Он сладко зевнул. Затем вскинулся на дыбки и мешком свалился в реку.

Мы тотчас закричали и замахали руками: Потапыч плыл в нашу сторону, точно на меня и Сэра Хохлюшкина. Зверь замер на месте, покрутил башкой, затем развернулся на сто восемьдесят градусов, поплыл к противоположному берегу.

— Представление окончено, цирк закрылся,— сказал я.

Но Сэр Хохлюшкин не слышал моих слов. Он бежал по каменистой косе. Немного обогнав плывущий по течению катер, наш капитан бросился в Лену и поплыл быстрым шумным брассом наперерез «Ярославцу».

И мне нужно было что-то делать, но тяжкая, свинцовая усталость от сильного потрясения вдруг как бы придавила плечи, разлилась по всему телу.

Я опустился на мелкокаменистую косу. Медведь подплывал к противоположному берегу. Вот он выбрался на сухое, стряхнул со шкуры воду и пошел вразвалочку. Поднялся на взлобок, промелькнул на склоне высоченной горы и скатился в распадок, буйно заросший молодыми елочками.

Сэр Хохлюшкин тем временем подплыл к своему катеру, обезьянкой повис на веревочной лестнице, спущенной с полубака. Взобрался на палубу, побежал в рубку.

Взревел запущенный двигатель. Катер круто развернулся.

Вскоре капитан и пассажиры, раздевшись догола, сушились, отогревались возле большого костра, а наш катер отдыхал, ткнувшись носом в берег. Не умеющий плавать спасенный буровик бережно разглаживал и пересчитывал мокрые ассигнации. Пробурчал подозрительно: «Трешка куда-то подевалась...» Вот человек! О трешке переживает, когда чуть богу душу не отдал...

Я высказал предположение, что трешку изъяли в качестве гонорара спасатели. Спасатели пропустили мимо ушей мое обвинение: один рассматривал у другого покрасневшее глазное яблоко, в которое утопающий в беспамятстве пырнул пальцем.

Сэр Хохлюшкин был угрюм. Он сушил над пламенем свои красные, до колен, футбольные трусы. Что-то совсем мальчишеское было сейчас в его облике, особенно в выпирающих лопатках, ключицах, тонкой, посиневшей от холода, как у ощипанного петушка, шее.

— Узнают — не плавать мне больше, спишут на берег на вечные времена. Как пить дать...— не нам, а самому себе дрожащим голосом сказал он; казалось, наш капитан вот-вот разревется.

Я почувствовал к нему чуть ли не отцовскую нежность. Начал было:

— Ну что ты, Серя...

— Какой я вам Серя! — разом изменившись в лице, перебил Сэр Хохлюшкин.

— Александр — Саша, Григорий — Гриша, а как же Серафима назвать? Серя, по-моему... Ну, неважно. Так вот что, Серя. Катер не пострадал? Не пострадал. Пассажиры? Тоже. Кроме нас, были свидетели происшествия? Не было. А мы — рот на замок. Считай, что все шито-крыто. Парни, правильно я рассудил?

Буровики поддержали:

— Верно, верно...

— Это ты хорошо надумал.

— Со всяким может случиться. Парнишка работящий, старательный, в дело свое влюблен. Зачем ему жизнь поганить?

Я заметил, как блеснули радостью глаза нашего капитана.

— Только вы ни-ни. А то кто трепанет — молва живо до поселка долетит. В Сибири, как в деревне, ничего не утаить.

— Слово, капитан. Могила,— заверил я.

— Тогда я в камбузе приберу, да и себя в порядок приведу. Утюжок в каюте имеется, я мужик запасливый...

Вскоре «Ярославец» полным ходом шел в поселок. Сэр Хохлюшкин стоял за штурвалом в тщательно отутюженной форме, в просушенных и начищенных штиблетах. Буровики дремали на палубе; спасаясь от мошки, они накрыли головы брезентовыми куртками.

Я прошел к борту. Здесь тянул ветерок, разгонял летучих тварей.

— А ну от борта! — тотчас раздалась команда.— Спишу на берег! Как пить дать!

Я посмотрел на рубку. Сэр Хохлюшкин просунул голову в открытое окно и строго смотрел на меня. Наши взгляды встретились. Он потеплел глазами и добавил мягче:

— Отец, ну что тебе не сидится? Кувырнешься — мне отвечать. Ей-богу, как маленький...

— Понял, понял, Серя,— ответил я и прошел к буровикам.

СМЕРТЬ ТОЛСТОРОГА

Нет, это была не обычная драка самцов во время осеннего гона. Такие драки походили на турнирные состязания в быстроте реакции, силе, выносливости и заканчивались позорным бегством слабого противника. Это была жестокая, кровавая битва за власть, битва не на жизнь, а на смерть.

Дело в том, что в каждом стаде камчатских снежных баранов, или толсторогов, или чубуков, как их еще называют, помимо вожака, есть два-три «заместителя». «Заместители», матерые, опытные самцы, охраняют стадо во время кормежки, зорко следят за окрестностями и в случае малейшей опасности подают сигнал тревоги. Так вот, один из «заместителей» с недавнего времени вдруг вообразил себя вожаком. Все чаще и чаще во время движения стада он обгонял законного вожака и даже норовил ударить его рогами. Он обнаглел до того, что однажды оттеснил его от самки, за которой тот ухаживал. Бараны — молодняк и самки — в растерянности поглядывали на соперников: кто же в действительности их защитник и повелитель? И тогда Толсторог, законный вожак, оберегая честь и звание, решил биться с противником. Правым окажется тот, кто останется в живых.

Толсторог был крупным, красивым зверем с густой дымчато-серой шерстью, белой звездой на лбу и резкой ярко-желтой полосой на брюхе и крупе; на холке короткая гривка; на тяжелых, круто закрученных рогах семь ребристых колец — значит, семь лет прожил он на свете. Это зрелая молодость, лучшие, здоровые годы.

Противник не уступал вожаку ни ростом, ни шириной мускулистой груди, ни мощной тяжестью рогов; судя по восьми кольцам, был на год старше Толсторога.

Стадо поднялось на вершину хребта. Звери шли друг за другом, гуськом, и ступали след в след. Эту премудрость снежные бараны впитывают с материнским молоком: вожак лучше знает, где идти на опасной тропе, порою сто́ит отступить от его следа на ничтожный сантиметр — и поплатишься жизнью. Толсторог остановился; послушные ему, замерли бараны. Слева — пологий спуск в долину, справа — пропасть; спуск и пропасть разделяла небольшая наклонная площадка с мелкока-

менистой осыпью. Толсторог и «заместитель», претендовавший на роль вожака, отделились от стада, заходили медленными кругами по этой площадке. Вся хитрость заключалась в том, чтобы внезапной атакой, неожиданным ударом рогов сбросить противника в пропасть.

Первым с наклонной плоскости бросился в атаку Толсторог. Но «заместитель», зорко следивший за ним, успел принять оборонительную стойку, крепко уперся слегка расставленными задними ногами в мелкие камни и пригнул голову. Удар! Звук столкнувшихся рогов забился о скалы, полетел в ущелье. Задние ноги «заместителя» по ляжки зарылись в осыпь. Они очень сильные, задние ноги снежных баранов, позволяют зверям ловко взбегать почти на вертикальные скалы, упираясь копытцами в малейшие выступы.

Бараны разошлись и снова заходили кругами. Улучив момент, в атаку ринулся «заместитель». Толсторог мгновенно принял оборонительную позу и выдержал страшный удар. Стадо полукольцом сгрудилось возле площадки, звери напряженно следили за битвой.

Поединок мог продолжаться бесконечно, и только оплошность одного из бойцов привела бы к поражению, потому что силы противников были равны. Если бы не один, казалось бы, незначительный изъян «заместителя»... Два года назад его настигла браконьерская пуля. Ранение оказалось вроде бы легким: свинцовая смерть насквозь прошила ляжку задней правой ноги, не задев кость. Но временами от сильной усталости раненая нога начинала болеть нестерпимой болью. Правда, стоило барану недолго полежать, отдохнуть, расслабить мышцы, как боль успокаивалась. Пуля, верно, задела нерв. И сейчас после четвертой атаки вожака, мощных ударов его рогов, когда задние ноги «заместителя» по ляжки зарылись в грунт и напряглись до предела, произошло то же самое. Баран не мог больше сопротивляться. И пятый удар оказался роковым. Зверь кубарем покатился к пропасти. На каменистой кромке, разделявшей жизнь и смерть, бытие и небытие, «заместитель» затормозил ногами. Вожак тотчас настиг противника, поддел рогами, и тот с жалобным криком полетел вниз. На середине отвесной скалы он ударился туловищем о выступ. Крик оборвался. Потом послышался всплеск: на днище протекал ручей.

...Стадо паслось на высоте, в седловинке. Пища была скудная. Бараны раскидывали снег и поедали насквозь промерзшие лишайники, кору карликовых ив. Вожак и два «заместителя» тоже кормились, однако не забывали время от времени оглядывать окрестности, чутко прислушиваться. Острому зрению, отменному слуху снежных баранов позавидует любой зверь. Что мешало стаду спуститься в долину, где под снегом было вдоволь и грибов, и голубики, и мхов? Там была тайга. Бараны боятся леса. Деревья мешают разглядеть притаившегося хищника, скрадывают звуки. В тайге надо полагаться на обоняние, а нюх у баранов неважный.

Не каждый зверь перенес бы долгую голодную зиму и дотянул до кормилицы-весны, если бы впрок не нагулял к холодам жиру.

Набив желудок пищей, звери во главе с вожаком шли под защиту скал, спасаясь от леденящего беспрерывного ветра, и там, в затишье, тесно прижавшись друг к другу, пережевывали жвачку.

Толсторог резко вскинул голову. Слух его уловил далекий шорох снега, хриплое дыхание. Выпуклые светлые глаза внимательно обвели заснеженный склон горы. Нет, ничего не видно. Но эти подозрительные звуки, нарастающие с каждой секундой,— откуда они?

Из-за лобастого обледенелого гольца, утвердившегося на склоне, отделилось что-то темное, вытянутое, гибкое. Затем еще и еще. Одна за другой легкие серые тени заскользили по склону сопки к седловине, где кормились бараны.

В мгновение ока Толсторог взвился на дыбки и бешеным галопом помчался прочь. Следом, повинуясь веками выработанному инстинкту, за вожаком устремилось все стадо.

На снежных баранов опять — в который раз! — напала волчья стая. С осени кормились хищники возле стада. Нагнав и растерзав одного-двух баранов, они исчезали на неделю, а то и больше, затем, проголодавшись, по следу отыскивали живую добычу, и снова самка или молодой, неопытный самец становились их жертвой. Вожаку надо было придумать и предпринять что-то такое, чтобы навсегда освободиться от врагов, погубить их. Иначе к весне от стада не останется ни одного барана. И Толсторог придумал такой маневр. На то он и вожак.

Его план был чудовищно жесток и коварен. Снежные бараны довольно легко оторвались от волчьей стаи. На короткое расстояние они бегут быстро. Но погоня затягивалась, и ослабленные бескормицей звери стали уставать. И тогда Толсторог «передал» свои «полномочия» одному из «заместителей», а сам замер. Стадо промчалось мимо. Вожак поджидал врагов. Он подпустил волков почти вплотную, затем, круто набирая скорость, длинными прыжками побежал прочь. Он хотел увести хищников от стада, и ему это удалось: все волки бросились за Толсторогом.

Вожак легко уходил от преследователей. Взлобки сменялись седловинами, седловины — взлобками. Как бы дразня хищников, он часто останавливался, подпускал их на короткое расстояние и снова бросался вскачь. Толсторог вел стаю к той страшной пропасти, к тому обрыву, на вершине которого осенью дрался со своим «заместителем».

До пологого склона, за которым была пропасть, оставалась сотня метров, когда ноги барана вдруг резко замедлили стремительный бег. Сам не желая того, он угодил в ловушку. Внизу, сплошь засыпанный снегом, рос стланик-кедрач. Ноги тяжелого — девятипудового — зверя проваливались в щели между искривленными, переплетенными стволами, беспрестанно цеплялись копытами за деревья. Баран забарахтался, забился в снегу, подобно большой рыбине, плененной крепкой капроновой сетью. Волки же были намного легче Толсторога, и стланик-кедрач не мешал им бежать. Хриплое дыхание ближе, ближе. И вот один из хищников, лязгнув зубами, с разгону налетел на зверя. Он хотел утвердиться на его загривке, вцепившись когтями и зубами, но вожак вовремя развернулся и ударил врага одновременно толстыми рогами и копытами передних ног. Хищник взвыл от боли и отлетел в сторону. Толсторог, по брюхо увязая в снегу, бросился прочь. Баран наверняка бы погиб здесь, если бы предательская роща стланика-кедрача все тянулась под снегом. Но она неожиданно оборвалась. Внизу был надежный, утрамбованный ветрами твердый снежный наст. Толсторог опять оторвался от стаи. Птицей он взлетел по склону и остановился на занесенной снегом каменистой площадке над пропастью.

На виду у волков Толсторог начал спускаться по немыслимо крутой, почти отвесной стене пропасти. В пяти-шести метрах от кромки под нависшим обрывом находился удобный выступ, гранитный козырек. Зверь прыгнул на него и стал терпеливо ждать. Волки сгрудились над пропастью. Они были страшно голодны: животы втянуты, как у гончих, с губ свисала длинная тягучая слюна, желтые глаза горели бешенством. Хищники чуяли сильнейший запах живого мяса, но не видели под нависшим камнем стоявшего барана. Долго не могли звери решиться на рискованный спуск. Но вот снизу, совсем рядом, послышалось: «Бэ-эээ!» Вожак умышленно прокричал, как бы поддразнивал врагов: вот, мол, я, хватайте меня! От голода звери утратили элементарное чувство осторожности. Один из них, видимо самый ловкий и храбрый, выставил вперед лапы и медленно начал продвигаться вниз. Когти, врезаясь в обледенелые выступы, удерживали зверя на крутом склоне.

Волк скрылся от глаз стаи за лобастым камнем. Он увидел снежного барана, стоявшего на удобном гранитном карнизе, который нишей врезался в скалу. До этого карниза было рукой подать, всего один не особенно сильный и рискованный прыжок. И хищник прыгнул на карниз. Но прежде чем его лапы коснулись гранита, Толсторог вихрем подлетел к волку, ударил его рогами, и тот, рассекая морозный туман, полетел в пропасть. Через минуту-другую снизу донесся мягкий стук.

«Бэ-эээ!» — прокричал вожак. Криком он как бы приглашал следующего.

За лобастым навесом звери не видели страшной смерти товарища. В противном случае они, конечно, не последовали бы его примеру. Сейчас их не занимал вопрос: куда исчез волк, почему баран кричит не предсмертным, а обычным своим криком? Рядом было живое пахучее мясо, и голод гнал зверей к желанной цели. Один за другим через короткие промежутки времени волки спускались по обрывистой стене, и каждого встречал удар широких рогов снежного барана. И когда последний хищник полетел в пропасть, Толсторог, отталкиваясь сильнейшими задними ногами, в два прыжка взлетел наверх. Он огляделся, прислушался: нет ли где еще какой опасности? Опасности не было. И вожак неспешно побежал догонять свое стадо.

А в воздухе с картавым карканьем уже кружили крупные иссиня-черные северные вороны. Поразительно: гибнет какой-либо зверь за десятки верст — и эти птицы в ту же минуту неведомым, непостижимым путем узнают о происшествии и спешат на пиршество.

Вороны спикировали на днище и стали рассекать клювами, разрывать острыми когтями волчьи трупы. Пищи было вдосталь, и здесь они жили и кормились долгое время.

В середине лета, когда на днище стаял снег, на каменистом берегу ручья шагавшие маршрутом геологи обнаружили двенадцать тщательно обглоданных скелетов. Они верно определили, что это волчьи скелеты. Но как сюда попали звери, почему они погибли — это для людей навсегда осталось тайной.

Май растопил мороз, до осени прогнал пургу. Яркое молодое солнце все ощутимее грело нос и губы снежных баранов. Молодняк резвился на южных склонах гор — солнцепеках: радовался весне, теплым лучам, шальному запаху оттаявшей коры и земли. Разве что взрослые, заметно отяжелевшие самки понуро бродили, с трудом перепрыгивали с камня на камень. Они почти ничего не ели.

Но такое состояние длилось недолго. Выбрав укромный уголок, самка ложилась. Полдня она кряхтела, жалобно блеяла и наконец разрешалась от бремени. Мать преображалась в считанные часы. Исхудавшая, разом похорошевшая, она жадно, возбужденно облизывала совершенно беспомощного малыша, лежавшего на жесткой щетине лишайника, ударом маленьких изящных рожек отгоняла чрезмерно любопытных соплеменников. Через день детеныш вскакивал, словно пружина, на ноги и трусил за матерью, скача по камням с врожденной прытью и ловкостью. Звери полиняли. Дымчато-серый густой и длинный подшерсток вылезал, уступая место короткой летней дымчато-коричневой одежде. Но зимняя шерсть вылезала не сразу, она сбивалась клочьями на боках и на крупе, и снежным баранам приходилось тереться о камни, чтобы освободиться от этих клочьев.

То там, то здесь вспыхивали ярко-зеленые островки молодой травы, и животные с жадностью набрасывались на лакомую пищу. Они пополняли почти израсходован-

ный за долгую зиму запас витаминов в организме. Но, пожалуй, еще больше их притягивали солонцы, благо минеральными источниками Камчатка не обижена. Звери по нескольку часов кряду били копытами землю, грызли, жевали, сосали комья с белыми кристалликами соли. Без соли и шерсть не густа, и рога не крепки, и пища плохо переваривается в желудке. На солонцах снежные бараны начисто теряли свою вошедшую в пословицу осторожность и становились легкой добычей четвероногих хищников. Двуногий хищник, браконьер, самый страшный из хищников, зная эту их слабость, частенько со взведенными курками подсиживал животных возле выходов поваренной соли...

Начальник аэрогеологической партии Шамардин, бородатый сорокалетний мужчина, сегодня не вышел в маршрут. Он ждал в гости высокое начальство: начальника экспедиции и главного геофизика треста. Радиограмму о приезде начальства дали неожиданно, всего за несколько часов, и сейчас Шамардин сидел в камералке и спешно писал отчет. Одновременно геолог чутко прислушивался: не летит ли вертолет?

Наконец послышался басовитый гул машины. Шамардин накинул на плечи штормовку и вышел из палатки.

Ми-4, перевалив хребет, уже вышел в долину, где находился центральный лагерь партии. Описав круг, вертолет снизился и опустился на подготовленной еще с весны каменистой площадке, окаймленной белыми флажками из марли.

Дверца багажного отделения открылась. Начальник экспедиции с главным геофизиком, люди пожилые, тучные, тяжело ступили на землю. У одного на поясе висела кобура с пистолетом, у другого за плечом торчал ствол армейского карабина с высокой мушкой.

Геологи поздоровались.

— Прошу в камералку,— пригласил гостей Шамардин.— Кофейку с дороги?

На лицах начальников выразилось нескрываемое разочарование.

— Ты только глянь на этого недоросля,— сердито сказал начальник экспедиции своему спутнику.— Ко-

фейком свое начальство встречает! Хитрости в тебе, Шамардин, ну ни на грош...

— Предложил бы кое-что покрепче, да нету,— буркнул Шамардин.— В партии сухой закон, сами знаете.

— Да непьющие мы! — досадливо поморщился начальник экспедиции.— Отпили свое: у одного печенка, у другого селезенка...

К Шамардину подошел командир вертолетного экипажа, поинтересовался, есть ли для Ми-4 работа в партии. Обычно такая работа всегда находилась: один отряд надо забросить на точку работ, в «выкидушку», другой, наоборот, вывезти в центральный лагерь. Сейчас же работы не было. Командир экипажа протянул начальнику партии летный лист. Шамардин извлек из кармана авторучку, собираясь проставить в графе время, которое проработал в партии вертолет.

— Погоди.— Начальник экспедиции взял летный лист.— Потом это.

— Почему? — удивился Шамардин.

— Тьфу, черт!.. Не получится из тебя подхалима, Шамардин, не получится... Эгоист ты до мозга костей, вот ты кто! Ведь я почти безвылазно в штабе сижу, в Петропавловске; он,— начальник экспедиции ткнул пальцем своего спутника,— в тресте, в Москве. Бумажки с места на место перекладываем, штаны протираем. Забыли, как тайга пахнет. Для нас каждая такая вылазка — словно праздник.

— Запах пороха забыли,— прозрачно намекнул главный геофизик.

— А-аа...— протянул Шамардин.— С вертолета поохотиться хотите? Да так бы и сказали сразу. Очень даже кстати: у нас мясо на исходе, а совхоз поставку оленины задержал.

— Наконец-то дошло! Слава тебе господи...

— Живо в вертолет. Верст за пятнадцать отсюда с воздуха барашков усекли. Они на солонце пасутся.

...И главный геофизик, и начальник экспедиции, и начальник партии считали себя порядочными, честными людьми. Казалось бы, таковыми они и были на самом деле: делали тяжкую и очень нужную работу, влюбленные в геологию, трудились на износ, кормили, воспитывали своих детей, не подличали и не ловчили. И если бы им кто сказал, что они совершают уголовное преступле-

ние, собираясь убить снежного барана, занесенного в Красную книгу, они бы рассмеялись в ответ: полноте, одним бараном больше, одним меньше — есть ли разница? Шалость это, но никак не преступление. То, что сотни геологических партий, разбросанных по Сибири и Крайнему Северу, за редчайшим исключением, допускают подобные «шалости», варварски, в упор расстреливая с воздуха и снежных баранов, и белых медведей, и красавцев диких оленей, геологи как бы упускали из вида.

Не везде есть егерские посты и охотинспекция; надо лишь держать язык за зубами, и все будет шито-крыто. А как же с летным листом? Ведь вертолетчикам нужно отчитываться о проделанной работе. Да очень просто: время, затраченное на преступную охоту, в летном листе отмечается как работа по переброске отрядов. Бумага все вытерпит; своя рука владыка. Использовать государственный вертолет, жечь дорогой государственный авиабензин, и все для своей прихоти, для своего удовольствия,— явный обман? Что вы! Тоже «шалость».

Трое цивилизованных людей были отброшены в каменный век. Но они были несравнимо страшнее и опаснее неандертальца. Тот добывал пищу деревянным копьем с каменным наконечником и не располагал ни вертолетом, ни карабином, ни пистолетом.

Час назад Толсторог слышал вертолетный гул и принял его за долгие громовые раскаты. Это обстоятельство не обеспокоило его. Снежного барана не пугали ни гром, ни сверкание молний.

И сейчас, когда снова раздался гул, похожий на громовой раскат, он не испугался, не побежал, а только насторожился. Своими острыми глазами вожак оглядывал склоны гор, хребты, долину, но не догадывался посмотреть наверх, на летящий вертолет, потому что на стадо баранов враги никогда еще не нападали с неба.

Металлическое чудовище, вынырнув из-за хребта, понеслось на сгрудившихся животных. И только теперь Толсторог бросился бежать; за вожаком устремились все бараны. В грохот машины вклинились резкие, отрывистые звуки. Били с трех стволов из распахнутой дверцы багажного отделения. Что-то жгучее коснулось пра-

вого рога вожака, просвистев, ударилось о камни. Вторая пуля ожгла кожу на холке.

Жалобный крик заставил Толсторога на ходу обернуться. Один из баранов как бы споткнулся в беге, раз пять перевернулся через голову, лежа на спине, быстро-быстро задергал ногами и замер. К нему подбежал сосунок, но мощный поток воздуха, поднятый винтом, отогнал мальца. Машина приземлилась рядом с убитым зверем. Из багажного отделения выпрыгнули вооруженные люди, поспешили к добыче. Глаза их сверкали хищным блеском. Этот звериный блеск в человеческих глазах принято называть охотничьим азартом.

— Это я, я ей вмазал! — радостно сказал начальник экспедиции и склонился над своей добычей.

Баран был самкой, кормящей матерью. Из сосцов зверя сочилось пахучее густое молоко.

Главный геофизик испытывал жгучее чувство охотничьей зависти. В сердцах он выругался и сказал:

— А я промахнулся! Бил по самцу, что впереди бежал. Уж больно рога хороши! Так бы замечательно в квартире гляделись...

Начальник экспедиции, очевидно, понял состояние товарища.

— Далеко не уйдут, догоним! — предложил он.

— Машина в поселке нужна...— запротестовал было командир экипажа.

— Проставим тебе лишний час, о чем разговор. В машину, ребята!

Добычу затащили в багажное отделение. «Вертушка» снова оторвалась от земли.

Толсторог во главе стада мчался по зигзагообразной вершине хребта, когда в небе опять появилось грохочущее чудовище. Зверь устремился в ложбинку. Туда же полетел вертолет. Тогда вожак бросился в долину. И Ми-4 тоже полетел в долину.

От волчьей стаи можно было спастись, забравшись на вершину скалы. От двуногих хищников спасения не было.

Первый же выстрел оказался роковым для зверя. Острая пуля пробила спинной хребет и парализовала задние ноги.

Мимо вихрем промчались бараны. Стадо возглавил один из «заместителей».

Толсторог пополз на передних ногах, волоча за собою омертвелые задние. Ми-4 снизился до предела. Вертолетчики не рискнули сесть на сыпучей мелкокаменистой осыпи, боялись завалиться набок. Люди спрыгнули на землю, побежали к раненому снежному барану. Тот полз с черепашьей скоростью, раздирая брюхо об острые камни.

Главный геофизик вскинул карабин, прицелился.

— Не м-могу...— дрогнувшим голосом произнес он и опустил оружие.

— Чего-чего, а сопли мы умеем распускать. Баба худая! — сердито буркнул начальник экспедиции и дважды выстрелил из своего персонального ТТ в крутолобую голову Толсторога.

Угнетенное состояние главного геофизика, вызванное убийством беззащитного, миролюбивого животного, длилось, однако, недолго. А когда в центральном лагере из бараньей грудинки сделали вкуснейший шашлык и от головы отделили тяжелые витые рога, оно вообще исчезло, улетучилось.

Начальник экспедиции поднял рога и приставил их к толстому стволу лиственницы.

— Ну как? — спросил он товарища, жуя шашлык.

— Отлично! — ответил главный геофизик.

— Их ты повесишь в гостиной. А рожки самочки — в служебном кабинете. Чтоб сослуживцы от зависти позеленели!

РОДИНА — АРКТИКА

Клева не было — менялась погода. Недаром ночью ныли и трещали мои колени. Лет пять назад на Камчатке разбойный весенний паводок залил мою палатку, в которой я заночевал, находясь в двухдневном маршруте. Помнится, я отмахал тайгою километров сорок и, на свою беду, спал мертвым сном. Проснулся, когда ледяная вода аж в рот залилась. ОРЗ не было — Крайний Север за два десятка полевых сезонов навсегда излечил от этого недуга,— но вот ноги я не уберег. С тех пор нытьем и трещанием коленных суставов — как северный ворон, этот общепризнанный живой барометр, своим картавым криком — я безошибочно пред-

сказываю перемену погоды за десять—двенадцать часов. Геологи советуют мне поступить в штат Всесоюзного бюро прогнозов, чтобы наконец наладить там работу.

С Северного полюса по дрейфующим льдам, не встречая преград на пути, налетел ледяной ветер; я смотал самодур — леску с грузом на конце и нанизанными на нее разнокалиберными крючками с красными плексигласовыми шариками вместо наживки. Ветер ударил в скалы арктического острова, сбил с птичьего базара тучи пернатых. Поднялся невообразимый галдеж. Байдара, в которой я рыбачил возле льдин, закачалась. Свирепый ветер ожег лишь кисти рук да лицо. Все остальное было надежно укрыто непродуваемым и непромокаемым легким водолазным костюмом, превосходной одеждой для рыбалки в Северном Ледовитом океане. Похоже, к вечеру пойдет снег. Такое здесь частенько случается в июле.

Я уже собрался сняться с якоря и завести мотор, но, глянув на моржей, сел на корму и решил не торопиться к берегу. Казалось бы, мы, буровики, безвылазно проработавшие на острове полтора года, должны привыкнуть к этим морским зверям, как, например, лесники привыкают к постоянному соседству лосей. Но нет! Выдастся свободная минутка — идут мужики к полосе чистой воды, отделяющей дрейфующие льды от острова, как мальчишки, нетерпеливо выхватывая друг у друга бинокль. Или садятся в байдары, чтобы вблизи посмотреть на диковинных животных.

Моржи были везде, куда ни глянь: в воде, на льдинах, на скалистом клочке суши размером с теннисный корт возле самой кромки дрейфующих льдов. Буровики пробовали сосчитать, сколько же их на самом деле, и не смогли; думаю, четыре-пять сотен, не меньше.

Иногда раздавался громкий, душераздирающий вопль — это зверь слишком долго пролежал на солнце, сильно обгорел и, проголодавшись, свалился в ледяной океан на кормежку.

Скалистый «корт» — излюбленное место отдыха гигантов, кажется, там и яблоку упасть негде. Лежат они прижавшись, положив клыки на бока соседей. Но, несмотря на тесноту, моржи то и дело выбираются на крошечный островок.

Вот из океана вылез здоровенный самец; в нем тонны полторы и метра четыре в длину. Наглый, уверенный в победной своей силе, он тяжелым вездеходом полез по спящим животным в поисках места для отдыха; не отыщет, так столкнет в воду слабого, будьте уверены. Крайний зверь, по которому он начал путешествие, разумеется, проснулся. Не поняв спросонья, кто его придавил, он всадил клыки в бок соседа; тот взревел и незамедлительно вонзил клыки в своего соседа; третий проделал то же самое. Наглый самец уж давно нашел себе место, задремал, а волнение на залежке не прекращалось, пока клыки не вонзили в моржа, лежавшего с противоположной стороны острова; впрочем, этот крайний зверь мог ответить действительному обидчику, и тогда удары посыпались бы в обратном направлении. Кое-кто пускал в ход не клыки, а бил мнимого забияку ластой по морде.

А вот и Варвара Терентьевна, незамедлительно подплывающая к моей байдаре, едва я отталкиваюсь веслом от берега. Судя по размерам, это взрослая самка (возможно, молодой самец, не в этом суть). Моржи вообще чрезвычайно любопытны, но сия дама, уверен, ко мне явно неравнодушна. Час, два ли часа сижу я, дергая самодур, а Варвара Терентьевна («Любопытной Варваре нос оторвали», отчество я взял с потолка) торчит в десяти метрах от байдары, высунув из воды морду и часть округлой спины. Буровики советуют признаться ей, что у меня на материке жена и двое детей, тогда, мол, она отстанет. Я не решаюсь: а вдруг не отстанет, напротив, разволнуется? Захочет обнять на прощание? Положит на борт клыки да перевернет байдару! Любопытства ради моржи проделывают такие штучки с рыбаками. Нет уж, пусть остается в неведении. Правда, у меня есть шанс врубить «Вихрь» и спастись бегством. А вдруг мотор забарахлит?

Ну а если серьезно, я не могу отделаться от мысли, что моржи послали Варвару Терентьевну наблюдать за мною, возможно, даже изучать меня. Ведь это только нам, людям, кажется, что царь природы — человек. Мы и мысли не допускаем, что лоси, белые медведи, моржи или северные вороны думают о себе то же самое...

Правда, красотою Варвара Терентьевна не блещет. Прически никакой — лысина; из верхней губы торчат усы, смахивающие на пустые стержни от шариковой

авторучки; глаза широко поставлены и навыкате, рачьи, вращающиеся, как на шарнирах.

За Варварой Терентьевной плавали две моржихи со своими недавно рожденными чадами. Один был совсем маленький, с густым серебристым мехом, чуть больше метра длиной и весом с центнер; другой покрупнее, уже сменивший серебристую шубку на жесткую бурую.

Детеныши бестолково били ластами по воде, пронзительно лаяли, коротко разогнавшись, торпедировали своих родительниц. Они просили покатать их. И вот моржиха, у которой был серебристый малыш, наконец обхватила ненаглядное чадо передними ластами, прижимая к груди, как младенца, заходила кругами. Детенышу, однако, вскоре надоело кататься просто так, и он решил совместить приятное с полезным. Рывком перевернулся вверх ногами, то бишь ластами, и принялся под водою сосать мать; обычно он занимается этим делом на суше или на льдине. Глядя на соседку, и другая моржиха решила покатать своего малыша, но только другим способом. Бурый отпрыск ловко залез, оседлал загривок родительницы, крепко обхватил его передними ластами, и самка поплыла, набирая скорость. Мордаха бурого довольная, прямо-таки счастливая.

Мать всегда мать... Посмотрите на ту вон самочку, что завалилась на бок на льдине, подставив детенышу все свои четыре сосца. И поза, и полузакрытые глаза, и слегка подрагивающий ласт — все говорит о наслаждении, истоме кормящей матери. И рожает она в муках. Крепко опершись передними ластами о лед, она корчится, извивается от боли, все заглядывает вниз: не появился ли детеныш? Новорожденный вылетает на льдину подобно тяжелому ядру. Мать трет пуповину бивнем, пока не перетрет ее. Потом моржиха моет новорожденного в океане. Стаскивает в ледяную воду, полощет, как тряпку, а затем затаскивает обратно. Моржонок жалобно кричит...

А вон слева, возле самой кромки дрейфующих льдов, два самца что-то не поделили. Они с ворчанием плавают в полынье, внезапно начинают реветь, трубить, бить ластами по воде. Изредка то один, то другой бросается в атаку, всаживает клыки в бок или шею противника, лупит ластой по морде. И не дают друг другу возможности выбраться на льдину. А, ясно! На льдине самочка.

Вот она, извечная причина раздора. Что ж, и между людьми такое случается...

В каждой группе, в каждой группке, как бы мала она ни была, всегда есть морж-сторож. Он не смыкает глаз ни на минуту, охраняя дремлющих сородичей. Так солдат стоит на часах, оберегая жизнь и покой своих товарищей, спящих в казарме.

Наблюдать за моржами можно бесконечно, не надоест, но мне нынче выходить в ночную, перед работой надо бы отдохнуть; я послал воздушный поцелуй Варваре Терентьевне и взялся за капроновую веревку, намереваясь поднять якорь.

Громкий трубный рев, звук опасности, раздавшийся почти одновременно из разных моржовых групп, заставил меня насторожиться. Ревели самцы-сторожа. Звери проснулись, заволновались, закрутили лысыми головами. И все посмотрели в одну сторону, туда, где на льдине, крайний в стаде, отдыхал молодой морж. Я прикрыл ладонью глаза от солнца, изрядно надоевшего и шпарившего почти с одинаковой яркостью круглые сутки. Ах, вон в чем дело! С противоположной стороны на льдину, для маскировки прикрывая дегтярный нос правой лапой, из океана выбирался белый медведь.

В том, что я увидел белого медведя, не было ничего поразительного. За полтора года буровики вдосталь насмотрелись на них, особенно голодной зимою, когда владыки Арктики в поисках пищи выгрызали заледеневшие объедки на свалке, как нищие в ожидании подаяния, подолгу стояли возле двери барака. Лошадь, завезенная на остров, думаю, удивила бы нас больше белого медведя.

Поразительно было то, что я увидел грозного зверя в деле, на охоте. Разве что житель глухой эскимосской деревни, затерянной на побережье Ледовитого океана, может похвастать такой удачей.

Эскимос, навестивший буровиков поздней осенью (он приехал на остров промышлять песцов), однажды был свидетелем охоты белого медведя на моржа и рассказал нам об этом.

Хищник увидел самочку и детеныша, отдыхавших на льдине у подножия высокого тороса. Умный зверь не пошел в лобовую атаку: мать с малышом, заметив опасность, успеют нырнуть в океан, а в воде моржи лов-

чее медведя, явно уйдут от преследования. Он предпринял другой, более надежный прием охоты. Сделал большой крюк, обогнул дремлющих животных, зашел к ним с тыла, с подветренной стороны. Всаживая мощные когти в ледяные выступы, залез на торос. Прыжок с высоты на самку был дерзок, внезапен. Клыки впились в толстый сытый загривок, и почти одновременно медведь нанес ужасающей силы удар лапой по черепу. Моржиха ткнулась клыкастой мордой в лед, даже ластой не дернула. Детеныш не успел допрыгать до воды, был настигнут возле кромки и убит таким же способом.

Но подобный маневр здесь не годен: льдины, на которых лежали моржи, были плоские, как столы, торосы начинались лишь мили за три от берега.

На какую же хитрость пойдет белый медведь, чтобы добыть моржа? Да и решится ли он напасть? Силы этих зверей одинаковы; в редких схватках, как правило, и победитель гибнет от ран. Готовые всегда дать врагу отпор, они могут быть рядом и как бы не замечать друг друга; точнее, как однажды сказал прекрасный писатель-натуралист Ричард Перри, они находятся в состоянии «вооруженного нейтралитета». Если уж и отважится медведь напасть, то не на взрослого самца. Детеныша добудет, неопытного, молодого, ну, самку может задрать. Очень странно и непонятно ведут себя в подобной ситуации грозные самцы. Они не отгоняют хищника заранее, словно ожидая, что он сам одумается и оставит стадо в покое. Самец бросается на врага слишком поздно, когда их сородич, сдавленный железными тисками когтистых лап, бьется в предсмертных судорогах...

Сейчас медведь своей жертвой избрал молодого самца. Я впился глазами в хищника. Мелькнула мысль выстрелом в воздух отогнать зверя, помешать кровавой охоте. Карабин лежит в байдаре. И тотчас пришло в голову иное: я не имею никакого права вмешиваться в неведомую мне жизнь арктических животных. Она идет по своим законам. Грубое вмешательство человека в природу приводит к трагическим последствиям, невосполнимым потерям. В наше время это аксиома, а она, как известно, не требует доказательств.

Между тем медведь ловко забрался на льдину. Это был здоровенный самец; вскинувшись на задние лапы, он был бы ростом не менее трех с половиной метров. Мо-

лодой морж приподнялся на передних ластах, вытянул шею, уставился на врага. Если медведь сразу ринется в атаку, тот успеет допрыгать до воды, и тогда можно с уверенностью сказать, что охота закончится неудачей. Но медведь был умен и чертовски хитер.

Сначала он решил усыпить бдительность вероятной добычи. Зверь лег тут же, где выбрался, и задремал. Дремал, однако, недолго. Приподнял голову, как бы случайно глянул на моржа. Тот продолжал лежать все в той же напряженной позе, готовый в любую секунду броситься к воде. Медведь опять «заснул», однако не забыл чуть-чуть передвинуться по направлению к желанной цели. Словно мнимый ледяной бугор мешал лежать ему на этом месте. И вновь «проснулся», вроде бы невзначай глянул на моржа. Тот, неопытный, небитый дурачок, успокоился, лег. Медведь еще разок передвинулся. Почистил когти передних лап. Затем принялся кататься по льдине. Вроде бы вытрясал из шкуры паразитов. Расстояние между ними постепенно сокращалось.

Морж наконец заподозрил неладное, запрыгал к кромке льдины. Медведь, мгновенно обнаружив свои намерения, со всех ног бросился за ускользающей добычей. Мне показалось: трагедия неизбежна. Черта с два! Морж, узрев погоню, вдруг начал кувыркаться, переворачиваться и достиг кромки с потрясающей быстротою. Такой прыти от этого громадного мешка, набитого тяжелым жиром, я никак не ожидал. Он свалился в океан, нырнул и появился на поверхности воды минут через десять за полмили от льдины. Медведь, конечно, не решился его преследовать в воде. Он сидел у самой кромки, ревел и от досады бил лапой об лед.

Нападение было явное, да и цель ясней ясного. Несмотря на это, моржи не изгоняли наглеца. Выжидали. Разве что одна Варвара Терентьевна не видела, не чуяла грозного хищника и продолжала смотреть на меня из воды своими влюбленными рачьими глазами.

Я терпеливо ждал, гадая, на какую же иную хитрость пойдет медведь, чтобы добыть пищу. И совершенно забыл о часах, хотя времени оставалось в обрез: поужинать да спешить на буровую.

Хищник побрел вдоль стада, разбросанного на дрейфующих льдах. У залежек взрослых зверей он не задерживался, а останавливался возле моржих с детеныша-

ми. Но с появлением белого медведя, когда раздался трубный рев опасности сторожей, к каждой самке с малышом, отдыхавшей на льдинах, подплыл, забрался самец. Для охраны. И сейчас, едва медведь приближался к ним, самец громко ревел, тряс клыкастой мордой и делал выпады в сторону врага. Разбойник, пятясь толстым задом и огрызаясь, отступал.

Ему надо было прибегнуть не к обычному, а к сложному, недоступному пониманию моржей способу охоты. И он прибегнул к такому маневру. Видно, в запасе у зверя был целый арсенал приемов добычи пищи, от простейших до головоломных.

Зверь прилег на кромке льдины. Справа от него в двухстах метрах, тоже возле самой кромки, отдыхала моржиха с детенышем под охраной могучего самца. Хищник находился на порядочном расстоянии, и морские звери не проявляли заметного беспокойства. Для вида подремав недолго, медведь осторожно погрузился в воду. Он плыл, прижимаясь к высокому торцу льдины, сверху его можно было заметить, только свесив голову. Наружу торчали лишь нос да глаза зверя, все остальное находилось под водой. Вскоре медведь остановился точно напротив моржей. Не видя зверей, сейчас он ориентировался по запаху. А моржи не чуяли хищника, он подкрался с подветренной стороны, все, подлец, рассчитал. Их разделяли всего полтора метра, толщина дрейфующей льдины. Внезапность, дерзкая наглость разбоя — вот на что надеялся медведь.

Моржиха в это время кормила детеныша. Она завалилась на бок, серебристый малыш пристроился к материнским сосцам. Самец лежал к ним задом, невозмутимо оглядывал ледяные поля. Нападения с воды он не ожидал.

Я толком и не разглядел, как медведь забрался на льдину. Произошло это мгновенно, прыти тяжелого, с виду такого неповоротливого зверя позавидовала бы самая быстрая обезьяна. Он схватил за горло клыками детеныша, буквально оторвал его от сосцов, задрав морду, чтобы не волочилась добыча, побежал в паковые льды. Самец запрыгал вдогонку. Но медведь на суше проворнее моржа. И это разбойник учел.

Не мог он предвидеть одного: того, что дюжина здоровенных самцов окружила льдину, когда он находился

в воде. И я этого не заметил. Намеренно ли они, улучив момент, окружили настырного, непрошеного гостя? Может быть. Недаром эскимосы очень высокого мнения об уме моржей, хотя первое место по уму среди арктических животных они отдают белому медведю.

А дальше все произошло в течение минуты...

Самцы разом, словно по команде, с ревом запрыгали к врагу. С разных сторон. Тот оставил на льду моржонка с прокушенной шеей. Не до жиру, быть бы живу; не до добычи, лишь бы ноги унести. Но прорвать клыкастого кольца медведь не сумел. Первый же удар клыков в бок повалил хищника на лед. «О-оо-ооох!..» — донесся до моего слуха громкий и протяжный вздох. Моржи сгрудились, заслонили белую тушу толстыми телами...

К месту расправы из разных залежек запрыгали моржи. Толкаясь, они тоже сгрудились над поверженным зверем. Каждый хотел ударить бивнями врага.

Когда морские звери понемногу разбрелись, на том месте, где упал неудачливый охотник, краснело, расплывалось большое пятно.

Потрясенный, я долго сидел в байдаре, глядя невидящими глазами на льдину, где разыгралась трагедия. И не сразу заметил моржиху, которая не уберегла своего малыша. Она беспрестанно оглаживала ластами детеныша, то и дело переворачивала носом неподвижное серебристое тельце. Оттуда доносились звуки, так походившие на женские вопли и рыдания, что мне стало не по себе. Потом мать вдруг обхватила труп правой передней ластой, прижимая к груди, бросилась в океан. У моржих врожденный инстинкт спасать детенышей, стаскивая их в воду. Они с большим опозданием понимают, что мертвого малыша уже ничто не сможет оживить.

Мать ходила большими кругами, теребила, как бы полоскала, перехватывала труп то одной ластой, то другой, затем выбросила детеныша на льдину, забралась туда сама. И вновь стала переворачивать его носом, оглаживать ластой...

Из состояния оцепенения меня вывел крик, раздавшийся с берега. Я оглянулся. На галечной косе виднелась знакомая коренастая фигура бурового мастера. Такой у нас закон: уходит человек из барака и непременно говорит, когда вернется; не возвратился вовре-

мя — на его поиски отправляют кого-нибудь из буровиков. Иначе в Арктике нельзя. Сгинешь бесследно.

Я посмотрел на часы, поспешно поднял якорь и запустил голосистый «Вихрь». Вскоре кожаное днище байдары коснулось гальки.

Варвара Терентьевна проводила меня до самого берега, потом развернулась и поплыла к своим сородичам.

— Что задержался? Клев хороший? — поинтересовался буровой мастер.

— Да какой там клев! Погода, видишь... Мишка моржонка задрал, а самцы его клыками забили.

— А, бывает,— невозмутимо ответил буровой мастер, будто ничего особенного не произошло.

Мы поднялись по каменистой тропке на невысокую сопочку. За нею, укрытый от жестоких ветров с полюса, стоял наш барак.

Прежде чем спуститься к жилью, я постоял на вершине, окинул взором моржовое стадо. Исполинские морские звери давно успокоились. Мать, не уберегшая детеныша, перестала реветь, положила морду на неподвижное тело малыша, и со стороны казалось, что она уснула. С полюса наползли фиолетовые тучи, из них, подстегнутые быстрым ледяным ветром, вылетали колючие снежинки, больно секли руки, лицо...

А может, и вправду ничего особенного не случилось? Ведь передо мною простиралась Арктика, жестокая и волшебная Арктика, живущая своими законами и не похожая ни на одну часть света.

СТАРЫЙ И МОЛОДОЙ

I

Он лежал без движений в густых зарослях дальневосточного папоротника за могучим стволом кедрача уже битых два часа, наблюдая за звериной тропой. В пустом желудке громко урчало, приходилось то и дело прижимать брюхо к земле, чтобы подавить предательские звуки.

Рассветные лучи понемногу слизывали густой туман; тропа, бегущая к водопою, виделась далеко, до подножия сопки. За это время по ней прошли только двое:

изюбр и белогрудый медведь. Они не учуяли амурского тигра, он затаился с подветренной стороны; напившись вволю, звери беспрепятственно скрылись в тайге. Лет десять — пятнадцать назад гигантская кошка наверняка вступила бы с одним из них в поединок и задавила бы через считанные секунды. Но сейчас тигр не решился напасть. Ему было сорок девять лет, и к зиме, самое позднее — к следующей осени он должен был подохнуть от старости. Давно обломаны, стерты когда-то грозные десятисантиметровые когти; как наждаком, стерты до десен семисантиметровые клыки. В ударе лапой не оставалось былой силы, а быстро бегать зверь не мог, сразу задыхался.

Нет, ни изюбр, ни медведь ему не по зубам, не по когтям. Добыча не должна быть такой крупной...

Долго таился Старый в засаде, боясь пошевелиться, даже почесать свою некогда роскошную, рыже-красную, с резкими черными полосами, а теперь запаршивевшую, постоянно зудящую, в лишаях, шкуру. Он уже хотел отправиться в обход «личного» охотничьего участка, огромной территории, равной ста тысячам гектаров, в надежде наткнуться на случайную добычу, когда слух его уловил далекий звук хрустнувшей ветки. Обоняние у тигров плохое, но чуткости слуха, остроте зрения позавидует любой зверь. Старый прервал дыхание, плотнее прижался брюхом к земле.

Раздались чавкающие звуки: тропа, защищенная от солнца буйными ветвями деревьев, была сыра, не просыхала и в жаркие дни.

Кто-то приближался, выдергивая копыта из вязкой почвы. Чавкающие звуки все слышнее, ближе...

Наконец глаза Старого различили серо-бурого сохатого с небольшими рогами. Это был не матерый сохатый — с ним бы тигр не решился на поединок,— а подросток, не набравший ни веса, ни силы. То, что надо! Старый пропустил сохатого, и зверь прошел к водопою, далеко выкидывая мосластые ноги. Пусть сначала вдосталь напьется, затяжелеет, тогда и совладать с ним будет легче.

Лось пил долго, жадно, однако не забывал время от времени поднимать голову и настороженно слушать тайгу: нет ли опасности? А Старый тем временем, где ползком, где мягкими, бесшумными прыжками, приб-

лижался к своей жертве. Вскидывал голову сохатый — тигр мгновенно замирал, пусть в самой неловкой, неудобной позе.

Не чует лось беду, ветерок от него дует. Опять горбоносая голова тянется к воде, желанная влага льется в глотку... Когда до пахучей горки живого мяса осталось пять метров, Старый спружинился, разом уменьшился в размере и прыгнул. Он сшиб лося с ног, и тот упал на мелководье, взметнув каскад брызг. Тигр оседлал противника и вцепился ему клыками в затылок. Тупые, стертые клыки только проскрежетали по кости. А раньше, помнится, он мгновенно прокусывал это место... Тогда хищник принялся перегрызать более податливые шейные позвонки. Мясо-то на загривке порвал, но, когда зубы добрались до тверди позвонков, полусгнивший клык с треском обломился и врезался в десну. Нестерпимая боль так и пронзила Старого. Он применил другой прием убийства. Перевернув жертву на спину, тигр уперся передними лапами в грудь животного и резко надавил, мотнув головою. В былые времена позвоночник сразу переламывался, и наступала быстрая смерть. Черта с два! В лапах дряхлого хищника не было достаточной силы.

Сохатый, изловчившись, сбросил смертельного врага и сумел подняться. Дробный бешеный галоп огласил глухомань. Задыхаясь в беге, Старый длинными прыжками бросился вдогонку. Казалось, еще секунда — и тигр настигнет лося, опять сшибет с ног. Двести, двести пятьдесят, триста метров... И хищнику пришлось оставить погоню. Дальше бежать с такой скоростью тигр не мог.

Он лег на тропе. Бока ходили со свистом и хрипами, как старые кузнечные мехи. Плохи дела. Совсем плохи дела. Лося-подростка добыть не смог! Видно, не давить ему теперь таежного зверя, не пировать единовластным хозяином.

Оставалось одно: воровать домашнюю живность у людей. В деревнях ее навалом: коровы, лошади, свиньи, козы. За всю свою долгую жизнь Старый не воровал из деревень, словно понимал, что это преступление, низкий, подлый поступок. Исключение составляли разве что собаки, деликатес, излюбленная пища гигантских кошек. Да ни один тигр не устоит, зачуяв желанный запах

собачатинки, непременно умыкнет четвероногого дружка у хозяина.

За полторы недели Старый добыл лишь зазевавшегося, не успевшего взлететь глухаря. И голод толкнул тигра на рискованное предприятие. То, что красть у людей живность — занятие чрезвычайно опасное, он понимал отлично: жаканы и карабинные пули, несущие смерть, не раз отгоняли его от поселков и деревень.

II

Скрывшись за стволом пихты, он долго осматривал светлыми немигающими глазами избы деревеньки, стадо коров, пасущееся на пойменном лугу, бородатого старика, прикорнувшего на ватнике. Возле человека валялся длинный витой кнут, лежала двустволка и дремала старая, как и хозяин, лохматая собака. Тихо. Разве что в кузне, на отшибе, вдруг послышатся резкие металлические звуки да скрипнет колодезный журавль. Изредка пройдет по слободке мужик, старый, морщинами побитый, непременно с бородой,— и опять тишина, вязкая и парная от излишней сырости.

Старый даже слюнки пустил, учуяв желанный псовый запах. Но собаку не взять: рядом с нею лежит человек, которого следует опасаться. И тигр перевел взгляд на буренок. Он был мудр, то есть осторожен и хитер, и понимал, что давить корову в стаде, на виду у пастуха, никак нельзя. Надо следить за отбившимися животными. И хищник терпеливо следил.

Кормясь, коровы разбрелись по лугу. Одна из них, крупная, с тяжелым выменем, паслась у самой кромки тайги. На нее-то и устремился звериный взгляд.

Терпеливое ожидание, выбор удачного момента для нападения — важнейшее условие успешной охоты.

Буренка наконец скрылась в тайге, видно, наткнулась там на хороший корм. Длинными бесшумными прыжками, скрытый от глаз человека и собаки буреломом, Старый приблизился к животному и отрезал ему обратный путь к лугу. Он не напал, а только показался корове. Шум поединка наверняка услышат человек и собака, и тогда придется уносить ноги. Пусть обреченное животное само отбежит подальше. И расчет оправдался:

корова, завидев гигантскую кошку, с неожиданной прытью галопом поскакала в глубь тайги.

Старый оглянулся и убедился в том, что треск сучьев не потревожил дремавшего человека, прикорнувшую у ног хозяина собаку. И лишь тогда начал преследование.

Ему не пришлось ударами лап сбивать ее с ног: зацепившись копытом за корневище, она сама растянулась на земле. Тигр оседлал жертву, затем рывком перевернул ее на спину. Упершись лапами в рыхлую грудь, он довольно легко переломил корове позвоночник.

Надо бы для безопасности оттащить тушу подальше от деревеньки, но у Старого не оставалось сил. А в молодости, помнится, он, добыв одичавшую лошадь, тащил ее без устали к воде несколько километров, перепрыгивая со своей тяжкой ношей завалы бурелома. Когда волочившаяся задняя нога жертвы застряла между деревьями, тигр так дернул тушу, что нога эта оторвалась.

Старость — не радость...

Прежде чем приступить к трапезе, хищник отдохнул, отдышался, затем отыскал ручей и долго пил. Вода облегчит работу желудка и кишечника. Потом жрал, жадно и долго, начав с задней части туши.

С голодухи он сожрал сразу килограммов тридцать нежного, пахнущего молоком мяса. И опять пил. Тщательно вылизал языком мех — умылся, поскреб обломанными когтями кору лиственницы, очистил их от пищи.

Обычно тигры съедают добычу целиком, находясь подле туши лося, коровы или изюбра неделю, а то и больше. Спят, пьют и едят, опять спят и вновь пьют и едят. Но Старый понимал, что сюда могут явиться люди, и тогда ему будет худо. И бросать горку вкусного мяса ему очень не хотелось. И мудрый старик придумал такой маневр: отдыхать, отсыпаться не возле туши, а на безопасном от нее расстоянии. Возвращаясь к своей добыче, он долго ходил кругами, нюхал землю, пытался отыскать подозрительные следы, зорко оглядывался, чутко прислушивался и только после этого приступал к трапезе.

Так продолжалось два дня. А на третий случилось непредвиденное: к растерзанной коровьей туше явилась стая волков. Старый еще издалека почуял ненавистный ему дух хищников. Ведь волки прожорливы чрезвычай-

но и питаются тем, чем и тигры. Словно сознавая кровожадность волчьей братии, гигантская кошка истребляет серых конкурентов нещадно и не успокоится, пока не задавит на своем участке последнего гангстера. Тигров называют истребителями волков. Там, где объявляются эти твари, живо исчезает таежная дичь.

Но что такое?.. Старый вдруг попятился, развернулся и побежал прочь. Дело в том, что возле своей жертвы он увидел не обыкновенных, а красных волков. Красных хищников он боялся панически. Не из-за цвета или каких-нибудь особенно агрессивных черт нрава, нет. Если в стае обыкновенных волков всего голов десять — двенадцать, то красные собираются по тридцати и больше. С таким количеством и царю дальневосточной тайги не потягаться...

Сытый и довольный, тигр-старик полторы недели отлеживался в уремном местечке, мурлыкал под нос немудреную песенку, а когда вновь начались голодные спазмы, побрел к деревне. Но не к той, из которой украл корову. Туда второй раз приходить опасно, можно поплатиться жизнью. К другой. Деревень во «владениях» тигра было, слава богу, достаточно.

III

Скрытый в густой осоке, он наблюдал за деревней с другого берега реки, и ничто не ускользало от внимательных глаз зверя. Вон прошла старуха в длинном черном платье и блеклом платке в горошинку. Темную морщинистую руку оттягивала непосильная ноша — ведро с водой. Потом в подшитых валенках, несмотря на жару, с сучковатой палкой в руке проплелся согнутый годами в три погибели дед, чуть ли не подметая пыль желтой от табака бородой. Молодежи в маленьких дальневосточных деревеньках почти нет: разбежалась по городам да крупным селениям. Не по силам, не по нутру ей извечный труд отцов и дедов — охотников-промысловиков...

Вот и солнышко за сопку горбатую скатилось, и пастух скотину по домам развел. И деревня заснула. На покой она отходила вместе с курами.

Тигр неслышно погрузился в воду и переплыл реку.

Без всплеска он вылез в камышовых зарослях и, прижимаясь к земле, пополз к длинному бревенчатому строению — свинарнику, оттуда вкусно, жирно пахло живым мясом. То и дело вожделенный запах псины, доносившийся из деревни, заставлял Старого поворачивать голову, облизываться, но он подавлял искушение отведать лакомства.

Наконец зверь возле свинарника. Крадучись обошел строение. Раздумывал: сделать подкоп? Сломать ударами лап дощатые ворота? На подкоп уйдет немало времени, ломать ворота — значит поднимать сильный шум. Все-то он понимал...

Старый махом вспрыгнул на дранковую крышу. Жиденькое замшелое перекрытие прогнило от времени и сырости.

В том месте, где стоял тигр, крыша вдруг прогнулась и рухнула под тяжестью тела. Зверь упал прямо на спины отдыхавших свиней. Животные тотчас подняли невообразимый визг. Старый оставался в замешательстве считанные секунды. Ударом лапы он убил первую попавшуюся свинью и с добычей в зубах через прореху крыши перемахнул на волю. Пожирать тушу возле свинарника не решился, переплыл с нею на другой берег.

Хищник вдосталь нажрался жирного парного мяса. Половину туши оставил. Попив водицы и немного передохнув, он вновь явился к свинарнику и тем же манером добыл другую свинью. Притащил ее к месту трапезы. Все было тихо... Старый решил зарезать третью и оттащить всю добычу подальше от деревеньки. Он заготовлял пищу про запас.

Он уже собрался вспрыгнуть на крышу, когда сверху вдруг ударил упругий слепящий луч фонаря.

— Стервь! Морда нахальная! Вот я тте щас покажу!..— Из прорехи крыши высунулась голова с окладистой бородой. Затем воздух вспорол гулкий, как из пушки, выстрел. Сноп пламени вырвался из дула древней берданки.

То, заслышав свинячий визг, пожаловал деревенский сторож. В прошлом опытный охотник, он сразу понял, кто учинил здесь разбой.

Стрелял сторож в воздух. Для острастки. Чтобы отогнать «тигру» от деревни.

IV

За два месяца тигр совершил семь краж скота из деревень, «причинив убыток колхозам на сумму 1163 руб. 72 коп.» — так с точностью до медяшек подсчитал корреспондент районной газеты в опубликованной заметке. Жертвами зверя стали еще лошадь, телка, две козы и шесть свиней. Начальство района, равного по площади солидной европейской стране, отдало распоряжение об уничтожении хищника. Охотинспекция и ученые-зоологи разрешили отстрел тигра. Прекрасного, редчайшего зверя, занесенного в Красную книгу, охраняемого законом, поджидала смерть от беспощадных карабинных пуль...

Мера, предпринятая людьми, была жесточайшая, но совершенно необходимая. Уж исстари так повелось: тигров, давивших домашнюю живность, приговаривали к смерти. Опасались за жизнь человека. Ведь хищник, промышляющий на скотном дворе, может зарезать и человека: он тоже пахнет живым мясом, добычей. Встречались в дальневосточной тайге тигры-людоеды. И всегда сраженный пулей зверь оказывался или очень старым, или пораженным тяжелым недугом, не способным добывать верткую таежную дичь.

По карте района работники охотинспекции определили приблизительный маршрут тигра и те деревни, в которые он мог зайти. За околицами этих деревень, в тайге, непременно с подветренной стороны, были построены лабазы — жердяные настилы на деревьях, на пяти-шестиметровой высоте. Туда забрались стрелки из числа добровольцев; внизу, за ствол, была привязана живая приманка — коза, неспокойная и крикливая.

С вершины сопки Старый долго наблюдал за деревней, что вытянулась внизу, на излучине реки. Приближаться к человеческому жилью ему очень не хотелось: две недели назад, когда он зарезал телку, за ним погнались люди. Едва ноги унес, пули и жаканы чудом не попали в цель. Но голод неудержимо гнал зверя к селениям, где находилась такая легкая и такая опасная добыча.

«Ммээ-ээ-э!..» — вдруг послышалось снизу.

Старый как бы весь обратился в слух. Тело вытянулось в струнку, пасть напряженно ощерилась. И когда раздался повторный крик, тигр бесшумной полосатой торпедой ринулся к подножию сопки.

То обстоятельство, что животное кричало не в селении, а в тайге, ничуть не насторожило зверя. То коза, то корова частенько отбивались от стада, и это лишь облегчало охоту.

Наконец среди деревьев замелькало белое пятно, в нос ударил запах живой приманки. Старый отрезал козе путь к деревне. Он хотел отогнать ее подальше в тайгу и с этой целью показался домашнему животному. Коза громко закричала и закружилась на привязи вокруг ствола. И привязь не насторожила хищника, потому что он был диким свободным зверем и не знал, что такое цепь или веревка.

Старый спружинился, изготовился к прыжку.

Оглушительного звука карабинного выстрела тигр не услышал: пуля, попавшая в голову, на какое-то время лишила его сознания. Но вот чувства вновь вернулись к нему. Тяжело, смертельно раненный зверь из последних сил пополз в чащобу, прочь с этой поляны-ловушки. Громыхнул второй выстрел. Старый ткнулся лобастой головою в мох и замер навсегда.

С лабаза спустился стрелок, пожилой мужик. Он присел на корточки возле мертвого тигра, покачал головою. Вслух выругался. Потом отвязал насмерть перепуганную козу, закинул за плечо карабин и побрел в деревню, хмуро сдвинув брови. Претило ему, профессиональному охотнику, не раз выходившему один на один с разъяренным медведем, вот такое подлое, из-за угла, убийство. И то, что убийство это было совершенно необходимым делом, ничуть не успокаивало его.

Веками охотился в дальневосточной тайге человек с винтовкой, выбивал нещадно несказанную красу здешних мест — гигантских кошек. Нынче пора бы одуматься. На всем Дальнем Востоке ухитрились пересчитать тигров, как кур на птицеферме. Их полторы сотни штук осталось...

Запаршивевшую, стертую, в лишаях, кишевшую блохами шкуру старого тигра пришлось облить соляркой и сжечь, она ни на что не годилась. И мясо хищника не пустили на корм скоту: как определил ветеринар, оно

оказалось зараженным гельминтами — паразитическими червями. Тушу облили известью и зарыли в глубокой яме.

V

Весною ему минуло десять лет, и он был в самом расцвете сил, отменного здоровья. Это был на удивление крупный амурский тигр, самец с прекрасным густым мехом затейливого узора и расцветки, сталеподобной крепости клыками; мышцы так и перекатывались на гибкой спине и широкой груди. Весил Молодой (назовем его так) три с половиной сотни килограммов, а в длину вытянулся на три метра, не считая метрового хвоста. Ни в схватках с таежным зверьем, ни в брачных битвах с сородичами за право обладания самкой он еще не знал поражений. Врагов у него не было. Кроме человека. Но деревни и поселки тигр обходит стороною. Унаследованным от прародителей инстинктом он испытывал страх перед людьми, которые на протяжении столетий выбивали тигров.

Приближался к человеку Молодой лишь дважды, учуяв сладостный запах собачатины. Один раз в кромешной тьме он подстерег на таежной тропе всадника. Это был лесник. Он возвращался из дальнего объезда и держал на длинном поводке свою промысловую лайку. Тигр так ловко и бесшумно прикончил пса и перерезал, как бритвой, зубами поводок, что человек почувствовал неладное только тогда, когда подтянул к себе противоположный конец дубленого ремня.

Другой раз, тоже ночью, он подкрался к стоянке геологов и сорвал с цепи легавую; утром бородачи обнаружили характерные следы хищника и поняли, кто учинил разбой.

Зачем Молодому людские селения? Его не интересовала домашняя живность. У него были острые, крепкие клыки, острые когти, чудовищная сила, молниеносная быстрота реакции, и он мог добыть себе любую таежную тварь.

Стадо кабанов разбрелось по таежной поляне, с хрюканьем, тяжкими вздохами животные пропахивали землю, выискивали корневища лакомых растений. Тигр

наблюдал за ними, распластавшись за стволом кедрача. Вот совсем рядом прошел в траве старый секач. Из нижней челюсти торчали здоровенные клыки. Тигр беспрепятственно пропустил животное. Лет шесть назад, будучи неопытным подростком, он видел поединок секача и взрослого, матерого тигра и воочию убедился, что нападать на этого неуклюжего с виду зверя очень опасно. Секач с необычайным проворством увертывался от ударов лап тигра. Раза два гигантская кошка все же «приголубила» противника. Но когти хищника лишь скользнули по крепчайшей, как металл, коже секача. Кроме того, у кабана толстый слой жира (до десяти сантиметров), и, пока доберешься до жизненно важных органов и артерий, с тебя сойдет семь потов. Тот поединок кончился трагически для тигра: потеряв терпение и самообладание, хищник прыгнул на врага, а секач изловчился и, как острым охотничьим ножом, распорол клыками неудачливому добытчику брюхо от груди до паха...

Опасный враг скрылся из виду, и вскоре перед глазами Молодого появилась свинья. Рыхлая, сильно раздобревшая, она уткнула рыло в землю и смачно, влажно зачавкала. Тигр отполз немного в сторону, с тем чтобы прыгнуть на нее сзади. Он всегда нападал сзади или сбоку и никогда спереди, с головы. Длинный — шестиметровый — прыжок был выверен до сантиметра. Прежде чем оседлать свинью, он страшным ударом лапы перешиб ей хребет. И тотчас придавил тяжестью тела, подождал, пока она не перестала биться. Затем схватил зубами за жирную шею и бесшумно, привидением, исчез в дебрях.

Кабаны, что паслись поблизости, бросились в гущу стада. Они почуяли недоброе, но так и не поняли, что же произошло на самом деле.

Четыре дня сытый, успокоенный зверь не подходил к стаду, однако и не упускал его из виду. А на пятый, проголодавшись, ловко и бесшумно, почти не потревожив других кабанов, добыл годовалого поросенка. Молодой уже два месяца пас стадо, как очень точно говорят охотники-дальневосточники. Бывалые люди, они не перестают восхищаться удивительной способностью «пастуха» без лишнего шума добывать кабанов, пожирать их, но при этом не расколоть, не разогнать довольно пугливых животных. И Молодой мог бы отменно жить

возле кабанов, пока не была бы добыта последняя свинья, не убит последний поросенок. Но от обильных харчей, постоянной сытости тигр потерял осторожность. Однажды он задавил свинью, не заметив отдыхавшего рядом с нею в густой траве секача. То ли от сильного испуга, то ли защищая свою подругу, самец бросился на хищника (обычно секачи первыми не нападают) и располосовал клыками бок наглецу. Молодой убежал в дебри и там рычал и кашлял в сильном раздражении. Крепкий и чудовищно сильный, он мог бы потягаться со старым секачом — вовсе необязательно, что тот одержит верх в поединке,— но вовремя одумался и решил не испытывать судьбу. Береженого и бог бережет. И Молодой оставил кабанье стадо и побрел по своему обширному охотничьему угодью в поисках другой, менее опасной дичи.

Время от времени Молодой «садился на диету» и питался одной рыбой. Ловец он был удачливый, выхватывал когтями рыбин из воды с ловкостью необыкновенной. А нынче на нерест в верховья рек пошла горбуша. Разве можно упустить такую легкую и обильную добычу?

Тигр отыскал мелководье, перекат. Как заправский браконьер, он сообразил, в каком месте лучше выбирать горбушу. Именно выбирать, а не ловить, потому что рыба шла нескончаемыми косяками так плотно, что тыкалась скользкими мордами в лапы Молодого, стоящего по колено в воде, сама попадала в когти тигра. Выбирал он, не ведая строгих законов рыбоохраны, только самок. Тут же, стоя в воде, распарывал им брюхо, слизывал икру, а тушку бросал обратно в реку. Гурман он. Падаль проглотит разве что в дни жестокого голода.

Однажды, лакомясь икрой горбуши, тигр услышал позади какие-то подозрительные звуки и быстро обернулся. То, гремя камнями, по косе двигался бурый медведь. Видно, косолапый тоже решил отведать рыбки да икорки и пришел к перекату.

Молодой находился с подветренной стороны, нежданный гость не учуял хищника, а зрение у медведей неважное, не разглядел он грозного врага.

Молодой мгновенно решил оставить свою рыбную диету. Он лег на замшелые камни переката, как бы слился с ними. Это только на первый взгляд шкура тигра яр-

ка; на самом деле бегущего по тайге или дремлющего хищника заметить очень трудно.

Медведь наконец подошел к кромке берега. Здоровенный, с вислым, тяжелым задом. Молодой нащупал лапами твердые, не скользящие камни, спружинился, изготовился к прыжку. Он не раз добывал медведей, как белогрудых, гималайских, так и бурых, и знал, что в поединке с ними все решает неожиданность, искрометная стремительность нападения. Заранее учуял тебя мишка — табак дело. Ведь силы и выносливости ему не занимать; неизбежные в битве ранения, потерю крови он перенесет значительно легче тигра.

Пора!.. Молодой прыгнул, подобно яркой диковинной рыбине, идущей на нерест через каменные преграды. Он сшиб с ног стоящего боком медведя. Два разнотонных звука надолго повисли в воздухе — медвежий рев и тигровое рычание. Затем рев косолапого оборвался. Он лежал в луже крови с развороченной холкой и перегрызенными шейными позвонками. Молодой распластался рядом с тушей и некоторое время дышал с тяжкими хрипами. Затем побрел к реке и, прежде чем приступить к трапезе, много и жадно пил.

И в жестокие и сладостные времена гона ему везло, никогда он не оставался без самки. Право на любовь завоевывал сильнейший, уж так распорядилась природа, заботясь о здоровом потомстве.

В последний гон единственную тигрицу преследовали сразу пять самцов, не считая Молодого, и каждому соплеменнику предстояло дать бой. Гонимые могучим инстинктом, с налитыми кровью глазами, звери потеряли всякую осторожность.

Браконьерская пуля чаще разит зверя именно в это время.

С четырьмя соплеменниками Молодой разделался сравнительно легко; поняв, что с Молодым им не потягаться, они поспешили скрыться, унося на своих телах страшные раны. А с пятым пришлось повозиться основательно. Тот не уступал Молодому ни ростом, ни силой. Не раз сходились звери в кровавой драке. И расходились, чтобы немного передохнуть и зализать раны. Его пришлось брать хитростью.

Молодой сделал вид, что отстал, но на самом деле скрытно обогнал противника и забрался на скалу, возле которой пролегла звериная тропа. Пропустил самку. Вскоре показался самец. Он догонял ее скорыми прыжками. Молодой прыгнул на зверя сверху, пролетев, подобно птице, метров десять, сшиб с ног и стал жестоко избивать соперника. Тот не сопротивлялся. С беспрестанным ревом, хромая сразу на обе передние лапы — они были сломаны, когда Молодой прыгнул на него с высоты,— он заковылял прочь. Победитель мог бы добить его, но не добил; убежал, и ладно; брачные драки не кончаются смертью.

Наградой за победу была любовь тигрицы.

Через три с половиной месяца она родила тройню. Тигрята были слепы и беспомощны; все вместе они весили около трех килограммов.

На девятый день детеныши прозрели, а на двенадцатый уже ползали по пещере, где самка устроила логово.

Кормить, растить, натаскивать своих чад мать будет очень долго, целых четыре года. Но всего этого Молодой не узнает. Тигр-самец не ведает отцовских забот.

VI

Гришка Мохов слыл в округе отъявленным браконьером. За полвека жизни этот малорослый вертлявый мужичонка, «прохвост, каких мало», как отзывались о нем односельчане, прикрываясь, как броней, липовыми справками о плохом здоровье, ухитрился ни дня не работать в колхозе, но жил между тем припеваючи, промышляя незаконным отстрелом тигров, медведей, изюбров, соболей, заготовляя икру во время нереста ценных пород рыб. Лишь два раза охотинспекция ловила его с поличным. Заплатив немалый штраф — деньжата у него водились,— Гришка Мохов опять отправлялся с карабином в тайгу.

Доход от мяса животных был небольшой, но шкуры приносили хорошие деньги. Как-то проездом на курорт был Гришка Мохов в Москве и заглянул в комиссионный охотничий магазин, что на улице Соломенной Сторожки. Увидел там драную, вытертую временем медвежью шкуру, которая едва ли годилась на половик, и ахнул, сколько она стоила. С того времени добытые шкуры он

продавал сам, а не через спекулянтов. Особенно высоко ценилась в городе шкура тигра, которую вешали на стену в гостиной или бросали на паркет.

Пожалуй, тигров добывать выгоднее всего. Люди с головой, вроде Гришки Мохова, это сразу смекнули. Запрет на отстрел тигров введен еще в 1947 году, да он так на бумаге и остался. А бумага-то все вытерпит. Недавно Гришке Мохову попалась на глаза книжка ученого человека. Про тигров. Ученый, видно, мужик дотошный, хотя и наивный, как младенец, все в точности подсчитал. В книжке черным по белому сказано: «На Дальнем Востоке и в наши дни продолжается совершенно бессмысленное уничтожение тигров... В 1965 — 1970 годах в Приморском и Хабаровском краях было убито 70 тигров, из которых только 8 (!) отстрелено по разрешению инспекции»[1].

«Совершенно бессмысленное...» Нет, милок. Со смыслом. И большим, надо сказать, смыслом...

Минули времена, когда Гришка Мохов, схватив изрядный куш, устраивал купеческие загулы, швырял деньгами налево и направо, неделями не выходил из запоя. Теперь он дорожил каждой копейкой, жену и детей в черном теле держал. Прогулять что угодно можно, раньше-то, говорят, целые поместья пропивали. Дурацкое дело нехитрое. Деньги он обращал в золото и драгоценные камни, которые зарывал в женской сумочке из кожзаменителя в погребе. Заводить сберкнижку не решался. Завистники могут поинтересоваться, откуда у него такой капитал.

Зима в тех местах, где жил Молодой, выдалась на редкость снежная и лютая. Погибло много копытных. Кто уцелел, мигрировал на юг. Тигр голодал. Ему было тяжело передвигаться по глубокому снегу. Если зимнее одеяло больше тридцати сантиметров, тигр уходит из этих мест. И в поисках пищи он уже подумывал покинуть свое привычное охотничье «угодье», где каждый распадок, каждая сопка ему с детства знакомы. Медведи, правда, не мигрировали, они залегли в берлогах. Но белогрудые были недоступны Молодому, потому что

---

[1] Браконьер читал книгу И. Б. Шишкина «Тигр». Издательство «Лесная промышленность», М., 1974 г. *(Примеч. автора.)*

устраивали берлоги высоко в дуплах вековых деревьев, а бурых не так-то просто отыскать в нынешнее время даже в медвежьем углу. Хотя и находятся они под охраной государства, повыбили их лихие люди вроде Гришки Мохова.

Теперь тигр не брезговал и падалью.

Однажды обостренный голодом нюх Молодого уловил терпкий запах пищи. Тигр немедленно свернул с припорошенной звериной тропы, выше поднял морду. Ноздри со свистом втягивали стылый, колючий воздух. По запаху, как по натянутой веревке, Молодой пришел к вековому кедру. Возле ствола лежал изрядный шмат сала. Это было сало домашней свиньи, а не кабана, но хищник не знал разницы между ними. Насторожило его другое: запах человека, человеческих следов, их он побаивался. Прежде чем приступить к трапезе, Молодой тщательно обследовал пространство вокруг кедрача. Но следы человека были давнишние, почти невидимые и едва уловимые. Успокоившись, хищник прошел к приманке, потянул морду к неожиданной находке...

И тут под снегом, где утвердилась левая лапа, раздался короткий металлический звук. Капкан сработал. Стальные челюсти плотно стиснули лапу. Молодой рванулся — тотчас из-под снега упругой серебристой змеей выпрыгнул стальной трос, обмотанный вокруг ствола, и тигр взвыл от боли: зубцы, как клыки, впились в мышцы.

Он дергал и дергал крепко сжатую металлом лапу, ревел от боли, пока не выбился из сил, не обезумел от изуверской пытки. Попав в подобную ловушку, волк перегрызает себе лапу и уходит калекой. Тигры этого не делают.

Молодой лег на окровавленный снег, затих.

Он ждал неизбежного.

Он знал, что с ним случится.

И не ошибся.

Лай раздался злобный, заливистый. Так промысловые лайки облаивают только крупного зверя.

— К ноге! — резко крикнул Гришка Мохов и сорвал с плеча карабин.

Обычно послушные, лайки на сей раз пропустили ми-

мо ушей хозяйский приказ. Загнутые кренделем пушистые хвосты мелькнули в буреломе и исчезли.

Гришка Мохов что было духу бросился вдогонку на своих широких камусных лыжах. В той стороне, куда побежали псы, стоял настороженный капкан на тигра.

Быстрее, быстрее! Чего доброго, собаки начнут рвать плененного зверя, шкуру попортят!

Тигров браконьер бил только таким манером: капканил, а затем подходил почти вплотную и расстреливал. Охотиться на зверя «с подхода» с собаками, как исстари промышляли отцы и деды, не решался, трусоват был. Хищник верткий, разорвет собак да на тебя прыгнет. А с капканчиком-то риска никакого.

Наконец он возле кедрача, где был установлен капкан. Тигр сидел на задних лапах. Пасть ощерена, глаза горят бешеным огнем. Правая лапа была в капкане, а левая приготовлена для удара.

Гришка Мохов успокоился: лайки не рвали зверя. Он был им страшен даже плененный сталью. Они залегли в сторонке и поскуливали, глядя то на хозяина, то на тигра.

Браконьер поочередно стащил зубами меховые рукавицы. Они повисли на тесемках. Затем вскинул карабин и прицелился в пеструю лобастую голову.

Шкура Молодого за большие деньги была продана шеф-повару столичного ресторана. Сначала она украшала паркет, а потом жена шеф-повара перевесила ее на стену: сердце хозяйки кровью обливалось, когда по такому добру ходили в туфлях.

Яркая, рыжая, как апельсин, с резкими черными полосами шкура висела наискосок, головой вниз, с ощеренной клыкастой пастью и зло глядела искусно сделанными из дешевого прозрачного янтаря глазами. Казалось, распластанный на стене тигр изготовился к прыжку.

МАТЬ

Натерпелись мы в ту ночь страху...

Рев раздался за палаткой часа в два ночи, когда умаявшиеся в маршруте геологи и рабочие спали мерт-

вым сном. Он был такой сильный и беспрерывный, что заложил уши, терзал барабанные перепонки.

Любопытна наша реакция в первое мгновение. В зыбком свете белой ночи, сочившемся в задернутые марлей окна, все приподнялись в спальниках, бессмысленно глядя друг на друга вытаращенными глазами.

Потом раздался испуганный возглас:

— Медведь!..

Этот возглас разом вывел нас из оцепенения, хотя мы понимали, что за палаткой ревел, конечно, медведь, а не слон или тигр: они в якутской тайге не водятся.

Защелкали казенные части ружей, карабинные затворы. С опаской приоткрыли полог.

Холодное рассветное солнце только-только оторвалось от горной гряды за Вилюем. Бьющие плашмя багровые лучи, пронзив плотные туманы в тайге, оранжево высветили стволы лиственниц и елей.

На берегу реки, по брюхо скрытый белесым туманом, как бы плавая в нем, метался, беспрерывно ревел громадный темно-бурый зверь. Судя по развитому заду, отвислому животу, это была самка.

Когда мы один за другим выскочили из палатки, изготовились к выстрелу — пугливый, осторожный зверь почти вплотную подошел к человеческому жилью, вел себя агрессивно, не иначе как бешеный! — медведица отбежала за огромный замшелый валун, скатившийся к самой воде, и спряталась за ним, продолжая реветь.

С осторожностью направились к валуну. До каменной глыбы оставалось совсем немного, метров пятнадцать, когда медведица, показав слежавшийся мех на заду, галопом припустилась вдоль берега, прочь от нас. Я заметил, как она залегла под выворотнем ели. И вновь в чутком влажном воздухе надолго повис органный рев.

— Не стрелять! — приказал начальник отряда.— Что-то здесь не то, братцы... Странно себя ведет.

— Будто зовет куда-то...

— Во-во!

Вернулись в палатку, поспешно оделись, закинули за плечи ружья, карабины. И веревку прихватили. Третьего дня геолог в окно мари угодил, чуть богу душу не отдал. Тогда-то начальник отряда приказал каждой мар-

шрутной паре — геологу и рабочему — брать в тайгу веревку. Чтобы в случае беды бросить конец тонущему.

Медведица вела нас по тайге точно так же, как по таежной тропе ведет охотника собака. Зверь бежал впереди; когда мы сильно отставали, терпеливо поджидал и даже рявкал, если совсем теряли его из виду: сюда, мол, сюда, ребята, здесь я. Темп он задал быстрый, через полверсты мы взмокли от усталости, несмотря на холодное июньское утро, ведь здесь, на Вилюе, в июне еще весна, в распадках снег не стаял. Был и страх, мешающий быстрому бегу, был, чего греха таить. А вдруг медведица заманивает нас в ловушку? Решила отомстить двуногим существам, например, за украденного детеныша? Разные люди в тайге бродят. Может, городской человек, отогнав медведицу выстрелами, ради забавы поймал и увез ее медвежонка? Тогда берегись! Подстережет на узкой тропинке, ударом передней лапы вышибет мозги. И не обязательно обидчику. Существу, похожему на него: с двумя руками и двумя ногами...

Медведица вдруг круто свернула в сторону и с ловкостью орангутанга начала взбираться по гранитным ступеням ручья, с первобытным буйством бегущего с зубчатой вершины ущелья. За миллионы лет своего существования Вилюй прогрыз землю так глубоко, что в этом месте образовалось ущелье, а там, наверху, была равнинная тайга, переплетенная речушками и ручьями, затянутая марью. Мы остановились в нерешительности.

— Куда ее леший понес!..

Уж больно не хотелось карабкаться наверх! Если маршрут был верховой, то мы ходили в него по очереди, потому что подъем из ущелья был труден, утомителен и отнимал не менее двух часов.

Но любопытство, вызванное странным поведением медведицы, победило. Мы решились на подъем.

Вот когда выявляются курильщики! Если организм не отравлен этой отравой, подъем человеку дается легко, перескакивать с выступа на выступ для него одно удовольствие. А для меня, увы, подобные восхождения — сущая пытка. Сердце норовит выскочить из груди, в горле тошнота, дыхание с хрипом и свистом, как у маломощного паровоза, взбирающегося на горку.

Но вот наконец и вершина ущелья. Курильщики и любители спиртного потребовали отдыха и четверть ча-

са лежали пластом, серолицые, с мутными, как бы похмельными, глазами. Медведица ждала, спрятавшись за стволами деревьев; изредка оттуда доносился короткий призывный рев.

Солнце между тем оторвалось от земли, лучи стали не багровыми, а густо-желтыми. Роса заиграла чистым каленым огнем. Немного потеплело. Белые стада туманов вышли из реки, разбрелись по берегу. Все стало свежим, до блеска промытым: листва и хвоя деревьев, коричневый гранит скал, нерастаявшие утренние звезды.

Зверь вел нас по тайге версты две, много кружил, петлял, я совершенно потерял ориентир и был немало удивлен, когда лес неожиданно оборвался и мы опять вышли к ущелью.

Медведица подбежала к обрыву, прорычала вниз, затем отбежала в сторону и залегла, неотрывно глядя на нас. Мы в недоумении, с опаской поглядывая на зверя, подошли к самой кромке.

К Вилюю уходила почти вертикальная гранитная стена высотою с пятнадцатиэтажный дом. Эту скалу я не раз видел, когда бывал в маршрутах. Внизу шумела на перекатах, свинцово поблескивая, река, торчали замшелые валуны на берегу. Внимательно осмотрел каменистую косу, но ничего подозрительного на ней не обнаружил.

Начальник отряда лег грудью на кромку, оглядел невидимые нам ближайшие уступчики и терраски. Затем осторожно поднялся.

— Ясно,— сказал он.— Теперь все ясно. Там медвежонок.

Я тоже лег грудью на кромку, заглянул вниз.

На гранитном козырьке, который как бы врезался в тело скалы, свернувшись клубком, лежал почти черный медвежонок с ярким белым ошейником. До него было метров шесть, не больше. Он не шевелился. Гранитная площадка сплошь усыпана пометом — видно, звереныш находился на ней не один день.

— Не шевелится. Может, уже концы отдал? — вслух подумал я.

Теперь все стало на свои места. Будто наяву, я увидел такую сцену... Медведица вышла с детенышем к обрыву. Медвежонок, как водится, бегал, прыгал, резвился и сорвался вниз. От мгновенной смерти его спас этот са-

мый козырек. Представляю, что случилось с зазевавшейся мамашей! Она металась по кромке, ревела, но ничем не могла помочь попавшему в страшную ловушку детенышу. И, рискуя получить пулю, пришла к людям, чтобы позвать их на помощь...

В нашем отряде жил и работал Герка Прохоров, студент-практикант второго курса Московского геологоразведочного института. Был он парень, что называется, сорвиголова и частенько пускался в такие безрассудные, отчаянные предприятия, на которые здравомыслящий человек никогда не решится. Однажды, например, он на спор выкинул такой номер... Взлетал вертолет, завозивший в отряд продукты. Герка, сбиваемый ураганным ветром, поднятым винтом, подбежал к машине, подпрыгнул и ухватился за металлическую перекладину, соединявшую колесо с корпусом. Когда Ми-4, набрав десятиметровую высоту, летел над озером, Герка спрыгнул в воду, причем проделал в воздухе сальто-мортале. За подобные трюки давали парню выговоры, лишали премий. Не действовало. Пригрозили увольнением. Немного приутих...

И вот этот Герка Прохоров, быстро оценив обстановку, решительно взял у начальника отряда веревку, опоясался ею, протянул нам конец и коротко попросил:

— Страхуйте.

И не успели мы толком изготовиться к страховке, как он с ловкостью альпиниста начал спуск. Через минуту он был на гранитном козырьке, опустившись на колени, склонился над медвежонком. Еще через минуту снизу послышалось растерянное:

— Так он вроде помер...

— Помер или вроде помер? — попросил уточнить начальник отряда.

— Сейчас...— Герка осторожно перевернул медвежонка на спину, припал ухом к груди и радостно прокричал: — Бьется! Сердце бьется!

Когда Герку с медвежонком под мышкой подняли с выступа, медведица возбужденно заходила вперед-назад на маленьком мшистом пятаке.

Начальник отряда с карабином в руке, то и дело поглядывая на громадного зверя, склонился над детенышем. Медвежонок не дергал лапами, не открывал глаз; только присмотревшись, я заметил, как вздымается ма-

ленькая грудка с белым пятнышком на горле. Был он размером с сибирского кота. Сколько же малыш пролежал здесь, на гранитном козырьке, без пищи и воды, обдуваемый ледяными ветрами?..

— Пожалуй, мамке-то его не выходить, а?..— то ли себя, то ли нас спросил начальник отряда.

И, сказав это, он решительно поднялся, вскинул карабин и выстрелил в небо. Мощный и раскатистый, как из пушки, звук выстрела до смерти напугал медведицу. Она с необычайным проворством развернулась и бешеным галопом побежала в тайгу. Некоторое время раздавался треск сучьев, потом все стихло.

Припомнилось мне, что лет шесть назад, когда наша экспедиция работала на Урале, произошло нечто подобное...

Тогда к стоянке отряда вышел маленький медведь, на Урале они отчего-то маленькие, не то что рослые якутские или камчатские великаны. Он не ревел и не метался и сильно хромал. Безбоязненно подошел к кухоньке, лег на спину, задрал лапы. Задняя правая ступня была значительно больше остальных. В ней торчал обломок сука. Медведь дал себя связать. Геологи извлекли из раны обломок, вычистили рану ножом, смазали стрептоцидовой мазью. Медведь поднялся и побрел в тайгу. Пришел, понимаете ли, как в медпункт...

Медвежонка к палатке на руках, как ребенка, нес начальник отряда. Я шел последним. Мне было как-то не по себе, и я беспрестанно оглядывался, чутко прислушивался, сжимая холодный ствол своей «ижевки». Позади раздавались подозрительные шорохи, или мне это от страха казалось, не знаю...

В палатке завернули несмышленыша в теплую оленью шкуру, как бы спеленали его. Подогрели банку концентрированного молока, осторожно раздвинули маленькие челюсти. Соски не было. Откуда ей взяться у мужиков! Плеснули теплую струйку в раскрытую пасть. Медвежонок тотчас закашлялся. Мы обрадованно переглянулись. «Кхе! Кхе! Кхе!..» — кашлял медвежонок, как больной младенец.

Решили часок вздремнуть перед работой. Но сон мгновенно развеял внезапно раздавшийся органный рев. Выбежали из палатки.

Медведица находилась на той стороне Вилюя, у кромки воды. Она сидела на задних лапах, смотрела на палатку и непрерывно ревела. Вилюй в этих местах узок, всего метров сорок, и я хорошо различал жаркую красную пасть с вибрирующим языком.

— Пришла! Надо же!..

— А я был убежден, что она придет,— сказал начальник отряда.

Герка вынес из палатки медвежонка и поднял его на вытянутых руках, показывая медведице. Органный рев сразу оборвался. Зверь вразвалку пересек каменистую косу и улегся на мшистой площадке, головой к реке.

Маршрутную пару, геолога и рабочего, оставили в палатке. Один будет ухаживать за медвежонком, другой присматривать за его мамашей. Если все уйдут в маршрут, медведица, конечно, не замедлит явиться на покинутую стоянку, чтобы проведать своего малыша, ну а заодно полакомиться нашими продуктами и ненароком сломать жердяной каркас, завалить палатку.

Поздно вечером, вернувшись из тайги, мы застали медвежонка ползающим по брезентовому полу палатки. Проползет метр, ткнется мордой в пол и лежит, отдыхает. Молочные глазки оглядывают людей с удивлением, но без испуга. Малыш находился в том счастливом возрасте, когда не ведают чувства страха и полагают, что все живые существа, населяющие тайгу, созданы для добра, а не для зла. Дежурившие на стоянке рассказали, что детеныш ничего не ел (чуть позже мы выяснили, что у него была ангина, воспалена глотка), но с удовольствием пил теплое концентрированное молоко. Еще они сказали, что медведица на той стороне Вилюя удачно ловила рыбу и перед нашим приходом пыталась с рыбиной в зубах переплыть реку, вероятно, чтобы покормить свое чадо. Ее отогнали выстрелами; развернувшись, она уплыла на другую сторону.

В этот вечер я стал свидетелем занимательного зрелища — ловли рыбы огромным зверем. На Камчатке осенью, во время нереста, мне не раз доводилось видеть медведей-рыболовов. Но там от зверей особого ума, сообразительности и не требовалось: стой на перекате да вы-

хватывай кету, которая идет сплошным потоком, показывая из воды темные толстые спины; промысел, а не ловля. Сейчас же на Вилюе время нереста еще не наступило; нашей медведице надо было запастись великим терпением, обладать молниеносной быстротой реакции. Она зашла в воду выше колен и вскинулась на дыбки. Передние лапы занесены над башкой, приготовлены для удара. Глаза устремлены вниз. И вот рыба, не чуя беды, проходила мимо тумбообразных ног зверя. Удар по воде лапами был оглушителен, каскад брызг разлетался в стороны. Сначала раздавался короткий радостный рев. Затем из воды показывались передние лапы зверя. В когтях была зажата бьющаяся щука или налим. Медведица прокусывала рыбе голову и через плечо швыряла ее на берег. Бросит и обернется, чтобы убедиться: добросила ли до берега? Но рыба часто выскальзывала из когтей, уходила на глубину, и тогда медведица от досады хлопала себя по ляжкам. А рано утром нас разбудил ужасный рев. Я подумал, что нашу медведицу терзает волчья стая. Выскочили из палатки. Нет, волков не было. Зверина все так же стояла по колено в воде, точнее, не стояла, а крутилась на одном месте. В нос ей вцепилась острейшими зубами большая пятнистая щука. Медведица кружилась, и рыба вращалась каруселью. Но вот щука сорвалась и полетела в воду, не совладав с центробежной силой. Бедняжка заковыляла на трех лапах на берег, а левой передней зажала окровавленный нос. В сердцах отшвырнула мертвого налима, села на камни. Ревела она долго, ведь нос — самое болезненное место животного.

На четвертый день малыш окреп. Болезнь наконец оставила его. Подкрепившись своим любимым блюдом — молоком с гречневой кашей, он бегал по палатке, резвился и кусал наши ноги. Спать он, негодяй, нам не давал. Какой сон, если бегают по твоей физиономии. Пробовали держать на привязи. Не получилось. Звереныш сразу поднимал такой крик, что приводил в сильное волнение свою мамашу, терпеливо ожидавшую на том берегу.

— Пожалуй, пора выпускать,— решил начальник отряда.

Герка Прохоров взял медвежонка на руки и вышел с ним из палатки.

Медведица тотчас узрела свое чадо. Она оставила на косе полусъеденного налима, зашла в реку и поплыла.

Мы отошли от берега к тайге, чтобы не смущать и не нервировать зверя. Начальник отряда на всякий случай прихватил карабин.

Герка остался возле палатки. Он гладил по голове, успокаивал детеныша, хотя его вовсе не надо было успокаивать, он не проявлял к плывущей медведице никаких родственных чувств.

И вот мокрая, с прилизанным водою мехом мамаша вышла на берег. На ходу стряхнула со шкуры радужный веер брызг. Затем остановилась.

Герка опустил на мох медвежонка, прихлопнул его ладонью по задку и быстро отошел к нам. Не отбежал, а отошел, потому что медведи преследуют бегущего человека. Такова их природа. И еще этот зверь не переносит долгого, пристального человеческого взгляда. Почему — не знаю. Тоже может броситься. Заметил в тайге Потапыча — не гляди на него, иди своей дорогой. Может, из любопытства он проводит тебя недолго, потом непременно отстанет.

Медведица поспешила к своему малышу. При виде приближающейся громадины медвежонок сжался в комок. Затем как-то по-поросячьи взвизгнул, развернулся и опрометью побежал к людям. Забыл он, что ли, свою родительницу? В таком возрасте звереныш не обременен долгой памятью. Или, может, жизнь в палатке на всем готовом его больше привлекала? Кто его знает!

Медведица остановилась. Она внимательно, умно поглядывала то на людей, то на неразумного своего детеныша, который ткнулся мордой в чьи-то бахилины и продолжал по-поросячьи испуганно взвизгивать.

— Даешь, брат! Не пойдет, не пойдет,— осуждающе сказал Герка, опять поднял медвежонка на руки и решительно зашагал с ним к медведице.

— Гера, осторожнее! — предупредил начальник отряда. Карабин он держал на изготовку.

Семь, шесть, пять метров до медведицы... Она словно окаменела, даже не мигала. Признаться, у меня мурашки поползли по телу. Ну и Герка, ну и черт! Не ведает чувства страха. Не сносить парню головы!

До медведицы рукой подать...

— Мадам, прошу! — громко, раздельно, явно бравируя, сказал Герка и подбросил медвежонка к самым ногам «мадам». И пошел обратно. Не спеша, вразвалочку даже, ни разу, черт, не оглянулся.

Малыш незамедлительно проделал то же самое: взвизгнул, развернулся и побежал к людям. Но не тут-то было! Медведица в одном длинном прыжке настигла своего детеныша, ударом правой лапы сбила его с ног. Несильно, конечно, ударила, слегка, иначе б от него мокрое место осталось. Затем схватила звереныша зубами, махом забросила на холку и побежала берегом Вилюя. Малыш ревел не переставая. Вскоре они скрылись за валунами.

За четыре месяца полевого сезона отряд раз десять менял стоянки; исхожен, обследован один участок — Ми-4 перебрасывал нас на другой. За это время знакомая медведица с медвежонком нам ни разу не попадалась.

В конце августа нам прислали нового маршрутного рабочего, юного парнишку, взамен рабочего, который взял расчет и улетел на Урал, домой, из-за серьезной болезни матери.

Погода стояла сырая, ветреная, с заморозками по ночам, и парнишка подхватил старческую болезнь — радикулит. Ходить в маршруты он, разумеется, не мог, с грехом пополам кашеварил на стоянке.

Как-то возвращаемся из маршрута и видим такую картину: сидит наш юноша возле кухоньки белее бумаги, руки ходуном ходят, прокопченные ведра с кашей и супом опрокинуты на землю. А произошло, оказывается, следующее. Парень возился с готовкой обеда. И вот наконец гречка-размазня и картофельный суп с мясом сняты с огня, ведра поставлены на землю. Рабочий хотел подняться, чтобы пойти к ручью за водой, помыть посуду, но в это время кто-то прыгнул на него сзади, жарко задышал в шею. Юноша вскочил, забыв о своем радикулите. Это был толстый медвежонок размером со взрослую овчарку. Он прыгал на него, легонько кусал руки, хватал зубами за штормовку. Следом на стоянку вышла огромная медведица. От страха парень не мог двинуться

с места, ноги, руки, все туловище словно омертвели. Иначе б побежал, и тогда могла случиться беда.

Медведица не обращала никакого внимания на человека. Она разодрала лапами и зубами рогожный мешок и начала пожирать картошку, громко чавкая. Затем с особым удовольствием съела пятикилограммовый кусок масла, весь наш оставшийся запас. Потом перешла к полным ведрам с первым и вторым, от которых поднимался парок. Постояла в раздумье. Поочередно ударила лапой по ведрам. Каша и суп разлились на холодную землю.

Медведица рявкнула. Детеныш оставил человека в покое и затрусил к матери. Вдвоем они живо слизали языками с земли гречку-размазню и картошку с мясом.

После сытной еды медвежонок хотел продолжить игру с человеком, но мать ударила его лапой по морде и пошла в тайгу; детеныш поплелся за своей родительницей. Больше звери на стоянке не показывались.

Несомненно, это были наши старые знакомые. Другая медведица с медвежонком никогда бы не решилась на подобную фамильярность.

Учиненный ею разбой мы, конечно, простили. Медведица жила своими — таежными — законами, а законы человеческого общества ей были неведомы.

КАК СОВА ПЕСЦА ПРОУЧИЛА

Каждое утро, когда буровики завтракали в палатке, низ брезентового полога с шуршанием приходил в движение, и в наше жилище просовывалась кареглазая острая морда Жулика — донельзя исхудавшего островного песца с блеклыми линялыми клочьями когда-то роскошной шубки. Он походил на нищего в грязных засаленных лохмотьях.

Я не раз подмечал, что весною и летом песцы совершенно не боятся людей, а зимою их заметишь разве что в ловушке; зверьки словно понимали: их ценность — в невесомой, как пух, белоснежной шкурке, а во время линьки цена ей копейка в базарный день. Торчать возле жилища человека песцов заставляет вовсе не любопытство, этой слабостью они не страдают. Их привле-

кает возможность добыть легкие харчи. Обладая завидным аппетитом, они обычно копошились на свалке, тщательно вылизывали консервные банки, судорожно заглатывали куски подгоревшей каши, рыбьи внутренности, хвосты и даже засаленные бумажные салфетки и промасленные кухонные тряпки.

Но наш Жулик довольствоваться жалкими объедками не пожелал. Как-то прогрыз брезент одноместной палатки, в которой хранились продукты, проник внутрь и основательно заправился съестным. Мы расплескали вокруг солярки. Резкий, неприятный запах горючего отпугнул зверя; к складу он более не приближался. И теперь за завтраком, обедом и ужином непременно стал появляться в жилой палатке. Просунет голову и ждет подаяния, цепко, остро поглядывая на людей, готовый при малейшей опасности броситься наутек. Стараясь не делать резких движений (они всегда пугали Жулика), мы кидали песцу кусочки хлеба или мяса. Тот сразу заглатывал пищу, но при этом ни на мгновение не отрывал от людей настороженных глаз.

Наших харчей Жулику явно недоставало. Чем же еще питался песец? На этом арктическом острове, несмотря на середину мая, стояла настоящая зима с обильными снегопадами, пургою, ядреными морозами по ночам. Разве что в полдень на возвышенных местах подтаивал, оседал снег и показывалась голая земля. Пернатые, за исключением пуночек, еще не прилетали на свою суровую родину. Райская жизнь для песца наступит недели через две-три, не раньше. Тогда-то пищи будет вдоволь: и яйца, и птенцы, а то и зазевавшиеся взрослые птицы. А пока Жулик довольствовался отощавшими к весне леммингами. Прожившие долгую зиму в глубоких норах зверьки, похожие на степных сусликов, выходили погреться в скупых лучах арктического солнца, подышать чистым воздухом, побегать по твердой снежной корке. Жулик подолгу стоял на холмике, крутил головою, выискивая зоркими глазами зверька. И вот он наконец замечал серенький шевелящийся комочек. То, прогнув спину, из норы вылезал лемминг. Песец залегал, как бы сливаясь с оттаявшей землей; глаза его неотрывно следили за желанной добычей. А зверек становился на задние лапки, поджав передние, настороженно оглядывался вокруг, тревож-

но смотрел на небо: не пикирует ли на него огромная чайка бургомистр или белая полярная сова? Нет, все спокойно. И лемминг семенил по ледяной корке. Песец, прижимаясь к земле, делал порядочный круг и заходил с подветренной стороны. Опять залегал, готовясь к стремительному бегу, и выпущенной из лука стрелою мчался в атаку. Лемминг замечал опасность слишком поздно. Бросался было обратно к норе. Но хищник уже отреза́л путь к спасительному убежищу и гнал беднягу прочь. Когда Жулик готов был нагнать обреченного лемминга, тот вдруг резко останавливался, вскидывался на дыбки и отчаянно пищал, отбиваясь от врага передними лапками. Так, чуя неминуемую гибель, поступают эти зверьки. Но песец намного крупнее, сильнее лемминга...

Изредка, когда лемминги долго не появлялись из нор и Жулику надоедало ожидание, песец применял иной прием охоты. Он отыскивал норку и из рыхлого снега и грязи сооружал канавки так, чтобы талая вода стекала внутрь. Через некоторое время она заливала дом лемминга, и полузахлебнувшийся зверек пулей вылетал наружу. Игольчатой остроты зубы и когти впивались в беднягу.

Двадцатого мая, в полночь, я проснулся от глухого подземного грохота. Нары скрипели и раскачивались. Маятником раскачивался кожаный патронташ, подвешенный за металлическую пряжку на гвозде, вбитом в стояк. Подобная штука однажды, тоже ночью, случилась со мною лет пятнадцать назад, когда наша экспедиция работала в Средней Азии, под Ташкентом...

Встревоженные буровики один за другим повыскакивали из палатки. Но это было не землетрясение. Это «шалил» Ледовитый океан. Весенний шторм взламывал припай — полоску толстого льда, спаянного с сушей. Яркое солнце белой ночи, не менее яркое, чем в полдень, высвечивало вздыбившиеся льдины-скалы. От разреженного воздуха, сложного преломления солнечных лучей на гранях и плоскостях они были всевозможных цветов: желтые, синие, оранжевые, винно-красные, бархатно-черные, раскрашенные, как хвост павлина, как радуга. Таких девственно чистых, пронзительных красок не рождала даже могучая фантазия Гогена. Льдины с грохотом поднимались из пучины, сталкивались, пере-

ламывались пополам и падали, как в замедленной киносъемке. Высоченная, почти отвесная скала, далеко шагнувшая в воду, раскачивалась, как гигантский корабль в неспокойном море, хотя она, конечно, не могла раскачиваться: обман зрения рождали беснующиеся, шевелящиеся льдины вокруг подножия.

Шторм вскрыл трехсотметровую полоску, окаймлявшую остров; дальше, насколько хватал глаз, до самого Северного полюса тянулись дрейфующие льды, настолько прочные и толстые, что им уже не был страшен никакой шторм. С вечера на этой трехсотметровой полоске лежали моржи, стадо голов двадцать. Буря, верно, застала гигантских морских животных врасплох. Половина стада успела-таки выбраться на дрейфующие льды, а другая половина спаслась на суше. Клыкастые, весом за тонну морские звери лежали на заснеженной косе, тесно прижавшись друг к другу, и не обращали на нас, стоящих позади, никакого внимания. Они глядели на бесовскую пляску океана и ревели. Нам пришлось заткнуть ладонями уши, мы беспокоились о наших барабанных перепонках. С чем можно сравнить рев моржа? Пожалуй, с тигриным рыком, усиленным мощным динамиком. А если ревут одновременно десять моржей?.. Этот рев не прекращался до утра. Утром, когда шторм утих, моржи тяжело и неуклюже запрыгали на ластах к воде и поплыли к дрейфующим льдам, ловко лавируя между большими и маленькими айсбергами.

Первый весенний шторм как бы напомнил пернатым там, на далеком материке: пора! Пора на родину! И миллионы птиц полетели через пролив. По случайному совпадению наша буровая находилась рядом с крупнейшим в Арктике птичьим базаром. Несметные стаи тихоокеанских гаг, куликов-тулесов, красноногих камнешарок, исландских песочников, лапландских подорожников, кайр устремились на террасы и терраски, уступы и уступчики высоченной отвесной скалы, врезавшейся в океан. Естественный коричневый цвет скалы бесследно исчез; казалось, гранит расцвел яркими диковинными цветами. Галдеж стоял невообразимый! Нам приходилось кричать друг другу, иначе мы не разбирали слов; временами беспрерывный монотонный крик птиц заглушал даже работу бурового двигателя. Чуть позже мы научились узнавать птиц по голосам. Кайры каркали;

кулики-дутыши дудели в свои невидимые дудки на одной ноте; как жаворонки в глубинной России, пели лапландские подорожники и исландские песочники.

Наш Жулик подолгу зачарованно смотрел на скалу, но решился приблизиться к птичьему базару далеко не сразу. Наконец он рискнул подойти к подножию. Мы с интересом наблюдали за ним. Песец начал по-обезьяньи карабкаться, перебираться с выступа на выступ. Вспугнутые птицы перелетали на верхние террасы и оставляли в гнездах яйца. Хищник с жадностью пожирал лакомую добычу. Когда разбойник был на высоте трехэтажного дома, случилось нечто необычное. В воздух, как по команде, с пронзительными криками поднялись сотни пернатых и, сбившись в плотную массу, ринулись на хищника. Ударами крыльев они сшибли непрошеного гостя со скалы. Жулик хлопнулся на камни косы и, преследуемый пернатыми мстителями, побежал прочь, хромая сразу на обе передние лапы. После этой неудачной охоты песец более не решался подойти к птичьему базару.

В конце мая над островом появились белые гуси. Они заходили на посадку, как маленькие реактивные самолеты. Садились эти птицы не на скале, а рядом, в долине, на островках голой земли. Таких островков было еще маловато. Самцы то и дело вступали в драку за удобное место для гнездовья. Они били друг друга крыльями, грудью, клювом.

Победителем оказывался не сильный, а правый, тот, кто первым занял клочок голой земли. Самочки не принимали в битвах никакого участия. Напротив, они сидели рядышком и мирно беседовали на своем гортанном языке, будто бы вовсе не их супруги сошлись в жестокой драке. Но вот наконец выдался по-весеннему теплый денек, снег в долине за несколько часов осел и превратился в говорливые ручейки. Теперь места хватило всем. Гусыни принялись откладывать яйца в наспех сооруженные гнезда.

Наш Жулик словно ожидал этого момента. Сразу было видно, что гусей он побаивался,— вероятно, не однажды был крепко бит этими птицами. В гущу колонии он не вклинивался, промышлял по окраинам. Песец занимался форменным разбоем. Он брал пернатых на испуг. Внезапно с тявканьем налетал на гусыню, птица

от неожиданности взлетала, оставив незащищенными яйца. Хищник хватал яйцо и бросался наутек. Гусыня и охранявший ее гусак могли бы дать отпор песцу. Здесь все решала дерзкая внезапность нападения. Оплошавшие супруги беспрестанно гоготали, но недолго преследовали вора. Песец пожирал лакомую добычу и, улучив момент, вскоре проделывал то же самое. Кроме того, некоторое время Жулик приноровился промышлять более безопасным способом. Стежка, ведущая на буровую, бежала мимо гусиной колонии. Гусыни взлетали при появлении людей, но тотчас садились в гнезда, едва мы проходили мимо. Гусаки шипели, вытянув длинные шеи, и даже щипали нас за кирзовые сапоги. Жулик труси́л позади, как собака. Глаза хитрющие, настороженные... Едва самка взлетала, он мчался к гнезду, хватал яйцо и, отбежав немного, пожирал его. Расчет был прост: птицы следили только за людьми и не замечали разбоя. И пришлось нам протоптать новую тропку, огибающую гусиную колонию.

В чукотской тундре мне не раз доводилось видеть гусиные колонии. Там, на материке, гусей охранял сокол-сапсан. Да, да, охранял, защищал от песцов, поморников и огромных чаек бургомистров в полном смысле этого слова. Едва стоило чайке появиться в пределах гнездовий, сравнительно небольшой, но ладный, верткий, как бы литой сокол-сапсан поднимался с возвышенности (он всегда сидел на возвышенности, чтобы лучше видеть) и маленькой ракетой несся на незваного гостя. Клюв у него как бы с отточенным зубцом; долбанет — и шея пернатого наверняка переломлена. Ну а если пустит в ход свои острейшие загнутые когти, тогда отсеченная птичья голова летит на землю, на худой конец, повисает на кожице. Настигнув песца, отчаянный смельчак сокол-сапсан распарывает ему когтями-иглами шкуру на спине, и беда зверю, если полоснет ими по шее: непременно перережет важную артерию.

В чем же дело? Почему не знающий жалости губитель птиц не трогает гусей, пасущихся у него под носом? Ведь гусиное мясо — деликатес не только для людей. Что заставляет его вдобавок охранять их? Сокол-сапсан воздушный охотник, а гуси во время линьки, растеряв маховые перья, не могут летать, спасаются от преследователя бегством. Сокол не добывает пищу на

земле: не рассчитав стремительности полета, может сам разбиться о твердь. Это одно объяснение.

Есть и другое. И сокол-сапсан и гуси приступают к устройству гнезд, когда в тундре еще лежит снег, когда голая земля начинает только-только чернеть маленькими проталинками. Мест для гнездовий совсем мало. Они селятся вместе вынужденно. Сокол охраняет яйца самки, заодно и гусиные, а потом и птенцов. Если отлучится от гнезда, гуси громким гоготом всегда дадут знать о приближении песца или чайки.

Но на нашем арктическом острове соколы-сапсаны не водились. Кто ж тогда охранял гусиную колонию?

Я не сразу понял, что эти обязанности возложила на себя белая полярная сова. Их на острове было совсем немного. По этой причине и Жулик до поры до времени уходил от возмездия.

Как-то ночью не спалось. Арктические белые ночи, когда день совершенно не отличается от ночи и буйное солнце даже не касается горизонта, действуют на психику человека, привыкшего спать в темноте. Не признавая никаких лекарств, я поднялся, оделся и пошел гулять по тундре. Побродишь час-другой, устанешь как следует и, по опыту знаю, заснешь.

Я зашел довольно далеко, на ту сторону обширной долины, в которой разместилась гусиная колония. Нет-нет да в непрерывный гогот вклинивалось тоненькое попискивание. Это вылупились первые гусята. Добро пожаловать, новые жители Земли!

Я уже хотел повернуть обратно, когда заметил слетевшую с гнезда белую сову. Судя по размеру, это была самка, она значительно крупнее, и у нее, в отличие от чисто-белых самцов, оперение с частыми пестринами. Увы! Мать не защищает своих птенцов; эти обязанности выполняет самец совы, или совин, как его называют северяне.

Я оглянулся. Совина не было видно. И направился к гнезду, в котором копошились головастые пушистые комочки. Не терпелось рассмотреть совят вблизи. Шел с опаской, то и дело озирался: совы защищают свои гнезда с необычайной яростью. На Камчатке мне показывали одноглазую собаку. Глаз ей выдрал когтями совин: она пыталась подойти к птенцам. Даже гигант сохатый обходит его гнездо стороною!

Я ожидал внезапного нападения с любой стороны, но только не с воздуха. Смех! Как-то вышло из головы, что этот хищник пернатый и у него есть крылья. Вдруг меня как бы обдало ветром. В следующую секунду я получил мягкий, но сильный удар по голове. Острые когти сорвали с головы капюшон штормовки. Пришлось спасаться позорным бегством. Частое щелканье клюва, свист крыльев наконец удалились. Я остановился и оглянулся. Храбрец спланировал на гнездо, отогнав мнимого врага. К нему тотчас подлетела сова и села на птенцов.

Раза два я видел совина, который облетал гусиную колонию, свои владения. При появлении этой птицы бургомистры и поморники поспешно улетали к дрейфующим льдам. Он их не преследовал, потому что в это время года кормился только леммингами. Жулик, завидев защитника гусей, пулей мчался прочь от колонии. Хотя на месте преступления птице пока не удавалось застать воришку, он все же уносил ноги: рыльце-то в пушку в полном смысле слова, я не раз видел, как он крал и пожирал беспомощных гусят.

Однажды пришли с буровой на обед, сидим в палатке, трапезничаем. Полог приоткрыт, чтобы чад от железной «буржуйки» — наполовину разрезанной железной бочки — наружу выходил. И вдруг в палатку с каким-то поросячьим визгом влетает Жулик! Голова в крови. Забился под нары. Не успели мы глазом моргнуть, как у входа с неба свалился совин. Выгнул крылья, перья на шее и груди дыбом; как бы разбух, увеличился в размере. Прозрачные янтарные глазищи уставлены, что рогатины. Из глотки вырывается звук, похожий на скрип ржавой лебедки.

Взрыв хохота напугал птицу. Она взлетела с тем же скрипучим звуком. А Жулик таился под нарами до вечера. Он прошмыгнул мимо ног, когда мы вернулись со смены.

Несколько дней после этого неприятного происшествия Жулик питался только на свалке, а потом опять занялся разбоем. Правда, теперь он «работал» с величайшей осторожностью. Прежде чем утащить гусенка, подолгу оглядывал небо.

Недели через три, когда гусята заметно подросли и делали первые неудачные попытки взлететь, произошло

событие, чуть не стоившее Жулику жизни и круто переменившее его судьбу. Я был свидетелем этого события.

В полночь, щурясь от яркого солнца, я шел тундрой, используя обычную прогулку как средство от бессонницы. Внимание мое привлек совин, быть может, тот самый, что чуть не влетел в палатку, преследуя Жулика.

Он ходил в небе большими кругами, вытянув книзу короткую шею. Как видно, это был обычный дозорный облет.

И вдруг птица круто изменила направление, часто-часто забила крыльями. Она помчалась по наклонной плоскости, к земле.

Я ожидал, что совин вспугнет бургомистра или поморника, но ошибся. Из гусиной колонии на голую, свободную от птиц тундру выбежал Жулик. В пасти у него бился гусенок. Живая добыча очень мешала ему бежать, лишила маневренности. Наконец песец расстался с гусенком: совин настигал грабителя. Некоторое время летящая птица догоняла Жулика, затем как бы в рывке спикировала и ударила его всем телом. Песец покатился по мху. Короткая схватка. В воздух полетели перья, клочья линялой шерсти. И вскоре, глубоко вонзив когти в тощие бока зверя, совин взлетел со своей живой ношей! Жулик громко кричал. Так кричит смертельно раненный заяц. А птица поднималась все выше и выше...

Я с замиранием сердца следил за необычным полетом. «Га-га! Га-га-га!..» — одобрительно, как мне показалось, кричали возбужденные гуси.

И вот совин над косой. Набрал еще бóльшую высоту. И разжал когти. Песец, кувыркаясь, полетел на землю. Птица сбросила зверя очень расчетливо, с тем чтобы он упал не на песчаный пляж, а на камни.

Но на этом изуверская пытка не закончилась. Заметив, что Жулик не разбился насмерть, а зашевелился и пытается подняться, совин вновь ринулся в атаку. Опять подхватил песца и взмыл с ним в воздух. Но теперь он полетел в сторону океана. Птица сбросила свою жертву в ледяную воду в пятидесяти метрах от берега. Фонтан радужных брызг. И свинцовая рябь сомкнулась над нашим Жуликом.

Все произошло за считанные минуты, я не успел ничего предпринять. Да и что я мог сделать, чтобы спасти песца? Крылья человеку не даны...

Расстроенный, вернулся в палатку. Буровики спали, потрудившись на смене. Я разделся, забрался в спальный мешок. Сон все не шел. До боли было жаль Жулика. Привыкли к нему. Как привыкают к собаке.

Не помню, сколько я проворочался на нарах. Час, два ли часа. Приснился Жулик. Будто бы он не утонул, а барахтается в полынье, скулит, тявкает. Но я не могу помочь. Мечусь по косе, не решаясь проплыть разделяющие нас полсотни метров: ледяная вода тотчас сведет ноги судорогой... Я открыл глаза. Уставшие буровики громко храпели. И вдруг в эти звуки, как во сне, вклинилось слабое поскуливание. Я приподнялся на нарах. И даже вздрогнул: в палатке у входа лежал Жулик!

Четыре дня песец пролежал в палатке, отказывался принимать пищу, даже не пил. Беспокоясь, что он изойдет кровью, я наложил на страшные раны зверя пластырь. Мы ухаживали за ним, как за больным ребенком. Я взял грех на душу, загубил гусенка и провернул парное птичье мясо через мясорубку. Наконец-то зверь поел. И дело пошло на поправку.

Жулик исчез через несколько дней. Вернувшись со смены, мы не обнаружили его под нарами на оленьей подстилке. Обыскали всю округу. Зверь будто сквозь землю провалился.

Ближе к осени буровики перебазировались на противоположную оконечность острова, за сто десять километров. Здесь нам предстояло пробурить две скважины.

И каково же было наше удивление, когда в день приезда к нам в палатку заявился старый знакомый! На спине и боках у него были рубцы. Зверь был страшно голоден, потому что не жуя проглотил содержимое двух банок говяжьей тушенки. Он отощал еще больше.

Жилось здесь ему худо. В этих местах не было ни гусиных колоний, ни птичьего базара, лишь изредка встречались одиночные гнезда пернатых. Но, как мы поняли позже, уходить он отсюда не собирался. Жизнь ему была дороже обильной пищи.

ВОССТАНОВЛЕННОЕ ДОВЕРИЕ

Когда стало известно, что наш поисковый отряд вскоре перебросят на юг Камчатки, на побережье Первого Курильского пролива, я потерял покой. Там жили каланы, или морские выдры, или морские бобры,— существа, по рассказам, поразительные во всех отношениях. На Дальнем Востоке я встречал уссурийских тигров и белогрудых гималайских медведей, на острове Тюленьем, что неподалеку от Сахалина, наблюдал сивучей — морских львов и котиков, на острове Врангеля видел белых медведей, лахтаков — морских зайцев, моржей, овцебыков, арктическое чудо — розовую чайку. Когда Фритьоф Нансен повстречал во льдах эту редчайшую птицу, он от радости пустился в пляс, и товарищи великого полярника подумали, что их начальник свихнулся.

А вот каланов видеть не доводилось. И неудивительно. Во всем мире не найти пушного зверя с таким красивым, мягким, шелковистым и носким мехом. И таким баснословно дорогим. В начале века от полумиллионного стада осталось чуть больше полутора тысяч: на острове Медном, что на Командорах, на Курилах, на Южной Камчатке, на Аляске и Алеутских островах. Одумались люди, выдали зверю охранную грамоту... Сейчас их тысяч десять.

Наконец отъезд! За два часа вертолет перебросил отряд поисковиков из центра Камчатки на южную оконечность полуострова.

Дикие, первозданные места, еще не обжитые людьми. Сопки в яркой зелени стланика-кедрача с белыми прожилками каменных берез тянулись до самого горизонта. Нагие пепельно-коричневые скалы вертикальной стеною подступили к проливу. Вода пролива свинцовая; белогривые валы ударяли в береговой камень мощно и раскатисто.

Едва мы разбили палатку в ложбинке возле ручья, я пробрался сквозь густые заросли стланика и вышел к проливу. В кармане моей штормовки лежала вареная треска.

Моему взору предстала обширная бухта. На камнях и в воде неподалеку от берега многочисленными группами сидели и лежали каланы, дегтярно-черные и бу-

рые. В воде они лежали все в одной и той же позе, на спине, приподняв голову и скрестив на груди передние лапы. Кто спал, кто сладко, во всю пасть, зевал.

В той группе, что находилась напротив меня, были беременные самки и матери с новорожденными детенышами — медведками, как их прозвали за светло-бурый мех. Одни спокойно лежали на материнской груди, позволяя вылизывать, разглаживать свой мех, другие бестолково гонялись друг за дружкой, и родительницы беспокойно следили за шалостями своих чад. В группе слева держались самки с уже подросшими детенышами, а в группе справа — холостые звери.

Но меня удивил не четкий порядок в стаде каланов. Поразил мир, царивший среди хищных зверей. Ни грызни, ни драки, ни даже легкого раздражения. Помнится, на Тюленьем среди котиков была совсем иная картина. Бесчисленные потасовки, жестокие битвы за самку и место на тесном пляже там не утихали ни на минуту, и тела самцов были обезображены свежими ранами и шрамами.

Я много был наслышан о каланах и знал действительную причину их необычайно кроткого нрава. У белого медведя или у того же котика толстенный слой подкожного жира. Разодран в драке мех — не беда: от переохлаждения тело защитит жир. А у калана жира почти нет, роль теплоизоляции выполняет только мех; всякая рана грозит животному смертью в холодных водах. Умные звери это знают и берегут шкуру пуще зеницы ока. А как они ухаживают за своими шубками! Почти все морские бобры, отдыхавшие на берегу, каких я окинул взором, неустанно массажировали передними лапами свой воистину драгоценный мех, изгоняли из него влагу, расчесывали, взбивали шелковистые волоски. Ни дать ни взять модницы перед зеркалом, наводящие марафет перед новогодним балом. Калана нельзя назвать красивым зверем, как, например, косулю или леопарда: коротенькие лапы, вздувшееся брюхо, чуть ли не волочившееся по земле, толстый короткий хвост; но мешковатое полутораметровое тело (словно он шубу надел не по размеру), свисающие белесые вибриссы — усы, незлобивый, добродушный взгляд широко поставленных глаз — все излучало неизъяснимое очарование. Что-то совсем беззащитное, овечье есть в его заросшей светлым

мехом морде. Да и что такое красота? Так глядишь на красивую холодной античной красотою женщину; не трогает ее лицо — восхищает. И вот встает рядом с нею другая. И рот-то у нее великоват, и нос вздернут. Но в милой улыбке, в смешливых глазах столько несказанной прелести, теплого света, что, право же, уже не замечаешь неподвижную античную красоту...

Пока я стоял, звери не проявляли заметного беспокойства, лишь изредка поглядывали на меня: ты кто, мол, таков? Но едва мне стоило приблизиться к ним на несколько метров, беременные самки и молодые мамы, схватив зубами медведок, устремлялись к воде. Шлеп! Шлеп! Шлеп! Одна за другой каланихи попадали с обрывистой кромки в пролив. Лежа на спине, животные, как по команде, приподняли головы, устремив на меня опасливые взгляды; детеныши забрались на материнскую грудь.

Мне невольно стало стыдно за род людской. Говорят, на острове Медном каланы совершенно не боятся людей и, выходя из моря, берут пищу прямо из рук. Не так-то просто раньше было добраться до Командор, человек не успел там выбить, напугать зверей — вот причина такой доверчивости. А на Южной Камчатке успел. Да так, что у каланов выработался инстинкт боязни двуногого существа как самого опасного хищника. Запрет на свободный отстрел каланов введен у нас в 1924 году. Этот зверь живет десять лет. Стало быть, даже через шесть поколений мирной для него жизни не притупился этот тревожный инстинкт!

В невеселом раздумье я сел на камни, чтобы казаться зверям поменьше ростом и не так пугать их. Каланы покачивались на волнах, как на качелях, и по-прежнему не спускали с меня настороженных глаз.

Мое внимание привлек каланенок, который сидел на материнской груди и тоже смотрел на меня. Но во взгляде детеныша не было страха. Глаза горели безудержным любопытством. Незнакомые существа возбуждали в нем интерес, но не страх. Раза два каланенок пытался сползти с груди матери с явным намерением плыть ко мне, но родительница удерживала несмышленыша передними лапами. Они у нее цепкие, хваткие, не то что задние, напоминающие ласты; вместо пальцев — твердые и очень подвижные подушечки и фалан-

ги — трубчатые кости, которыми зверь может держать даже соломинку.

Наконец медведка, улучив момент, выскользнул-таки из крепких объятий, свалился в воду и поплыл. Мать, очевидно, подумала, что детеныш захотел размяться, порезвиться, а потом вернуться на прежнее место, и не преследовала единственное свое чадо. Но она ошиблась. Каланенок довольно быстро проплыл десяток метров, что разделяли нас, и выкатился на берег. И только тогда каланиха спохватилась и с тревожным писком поплыла на выручку.

Медведка засеменил ко мне, на ходу стряхивая со шкуры воду. Ростом он был не больше кошки. Стараясь не делать резких движений, я извлек из кармана вареную треску, положил возле ног. Каланенок приблизился вплотную. Сначала он обнюхал ноги, затем пищу, потом задрал морду и уставился молочными глазками в мое лицо.

Я поднял детеныша и посадил на колени. Он тотчас принялся массажировать передними лапками тело — изгонял из шубки влагу. Этот инстинкт малыш усвоил прочно и основательно. Инстинкт самосохранения, инстинкт боязни человека еще не обременил слабенькую головенку.

Мать между тем все с тем же тревожным писком вышла из воды. Она шла прямо на меня, давнего своего врага, но меня, уверен, не видела. Она видела только своего детеныша. Надо бы подбросить ей малыша, не рвать материнское сердце, но я продолжал сидеть и не шевелился. Я был как бы загипнотизирован этим зрелищем: мать, спасая свое дитя, сама идет в руки врага. Не раз и не два в долгих скитаниях по северу я видел подобное среди зверей и птиц и всякий раз вспоминал мать человеческую... Воистину каменное, заросшее мхом сердце надо иметь, чтобы убить в такой момент каланиху. Но именно так поступали охотники: ловили детеныша, родительница бежала на помощь, и человек хладнокровно, в упор расстреливал зверя. Если бить издалека, можно ненароком попортить сказочную шкуру, а с близкого расстояния несложно попасть точно в глаз...

Каланиха ближе, ближе... Я продолжал неподвижно сидеть с медведкой на коленях. Она может покусать,

челюсти у нее сильные, зубастые, как у овчарки, но зверь — я был уверен в этом — не пустит в ход клыки. Никогда еще калан не кусал человека. Ни в наше время, ни сто, ни двести лет назад.

Каланиха поравнялась со мною. Вскинувшись на задние ласты, она положила передние на колени, зубами схватила детеныша за холку и отпрыгнула вместе с ним. Так женщина берет из чужих, неловких рук своего ребенка: подержал, позабавился — и будет. Неровен час, уронишь.

Она отпрыгнула к самой кромке пролива. Еще секунда — и соскользнет в воду, там спасение, безопасность. Но не соскользнула. Оглянулась. Я поспешно разломил вареную треску и бросил половину к ее ногам. Каланиха некоторое время в раздумье поглядывала то на пищу, то на меня, затем положила каланенка на камни и, обнюхав треску, стала есть ее. Подкатился детеныш и тоже принялся уплетать за обе щеки; самка тотчас оставила трапезу. Мать она заботливая, не в пример самке котика, которая занята только тем, чтобы завлечь самца-секача, и способна оттолкнуть от сосцов голодного, почти беспомощного малыша.

Я скормил зверям остаток рыбы. Каланиха легла; своего малыша она посадила на грудь и удерживала его цепкими лапами, потому что он норовил вырваться и убежать ко мне. Чем-то я ему приглянулся.

Остальные звери продолжали лежать в воде. Ни один не решился выйти на берег.

И пришла мне вдруг такая идея... Сделать так, чтобы каланы не опасались меня и моих товарищей. Подавить в них инстинкт боязни человека. Восстановить утраченное доверие. С помощью единственного, но могучего оружия — ласки. Время есть, здесь мы пробудем не меньше месяца.

Геологи поддержали меня, хотя и не были уверены в успехе этого предприятия. Память у животных неплохая, лихую, разбойничью славу человека не так-то просто им забыть...

Я попросил парней пока не показываться в калановой бухте. Сразу несколько человек могут сильно напугать зверей. Пусть они привыкнут сначала к одному.

По утрам мне некогда было заниматься своим экспе-

риментом: выполняя обязанности рабочего, я до вечера пропадал с геологом в маршруте и в бухту приходил лишь в сумерках. Первые три дня все каланы, кроме знакомой самки с детенышем, которых я уже знал «в лицо», подхватив малышей, шлепались в воду и оттуда пугливо следили за мною. Потом еще одна самочка с калаиенком не бросились спасаться в пролив при моем появлении. В благодарность я подкормил зверей треской. Затем доверилась другая.

Через полторы недели животные уже не боялись меня, правда, и вплотную не подпускали, не разрешали погладить. До темноты я просиживал в калановой бухте, и каждый вечер открывал в неведомой мне жизни что-то новое, удивительное...

Вот самка, подхватив детеныша, спешит с ним в море, на кормежку. Но прежде чем зайти в воду, она непременно отыщет на берегу плоский камень размером с кулак, зажмет его под мышкой. Зачем? Это прояснится чуть позже. С каланенком она плывет на глубину. Наконец останавливается. Звери ныряют. Нет их довольно долго. Но вот они вновь на поверхности. Плывут к зарослям морской капусты. Это растение образует в море плотный бледно-зеленый островок. Волнение здесь незначительное, главное же, сюда не заходят враги каланов — косатки и акулы. Каланиха ложится на спину, достает камень, зажатый под мышкой. Это я уже разглядываю в бинокль. Им она орудовала под водой, отдирая от донных камней двустворчатых моллюсков, а свою добычу, как в карманы, рассовывала в складках кожи на груди. Там же, в этих складках, иная пища — морские ежи, любимое блюдо калана, и рыбешки мойва и песчанка.

Теперь камень служит каланихе для другой цели. Она кладет его на грудь. Достает из «кармана» двустворчатого моллюска. Скорлупа его крепка, не разломить, не разгрызть зубами. Зажав лапой, зверь с размаху бьет им о камень. От удара скорлупа лопается. Моллюск исчезает в пасти каланихи. Словом, камень — наковальня. Так человек раскалывает грецкие орехи, когда под рукою нет молотка.

А сейчас очередь за морскими ежами. Их зверь без усилий раздавливает лапами. Внутри живого шара — вкуснейшая и очень питательная икра. Ее зверь ест с

видимым наслаждением, причмокивая от удовольствия. Так сладкоежка поедает любимые пирожные. Ну а на десерт имеется мойва или песчанка, но не вся рыба, а только филейная часть. Остальное каланиха выбрасывает. Зная эту привычку животных, над ними всегда кружат чайки, с криком и дракой подхватывают плавающие отбросы.

Детеныш во время трапезы находится в воде и, опершись передними лапками о материнскую грудь, внимательно следит за тем, что родительница отправляет в пасть. Если пища ему нравится, он выхватывает ее; каланиха беспрепятственно отдает все, что малыш пожелает взять.

Затем насытившиеся звери ложатся на воде бок о бок. Самка опутывает себя и свое чадо длинными стеблями, выдранными из острова морской капусты. Это для того, чтобы течение не уносило их в опасное место, где могут появиться косатка или акула. Долго и сладко животные зевают. С таким удовольствием не зевает ни один зверь, разве медведь, только что выбравшийся из берлоги под теплые солнечные лучи. И засыпают, покачиваясь на легких волнах, как на качелях. На воде им спать очень удобно, как и на суше...

Однажды я вернулся из маршрута сильно уставший, решил не спускаться в калановую бухту, завалился спать. Утром поднялся раньше всех: нынче кашеварил. Помешиваю в котле свое «фирменное» блюдо, за которое парни грозятся меня отлупить,— нечто среднее между первым и вторым, гречка, лапша и фасоль, все это в одной куче,— и вдруг слышу позади шорох жухлой листвы. Правая рука машинально нащупала рукоять кинжала. Оборачиваюсь. Но опасения мои напрасны. То по каменистой тропке из бухты на стоянку отряда явилась каланиха. Одна, без детеныша. Я не успел бросить ей угощение; развернувшись, зверь запрыгал обратно. Ребята после шутили: мол, забеспокоилась каланиха, куда я пропал, решила проведать.

Кто знает, может, в этой шутке доля правды?

За несколько дней до отлета геологи свободно расхаживали по калановой бухте и не пугали своим появлением и видом зверей.

ЖИВОЙ «КАЛЬМАР»

С глубины двухсот пятидесяти метров лебедка поднимала трал. Часа полтора ползла по дну морскому гигантская сеть, захватывала в капроновый сквер косяки; из сквера рыба попадала в полукуток и, наконец, в куток, откуда ей единственный путь — на палубу, в крепкие матросские руки.

Пользуясь коротким перерывом на вахте, я смыл из шланга со своей непромокаемой и непродуваемой рыбацкой одежды рыбью слизь, чешую и кровищу и присел на ступеньки трапа отдышаться. Когда тебе пятый десяток, нелегко стоять у рыбодела — стола, на котором разделывают рыбу. Силенки-то еще имеются, да вот нет молодого, легкого дыхания.

Море было неспокойное. Наш старенький РТ — рыболовный траулер с громким именем «Адмирал Нахимов» — поплавком крутился на водяных горах, скрипел палубными надстройками, готовый, казалось, вот-вот перевернуться. Когда форштевень проваливался в очередную яму, с полубака, разогнавшись на скользких досках, летела вода, ошалело била в высокие ящики для улова. Деревянный рыбодел, фок-мачта, окна штурманской рубки — все было затянуто плотной сеткой влаги. А за бортом — вода, вода, вода... РТ «Адмирал Нахимов» вел промысел трески за сотню миль от курильского острова Парамушир.

В мою ладонь ткнулся мордой наш корабельный пес Чуня, точнее, не пес, а щенок с вислыми, не стоячими ушами и глупенькими молочными глазками. Перед отходом РТ в море невесть откуда появился он на причале. Дрожащего, скулящего, рыбаки подобрали его и оставили на корабле. Породы он был «дворянской» — чистокровная дворняжка. Игривый и ласковый, Чуня был всеобщим любимцем. Случалось, так наломаешься у рыбодела, что свет не мил, а увидишь это неуклюжее существо — и сердцем оттаял, и усталость исчезла. Чуня неважно переносил качку и сейчас, поскуливая, прижался ко мне, чтобы я его пожалел.

Наконец всплыл тугой серебристый куток. Я на глаз определил: тонны три в нем, не меньше. Куток тотчас атаковала большая стая чаек, неотступно преследовавшая корабль четвертый месяц подряд.

Стрела подняла живое, трепещущее, плененное крепкой капроновой сетью серебро, и вся эта масса зависла над главной палубой. Боцман привычно заработал с гайтяном — приспособлением для выливания улова. С небольшими перерывами из кутка на палубу потекла рыба. И треска, и красные морские окуни с крепкими и высокими плавниками-гребнями, и хвостатые плоские скаты, и камбалы с двумя круглыми глазами на одной стороне. Что-то тяжелое и сильное вырвалось из средней части кутка и упруго забилось в живом серебре.

— Акула!..

— Сам ты акула! Глаза-то разуй: дельфин.

Да, это был дельфин, тихоокеанский дельфин, как называют его ученые. Здоровенный, немногим меньше трех метров. Эластичная крепкая кожа обтягивала ладное тело морского животного с вытянутой и узкой головой, с плавниками, похожими на серп. Дельфин то и дело раскрывал рот, судорожно хватал воздух, показывая свои многочисленные мелкие зубы. Широко поставленные глаза выражали страх. За ударами волн о металлический корпус РТ, за скрипом плохо закрепленного рыбодела я вдруг услышал поросячье повизгивание. До меня не сразу дошло, что эти звуки издает дельфин. Потом я вспомнил, что эти звери визжат в том случае, если испытывают боль.

— Видно, ячейки кожу натерли.

— Да и на доски упал — зашибся...

Я опустился на колени и начал оглаживать зверя. С головы до хвоста. Поросячий визг тотчас сменился иным звуком — беспрерывным свистом. А это уж признак довольства. Дельфины любят, когда их гладят. Морской зверь был самкой: я рассмотрел два соска, едва выступавших из кожных карманчиков.

Четверо матросов с трудом подняли животное и понесли его к борту. Завидев близкую воду, дельфин упруго рванулся из рук — рыбаки едва удержались на ногах — и без всплеска ухнул в море. Живи, дурачок, да смотри не попадайся больше в сети. Найдутся лихие люди и, выполняя план, отправят тебя в РМУ — в рыбомучную установку...

Но дельфин не думал уплывать. Он крутился возле заржавленного борта, наполовину высунувшись из воды, широко открывал рот. Догадались: просит рыбу.

Я взял небольшую треску и бросил ее зверю. Дельфин поймал ее на лету и — хрясь! — перерезал так, что голова и хвост отлетели в разные стороны, а серединка, самое вкусное, исчезла в пасти. Здешняя банка богата рыбой, и морские звери, удачливые добытчики, что называется, зажрались.

Минул час, другой, а дельфин все не исчезал. Его как магнитом притягивало к РТ. Что именно? Возможность добычи легкой пищи? Благодарность за подаренную жизнь? Верно, то и другое вместе.

Зверь то ходил большими кругами вокруг корабля, то подныривал под судно, чтобы появиться с противоположного борта. Желая обратить на себя внимание, он выкидывал настоящие цирковые номера. Вертикально удерживая в воде хвостовую часть, словно находясь не в воде, а в плотной массе, дельфин мощно бил всем остальным телом и продвигался таким способом довольно быстро. Или вдруг, торпедой выскочив у самого борта, обдавал нас струей из дыхала. И все вертелся, крутился волчком. При этом он издавал самые разнообразные звуки: свистел, визжал, ревел, часто-часто щелкал челюстями, хрюкал и даже тонко, по-щенячьи, лаял и по-утиному крякал.

Не исчез дельфин ни на следующий день, ни через неделю. Правда, теперь он мог уплыть от РТ за милю, а то и за две, но непременно возвращался к судну. Наш презабавный дурашливый Чуня как бы отодвинулся на задний план; теперь утешением для рыбаков стал дельфин.

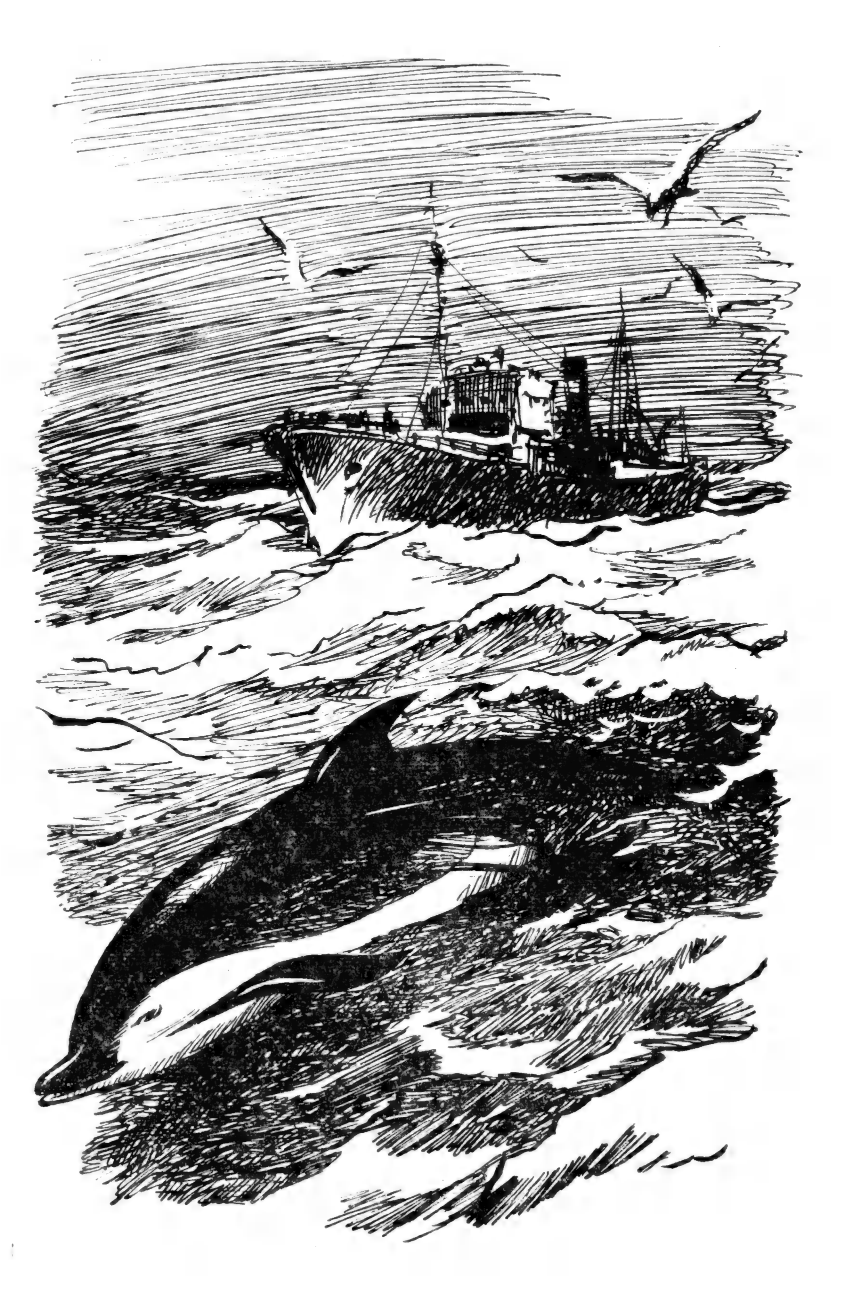
Однажды мы стали свидетелями необычного поведения морского зверя. В миле от корабля он начал вытворять такое, что рыбаки даже оставили работу. Он то и дело выпрыгивал из воды. Длилось это довольно долго. Капитан, опытный моряк, приказал рулевому изменить курс и следовать к дельфину. Фишлупа «Кальмар», рыбопоисковый прибор, показала плотное скопление рыбы. Бросили трал; стрела еле-еле выволокла на палубу куток. В нем было почти пять тонн! Через полдня, уже в другом квадрате банки, повторилось то же самое: дельфин начал беспрестанно выпрыгивать из воды, «Кальмар» указал на богатый косяк, и трал опять вытянул около пяти тонн улова. Не оставалось сомнений: наша знакомая наводила траулер на скопление рыбы!

Впрочем, об удивительной особенности дельфинов помогать морякам в ловле рыбы знали еще в седой древности. Древнеримский ученый Плиний Старший поведал миру о дельфинах, которые мешали косякам кефали уходить из залива Латера и тем самым помогали рыбакам брать богатый улов; рыбаки в благодарность делились с морскими животными своей добычей. Римский писатель Элиан Клавдий во втором веке описал, как рыбаки брали острогами рыбу, загнанную в маленький пятачок между лодками и дельфинами. В Неаполитанском заливе — уже в двадцатом веке — стая дельфинов во время промысла не давала рыбным косякам рассредоточиваться, чем способствовала успешному лову. В наши дни в Бирме, на реке Иравади, жители прибрежных поселков даже судились между собою из-за небольшого дельфина орцеллы, который загонял рыбу на мелководье, и рыбаки брали ее острогами. Каждый поселок считал орцеллу своей собственностью...

Весть о живом рыбопоисковом приборе быстро распространилась среди РТ, промышлявших на банке. Капитан флагманского корабля, который по рации передавал нам, где именно, в каком квадрате, вести добычу, приказал нашему капитану работать с живым «наводчиком», а не с приборами. За полторы недели мы взяли месячный план! По распоряжению флагмана три траулера пристроились в хвост «Адмиралу Нахимову», и они с каждым подъемом трала выливали на главную палубу по четыре тонны улова.

Каждые двадцать часов «Адмирал Нахимов» сдавал рыбу на плавбазу — исполинских размеров корабль-склад, стоящий на якоре в центре района промысла. Возле плавбазы, ожидая своей очереди, всегда торчали десятки РТ. Траулеры походили друг на друга, как братья-близнецы: все с высоко задранными штурманскими рубками, с заржавленными бортами, одинаковой длины. Морской зверь исчезал миль за пять до плавбазы. Его, очевидно, отпугивал гул многочисленных судовых двигателей и загрязненное мазутом море. Но когда «Адмирал Нахимов», сдав улов, вновь выходил на промысел, дельфин, словно узнав корабль «в лицо», немедленно присоединялся к нему.

Зверь кормился возле РТ, рыбы для него мы не жалели, но иногда, когда на небольшой глубине ходили



косяки, моряки наблюдали охоту хищника. Это было занимательное и поучительное зрелище.

Дельфин как бы расчленял косяк и отбивал от основной массы стайку в сто — сто пятьдесят рыбин. Затем с большой скоростью (эти звери развивают скорость до сорока километров в час) кружил вокруг этой стайки, не давая рыбе рассредоточиться. Неожиданно он бросался в самую гущу, хватал рыбину, вынырнув, подбрасывал ее, ловил, как ножом, отсекая зубами среднюю часть. Затем повторялось то же самое. Мы поражались отменному аппетиту «человека моря».

Однажды поднимали трал, а в это время всегда усиливается качка; волна, перепрыгнув борт РТ, смыла нашего Чуню в море. Визг барахтающегося щенка почти заглушали удары волн о корпус корабля, змеиное шипение бурунов. Кто-то из рыбаков начал поспешно стаскивать с ног тяжелые кирзовые полубахилы, намереваясь прыгнуть и спасти Чуню. Но разуться он не успел. Возле полузахлебнувшегося щенка появился дельфин, схватил его зубами поперек туловища, выскользнув из воды, бросил живую ношу через борт РТ на главную палубу. Так баскетболист в длинном прыжке забрасывает в корзину мяч.

Мастер рыбоконсервного цеха, особенно любивший Чуню, подошел к большой бочке с печенью трески и зачерпнул из нее полное ведро. Мужик прижимистый, бывало, кусочка печени, этого дорогого продукта, у него не выпросишь. Но сейчас мастер выплеснул нежную светло-коричневую печень в море дельфину. Лакомство тотчас исчезло в пасти.

Не за горами было долгожданное возвращение в родной порт, встреча с женами и детьми, заработанный отдых на берегу. Почти полгода болталась наша посудина в океане. Срок немалый. Рыбаки считали деньки.

Дельфин по-прежнему наводил траулер на косяки. Пока не случилось ЧП, чуть не стоившее нашей верной помощнице жизни.

В один прекрасный день в полумиле от РТ на дельфина напала косатка, или кит-убийца, морской волк, волк в китовой шкуре. Не знающего жалости десятиметрового гиганта с внушительной зубастой пастью и высоко поднятым, в человеческий рост, спинным плавником.

похожим на меч, первым заметил вахтенный штурман. Он сообщил об этом рыбакам через микрофон внутрисудовой связи «Березка». Корабль круто изменил курс и самым полным, отваливая тяжелые водяные пласты, пошел на выручку дельфину.

Мы оставили работу, напряженно следили за поединком. Точнее, мы застали лишь финал страшного единоборства: самка, очевидно раненая, как-то странно, рывками плыла к судну, шарахаясь то в одну, то в другую сторону, а косатка неотступно преследовала ее, в длинных прыжках по воздуху пытаясь ухватить свою жертву за хвост.

И вот они рядом с бортом РТ. Дело бы кончилось одним — смертью дельфина, если бы не находчивость нашего капитана. Через распахнутое окно штурманской рубки он из ракетницы выстрелил в косатку. Красная сигнальная ракета с шипением и шлейфом белого дыма угодила в распахнутую пасть. Кит-убийца издал громкий утробный звук и зигзагами поплыл прочь от судна

Наша помощница попыталась запрыгнуть через борт на главную палубу. В другое бы время она сделала это играючи. Но сейчас несложный трюк не удался. Тяжело шлепнулась обратно в море; волна шмякнула ее о корпус корабля. На правом боку зверя зияла страшная рана, оставленная зубами косатки.

Объявили тревогу. Зуммер вытолкнул из кубриков отдыхавшие вахты. Срочно спустили шлюпку. Дельфин позволил пленить себя большим обрывком крепкой капроновой сети, поднять на борт шлюпки. Он все понимал. Он стонал от боли, как человек.

Дельфина уложили на палубные доски. Наш судовой Айболит приказал беспрерывно поливать животное водой, а сам, склонившись, внимательно рассматривал рану, качал головой. Затем спустился в свою каюту и появился на палубе с деревянным чемоданчиком. На чемоданчике красным по белому был нарисован большой крест.

Доктор сделал необычному пациенту два укола — пенициллина и гидроксизина, затем толстой суровой ниткой ловко, словно распоротый рогожный мешок, зашил рану. Во время этих процедур дельфин кряхтел, как хворый старик.

Зверя перенесли к борту и с креном корабля осторожно спустили в море. Он беспомощно, боком, лег на воду и не шевелился; волна крутила его как хотела.

Капитан приказал застопорить двигатель. Мы не могли оставить в беде нашего друга. Черт с ним, с этим планом. Стояли час, полтора. Вокруг дельфина плавали брошенные моряками рыбины, но он не обращал на пищу никакого внимания.

И вдруг наша помощница слабо заработала хвостом, перевернулась вверх спиной и медленно поплыла. Так оживает сонная рыба, на какое-то время извлеченная из воды и выпущенная обратно в родную стихию.

Через неделю «Адмирал Нахимов» уходил из района промысла в родной порт. Все это время дельфин держался возле борта РТ. Он был еще так слаб, что не мог даже добывать себе пищу. Моряки вдосталь кормили зверя.

Сорок часов самым полным ходом траулер следовал в порт, и морской зверь плыл за ним, оседлав корабельную волну.

У входа в гавань, забитую судами и суденышками, затянутую плотной мазутной пленкой, дельфин, наконец, отстал от борта. Он долго крутился на одном месте, выбрасывался из воды, но зайти в гавань не пожелал.

Находясь на берегу, мы от моряков несколько дней подряд слышали о дельфине, живущем возле горловины залива. Этот дельфин якобы не обращал на входившие в гавань корабли никакого внимания, но непременно подплывал ко всякому судну, отправляющемуся в рейс. Некоторое время он крутился возле борта, выпрыгивая из воды, заглядывал на палубу, затем уплывал.

Потом эти разговоры прекратились. Доверчивого дельфина больше не видели.

ЛЕДОХОД

К Вилюю подлетали поздно вечером, когда загулявшее солнце долгого весеннего дня присело, наконец, отдохнуть на горную гряду. Темный, по колено в надледной воде Вилюй раздваивался на стремнине, огибая заросший тайгою остров. На воде сполоха-

ми играли багровые закатные пятна. Отсветы заката легли на тайгу, на верхушки сосен, лиственниц и кедрачей.

Здесь нам предстояло жить и работать до конца полевого сезона и составить геологическую карту Земли. Начальник отряда попросил командира вертолета покружить над левым берегом Вилюя. Надо было выбрать удобное для палатки место. Наконец сели на таежной поляне, выгрузились. Машина тотчас взлетела и легла на обратную линию полета. Пилоты спешили: темнело.

Ноздреватые от древности, с прозеленью валуны. Разлапистые ели вперемежку с кедрачами. Лобастый голец; огибая его, к речке бежал говорливый ручей, поминутно спотыкаясь на камнях.

Наломали пушистой, пряно пахнущей хвои, настелили под брезентовый пол, разбили большую круглую палатку. И сразу заснули — умаялись за день.

Едва забрезжил рассвет, меня разбудил гром. Раскаты были отдаленные и странные — не прекращавшиеся ни на минуту. Молнии не полосовали небо, и дождь не шел.

Я вылез из палатки в плотный и непроницаемый, как дым, туман и сразу понял причину звуков, похожих на отдаленные громовые раскаты: их рождал ледоход. Взломался Вилюй!

Ничего не видя перед собою в грязно-молочных облаках тумана, я, как слепой, выставил вперед руки и осторожно, боясь споткнуться и упасть, направился к реке. Впереди неожиданно вырастали то дерево, то валун; в летящих белесых клубах они, казалось, шевелились. Одежда от сырости сразу отяжелела.

Гул ледохода становился все явственней, громче, и теперь уже вклинивались иные звуки: шуршание, треск, даже визг и надсадный скрежет. На востоке появилось слабенькое рассветное пятно. Под моими ногами зачавкала ледяная кашица. Внезапно раздался мощный басовитый скрежет. Из тумана прямо на меня утесом, призраком надвигалась грязная льдина. Я невольно отпрянул назад. Льдина переломилась надвое, издав звук ружейного выстрела, ухнула в воду, с головы до ног окатила меня кашицей. Затем на том же месте по-

казалось длинное бревно. Продвигаясь рывками, оно поднялось колом и тоже с треском переломилось, не выдержав напора очередной льдины.

На реке тянул ветер, а в трех метрах от воды было полное затишье, на берегу туманы едва передвигались, на стремнине же валили, как дым от паровоза.

Кто-то крикнул наверху. Я насторожился. Крик повторился. Потом косо метнулось длинное черное крыло. Большая неведомая мне птица с беспрестанным гортанным криком низко пронеслась над головой. Через несколько секунд она показалась вновь, закружила над взбесившейся рекой.

Я пригляделся и увидел на плывущей обгрызенной льдине большое опрокинутое гнездо. Четыре неуклюжих желторотых птенца с отчаянным писком ковыляли по кромке, тянули к воде длинные неопушенные еще шеи. Птица спикировала на льдину. Теперь там осталось три птенца. Четвертого, спасенного, мать бросила буквально к моим ногам. Новый заход. Но было уже поздно. Соседняя льдина, крошась и ломаясь, вдруг вздыбилась и прихлопнула птенцов.

Писк разом оборвался. Но еще долго слышался удаляющийся материнский крик. Видно, неразумная, свила ты гнездо на прибрежной лиственнице, ледоход сре́зал ствол, и дети твои упали на плывущую льдину...

Потрясенный увиденным, я взял птенца в руки. Тот довольно больно ущипнул меня за палец изогнутым клювом, попытался вырваться. Глазищи круглые, сердитые, стынет в них лютая ненависть, сразу видно — хищник.

Затем все произошло так быстро, что я и глазом не успел моргнуть. Нарастающий свист воздуха. Мягкий, но сильный удар крыла по голове. Секундная тяжесть в ладонях.

Когда я сообразил, в чем дело, птенца в руках не было, лишь на тыльной стороне ладони набухала, краснела глубокая царапина, оставленная острыми когтями птицы...

А река, освобождаясь от ледяного панциря, мощно гудела, трещала, скрежетала. И не было для нее преград, и ничто не могло остановить извечную работу весны.

— Силища-то какая!..— невольно вырвалось у меня.

Проснулись поздно. Поеживаясь от утреннего холода, умылись в ледяном ручье, сели пить чай.

А ледоход, набирая силу, гудел, плескался не переставая. Туманы вышли из берегов, поползли на сопки, и река предстала во всей своей разбойной красе. Возле того и другого берега на льдинах плыли вывороченные с корнем и будто срезанные деревья, большие куски земли, камни. Льдины беспрестанно налезали друг на друга, переламывались, уходили под воду, словно резвящиеся белые медведи. Изредка образовывалось небольшое, расчищенное от льда пространство, и тогда в воду опрокидывалось ярко-синее утреннее небо.

Острый на слух начальник отряда вдруг поднялся с кружкой в руке и долго стоял, прислушиваясь к гулу ледохода.

— Вроде бы кто-то крикнул... Иль послышалось?.. Опять крик!

И мы услышали его. Крик раздавался в верховьях реки, очень походил на человеческий и был полон отчаяния, мольбы. Кто взывал о помощи здесь, в глухой тайге, вдали от селений?.. Охотник, попавший в беду, отбившийся от своего отряда геолог?

Не сговариваясь, мы бросились к реке. Кто-то забежал в палатку, на всякий случай захватил веревку.

Крик приближался. Он не утихал ни на секунду. Так не мог кричать человек.

Вскоре вдалеке показался темный предмет, плывущий на льдине посреди реки. Предмет метался из стороны в сторону. Постепенно обозначилось длинное толстое туловище, сытый загривок, мощные рога. Это был матерый сохатый.

Когда большая льдина, по которой он метался, проплывала мимо нас, лось заметил людей и перестал кричать. Зверина подошла к кромке льдины, замерла, глядя на нас. И здесь случилось непоправимое: противоположная сторона льдины начала подниматься, а кромка, возле которой стоял сохатый, напротив, уходить под воду. Ему бы быстро перейти на другую сторону... Но он замешкался, разглядывая людей. Льдина вздыбилась, и лось тяжело ухнул в воду. Длинная морда на мгновение исчезла, затем вынырнула, плотно зажатая льдом. Она быстро удалялась. Мы побежали вдоль берега.

— Неужели утонет?!

— Похоже на то...

— Как же он в такую ловушку угодил?..

— Очень просто. Решил по льдинам реку перейти, а на стремнине его понесло.

— Подобных случаев сколько угодно. И не только с лосями.

Голова зверя то исчезала, то вновь появлялась.

В полверсте от стоянки отряда Вилюй круто разворачивался. Течение начало прибивать лося к берегу.

— Из сил выбивается...

— Сейчас потонет!

— Дайте-ка веревку.— Последнюю фразу сказал начальник отряда. Он живо обвязал себя веревкой вокруг пояса.— Разматывайте. Только постепенно.

Я потихоньку отпускал веревку. Начальник отряда запрыгал с льдины на льдину, продвигаясь к плененному зверю. До него было метров пятнадцать. Где-то на середине пути льдина под тяжестью человека переломилась надвое, но начальник отряда успел перескочить на соседнюю, зачерпнув полную бахилину ледяной воды. Наконец он возле зверя. Белки глаз животного налились кровью, казалось, они вот-вот выкатятся из орбит. Балансируя, начальник отряда распустил веревку, сделал петлю-удавку и накинул ее на мощное разветвление рогов. Обратно ему пробираться было легче — он держался за натянутую веревку.

Я не помнил, сколько времени прошло, пока сохатого подтянули к берегу. Час, два ли часа. Обессиленный, он с трудом выполз на берег и тотчас завалился на бок.

— Не подходить! — крикнул нам начальник отряда.— Может копытом садануть!

Не рискуя вплотную приблизиться к животному и снять с рогов веревку, начальник отряда метра за три до зверя обрезал ее. Поспешно отошел подальше, стал наблюдать.

Через некоторое время огромная туша пришла в движение. Сохатый поднимался долго. Но вот он на ногах. Повернул голову, глядя на нас. Затем поспешно пошел в противоположную сторону, сильно припадая

на левую переднюю ногу и не пытаясь сбросить с рогов обрывок веревки.

— Иди, милок, иди,— как человеку, сказал зверине начальник отряда.— Знать, долго тебе жить, коль от такой страшной смерти увильнул...

КАПКАН

Мне причудились непонятные звуки за дверью барака, и я проснулся. Прислушался. Нет, все тихо. Лишь привычно стучал двигатель на буровой. Показалось... А, ясно! Приснился старик эскимос, промышлявший песцов в своем колоссальном охотничьем угодье, равном территории Франции. Наша буровая стояла на северной границе угодья охотника, на побережье Ледовитого океана, и он недели две назад навестил нас, возвращаясь из чукотской глубинки. Добыча, десятка три окоченевших на морозе песцов, покоилась на нарте, запряженной цугом одиннадцатью рослыми и дьявольски злобными ездовыми псами. Свою погибель зверьки нашли в капканах, настороженных в ледяном безмолвии арктической тундры.

Я спал крепко и не слышал, как пришли парни с ночной смены, как позавтракали, отправились на работу ребята утренней смены. Судя по паркý, поднимавшемуся из носика заварного чайника, произошло это совсем недавно.

На Севере властвовала полярная ночь, и горевшая круглые сутки яркая электрическая лампа освещала обшитые фанерой стены барака, обитую оленьей шкурой дверь, «буржуйку», горку угля возле порога, ряды нар. В углах нашей хижины наросла наледь, изморозь, разбегавшаяся лучами. За замерзшим оконцем просвечивал пунктир горящих ламп. Они освещали тропку, бегущую на буровую. Электричество вырабатывал буровой двигатель.

Вчера выдалась трудная вторая смена, наломались изрядно, и я вновь стал засыпать, когда за дверью кто-то закряхтел и глухо закашлял. Может, опять наведался старик эскимос? Человек он, по европейским понятиям, чрезмерно стеснительный (северный житель, не в

пример бледнолицым, считает за тяжкий грех хоть чем-то обременять людей). Верно, топчется промысловик возле двери, не решается войти.

Я слез с нар, натянул лохматые собачьи унты, накинул полушубок и толкнул ногой дверь. Она стыло заскрипела и отворилась. В горницу, теснясь и толкаясь, влетели клубы сухого морозного пара. Когда они немного разошлись и я глянул на заснеженную площадку перед нашей хижиной, освещенную яркой лампой, висевшей над «парадным» входом, руки, ноги мои, все туловище как бы разом одеревенели. Любой здравомыслящий человек на моем месте поспешил бы захлопнуть и забаррикадировать изнутри дверь. Я это сделал с опозданием на несколько минут, ибо не мог пошевелить даже пальцем...

Судя по гигантскому росту, белый медведь был самец весом центнеров восемь, не меньше. Он стоял в трех метрах от порога и настороженно глядел на меня, вытянув длинную шею.

Небольшая, изящной формы голова, нос с аккуратной и красивой горбинкой, оканчивающийся влажно-черной подушечкой. Пасть зверя была полуоткрыта, синий язык вывален. С кончика языка свисало что-то темное. Что именно? Я не поверил своим глазам: вырванный с цепью из потаска — короткого бревна — песцовый капкан!

С осени дважды белые медведи наведывались к нашему жилищу.

В конце сентября заявилась самка с двумя изрядно подросшими детенышами. По милости этой семейки мы чуть не сгорели. Самка сорвала подвешенную на морозе с внешней стороны барачной стены целехонькую оленью тушу и со своими чадами прикончила ее без остатка. За трапезой зверей мы наблюдали сквозь оконце, оттаив дыханием замерзшее стекло. Они драли когтями затвердевшее мясо, запихивали его в пасть и громко, смачно чавкали. Насытившись, мамаша прилегла отдохнуть, а малыши, если можно назвать малышами десятимесячных медведей ростом с датского дога, решили порезвиться. Они вспрыгнули на низкую плоскую крышу барака. Конечно же, не оставили без внимания, потрогали горячую железную трубу, выведенную от «буржуйки» через крышу. Обожглись, заревели. За-

ботливая мамаша тотчас пришла им на помощь. Доски потолка ходили ходуном и трещали, готовые вот-вот переломиться под многопудовой тяжестью зверя. Парни расхватали карабины. Но доски потолка, слава богу, выдержали. Медведица, верно, тоже обожглась. Рассердилась. Как врежет лапой по трубе! Докрасна раскаленные колена внутри барака разошлись, попадали на пол, незакрепленная «буржуйка», наполовину разрезанная железная бочка, сместилась с железной подставки, красные угли посыпались на доски. А доски-то в мазуте, горючее с буровой подошвами натаскали. Пламя тушили спальниками, сбивали полушубками. Пока боролись с пожаром, звери ушли.

Никому и в голову не пришло пускать в ход карабин. Белый медведь занесен в Красную книгу. Его охраняет строгий закон. Дознаются — а в Арктике, как в деревне, ничего не утаить,— штрафанут так, что взвоешь. И не поверят, если скажешь, что, мол, мишка угрожал твоей жизни. К человеку он настроен дружелюбно, точнее, как бы не замечает его. От нападения белого медведя за полсотни лет погибло не более десяти человек, и все эти нападения были спровоцированы человеком. В общем, правильный закон.

Во всем мире нынче только десять тысяч белых медведей бродят...

А в ноябре к нам заявился одинокий самец. Правая передняя нога у него была в два раза толще остальных. Он лег возле барака и громко заревел. Как раз в это время была связь с базой экспедиции, расположенной в большом арктическом поселке. Сообщили о происшествии. Через три часа на «вертушке» прилетели биологи и врач. Обычно летящего вертолета белый медведь очень боится и в панике бежит от грохочущего чудовища, но хромой самец не двинулся с места, только сжался в ком. Биологи выстрелили в медведя «летающим шприцем». Сильнодействующий препарат обездвижил зверя, он завалился на правый бок. Врач вскрыл нарыв на ноге, выдавил на снег ошметки гноя. Потом извлек из раны сплющенную о кость браконьерскую пулю. Уж не знаю чью. Американскую, канадскую или датскую. Может, нашу, отечественную. Не знаю, где она настигла зверя. То ли в Канаде, то ли на Аляске, то ли в Гренландии, то ли на севере Чукотского полуострова.

Через некоторое время, когда препарат окончил свое действие, белая горка пришла в движение. Самец поднялся и торопливо пошел прочь с ярко освещенной электричеством площадки, в темень арктической ночи.

Приперев лавкой дверь, я громким шепотом сказал:

— Ребята, мишка за дверью! Здоровенный, прямо лошадь!

Молчание. Потом кто-то сонным голосом ответил:

— Да пошел ты... Нашел время шутки шутить.

Ясно. Не верят. Думают — разыгрываю. После появления медведицы с детенышами и хромого самца парни скуки ради частенько этим занимались.

— Не вру же, ребята! — раздраженно сказал я.— Песцовый капкан у него с языка свисает! С цепью! Цепь-то лапищей из потаска выдрал, а с языка капкан как вырвешь?

Подобную картину не нарисует самый изощренный враль, и буровики разом поднялись в спальниках, встревоженно уставились на меня.

— Ну, если сбрехнул!.. Шею намылим.

— Да чтоб мне...

Я не успел договорить. Как бы подтверждая мои слова, за дверью раздалось рычание. Не злобное, а, как мне показалось, жалобное. Не рычание даже — хриплый стон.

Буровики в исподнем, босые соскочили с нар на холодный пол.

Шафаран, старший буровой мастер, наш начальник, проработавший в Арктике два десятка лет и повидавший разные виды, осторожно приоткрыл дверь. Тотчас захлопнул ее.

— И вправду стои́т,— сказал он.— Сколь в Арктике барабаню, а такое, чтоб мишка в капкан языком угодил, не видывал. Польстился, дурачок, на песцовую приманку...

— Мужики, да ведь он помощи у нас просит! — с опозданием догадался кто-то.

— Ясно, что помощи. Не на твои красивые глазки пришел посмотреть.

Стояли, с опаской поглядывали на дверь, решали, что же предпринять. Самое разумное, конечно, вызвать,

как давеча с хромым медведем, вертолет. Биологи и врачи сделали бы свое дело быстро и профессионально. Но связь-то с базой раз в сутки. Очередная связь была недавно, в шесть утра. Стало быть, надо ждать шести утра следующего дня. Да и вертолет сразу могут не дать, может, санрейс выполняет. Сутки с лишним медведь с капканом на языке ждать не будет. Ему нужна немедленная, срочная помощь. Уйдет в тундру — ищи-свищи его в темени полярной ночи. И конечно же, погибнет бедняга голодной смертью: в его положении ни тюленя добыть, ни пищу проглотить.

За дверью послышался короткий рык, проскрипел снег, затем раздался оглушительный удар по двери. Она дернулась; лавка-подпорка полетела на пол. Стоявшие возле порога инстинктивно отскочили внутрь барака.

Поведение зверя в переводе на человеческий образ мыслей, очевидно, означало: «Скорее же думайте, что предпринять! Не видите, что ли, в каком я состоянии?» Он явно торопил нас.

В подобных ситуациях, в критические минуты, разум человека быстр на решения; Шафаран вытащил из ножен, обшитых камусом, свой острейший охотничий нож с наборной янтарной ручкой, бросил рубленые фразы:

— Попробую обрезать язык. Другого выхода не вижу. Страхуйте.

Снимать капкан — значит подвергать себя смертельной опасности. Почувствовав боль, мишка долбанет лапой по черепу — мозги не соберешь. А с ножом риска поменьше, может, отскочить успеешь. Правильно решил наш начальник.

Буровики надели полушубки, унты, нахлобучили ушанки. Двое встали у выхода с карабинами на изготовку. Дверь распахнули настежь.

Медведь с капканом на языке стоял на прежнем месте, в прежней выжидательной позе. Шафаран с ножом в руке медленно, говоря что-то ласковое, пошел на зверя. Отчаянный мужик. Я б не решился.

Два метра до белого медведя, метр... Тот стоял неподвижно, словно окаменел. Шафаран выставил нож.

Широкое лезвие поплыло в воздухе к морде зверя. Остановилось. Шафаран медленно отступил к бараку.

— Дайте-ка закурить,— попросил наш начальник. Его руки крупно дрожали, когда он прикуривал сигарету.— Сдрейфил, однако... Понял: не успею отскочить, если лапой махнет. Видели, как он нерпу у лунки караулит? Едва она, бедняга, покажется — рраз по башке! Реакция у него отменная...

Морозный воздух выдул тепло из барака, но дверь не закрывали. Стояли, думали. Стоял, ждал и белый медведь.

Наконец Шафаран вышел из барака и тотчас вернулся. В руке он держал лыжину. Не короткую, обтянутую камусом, а длинную, фабричную. Разыскал обрывок провода. Затем приладил к лыжине, с той стороны, где не было загиба, свой нож. Крепко стянул пассатижами провод. Попробовал: не качается ли нож? Он был прикручен намертво, так воин штык примыкает к винтовке.

— Ну, я пошел,— сказал Шафаран так, словно собрался на прогулку.— Стрелять только в самом крайнем случае. Ты,— он кивнул мне,— встань у двери. Как вбегу — захлопывай.

И пошел, выставив, как копье, лыжину с ножом на конце.

Медведь поднял левую лапу. Они предпочитают бить левой. Шафаран замер. Зверь опустил лапу.

Дальше все произошло за две-три секунды, не больше.

Шафаран рывком сунул лыжину к морде зверя — тотчас послышался металлический звук упавшего капкана с цепью — и отскочил, влетел в барак. Я захлопнул дверь.

Долгий отчаянный рев раздался снаружи. Мы приперли спинами и плечами дверь. Вскоре рев стал удаляться.

Шафаран приоткрыл дверь. Медведь поспешно уходил прочь с освещенной площадки и поминутно оглядывался на барак. Темень разом поглотила его.

Мы подошли к тому месту, где только что стоял зверь. В снегу лежал капкан, от него тянулся кровавый пунктир. В металлической пасти торчал кусочек языка.

...Утром мы сообщили по рации о происшествии. Еще через день на имя Шафарана пришла радиограмма:

«В данной ситуации вы приняли единственно верное решение. Восхищаюсь вашим мужеством. Примите благодарность от меня и спасенного вами медведя».

Подписал радиограмму известный ученый-зоолог. Я читал его книги о животных Арктики.

СОДЕРЖАНИЕ

Для среднего и старшего возраста

Евгений Клеоникович Марысаев

СЕВЕРНЫЕ НОВЕЛЛЫ

ИБ № 7128

Ответственный редактор Ю. Н. Спасская
Художественный редактор Г. Ф. Ордынский
Технические редакторы М. А. Кутузова и И. С. Широкова
Корректоры О. И. Иванова и Ж. Ю. Румянцева

Сдано в набор 26.08.83. Подписано к печати 23.05.84. А02936. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 12,31. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4194. Цена 60 коп.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Марысаев Е. К.

М30 Северные новеллы/ Рис. И. Ушакова.— М., Дет. лит., 1984.— 239 с., ил.

В пер.: 60 к.

Сборник рассказов о природе Севера, об отношении современного человека к диким животным, о его ответственности за сохранение живых существ на Земле.

М $\frac{4803010102-402}{М101(03)84}$ 336—84 Р2

60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Евгений Марысаев • СЕВЕРНЫЕ НОВЕЛЛЫ